ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

НА

1856

ИЗДАВАЕМАЯ

ИСКАНДЕРОМЪ

КНИЖКА ВТОРАЯ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ АВТОРОМЪ.

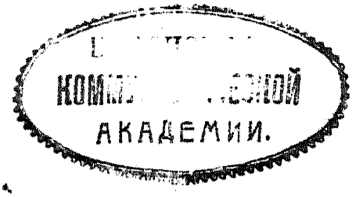
Да здравствуетъ разумъ!

А. ПУШКИНЪ.

LONDON

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.



673
25474 Ш 53

Не успѣли въ Москвѣ оплакать потерю Т. Н. Грановскаго, какъ еще сильный дѣятель сошелъ въ могилу. Двадцать шестого Апрѣля тамъ-же окончилъ свою жизнь ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ. Наши читатели знакомы съ нимъ. Мы приложимъ къ слѣдующимъ нумерамъ портреты обоихъ покойниковъ и скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ любви и воспоминанія.

и—ръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе III

Неизданныя стихотворенія А. Пушкина, К. Рылѣева, М. Лермонтова . . 3

Искандера,—Былое и Думы 45

„ Западные Арабески 173

„ Примѣчанія 211

И. Сазонова,—Мѣсто Россіи на всемірной выставкѣ. 217

Письма 252

Р. Ч.,—Русскіе вопросы 268

„ Примѣчанія 278

Вторая книжка Полярной Звѣзды выходитъ позже обѣщаннаго. Мы убѣдились теперь, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ издается наше обозрѣніе, правильной періодичности быть не можетъ. Не останавливаясь на разныхъ вещественныхъ и невещественныхъ препятствіяхъ, мы упомянемъ только объ отсутствіи легкихъ книгопродавческихъ сношеній между Англіей и Материкомъ.

Полярная Звѣзда можетъ только быть сборникомъ, являющимся раза два въ годъ безъ опредѣленнаго времени — въ слѣдствіе чего не будетъ и подписки.

Не желая еще дольше задерживать выходъ второй книжки, мы оставили до слѣдующихъ— всѣ иностранныя статьи, нѣсколько замѣчательныхъ писемъ и нѣсколько вновь полученныхъ русскихъ стихотвореній, непропущенныхъ петербургской цензурой.

(Примѣчаніе сдѣланное въ Первомъ изданіи.)

ВПЕРЕДЪ! ВПЕРЕДЪ!

(31 Марта 1856 года).

Теперь только идите, не стойте на одномъ мѣстѣ, что будетъ, какъ будетъ, трудно сказать, никто не знаетъ, но толчекъ данъ, ледъ тронулся. Двиньтесь впередъ ... вы сами удивитесь какъ потомъ будетъ легко идти.

Сегодня утромъ графъ Орловъ бросилъ последнюю горсть земли въ могилу Николая, торжественно засвидѣтельствовалъ его смерть и съ тѣмъ вмѣстѣ начало новой эпохи для Россіи.

Война вамъ стоила дорого, миръ не принесъ славы, но кровь севастопольскихъ воиновъ лилась не напрасно, если вы воспользуетесь ея грознымъ урокомъ. Дороги усѣянныя трупами, солдаты изнуренные прежде встрѣчи съ непріятелемъ, недостатокъ путей сообщенія, безпорядокъ интендантства — ясно показали несовмѣстность мертвящаго самодержавія не только съ развитіемъ, съ народнымъ благосостояніемъ, но даже съ силой, съ внѣшнимъ порядкомъ, съ тѣмъ механическимъ, благоустройствомъ, которое составляетъ идеалъ дезпотизма. Къ чему послужило угнетеніе мысли, преслѣдованіе слова, вѣчные парады и ученья, къ чему послужилъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ государствомъ съ своими сотнями тысячь входящихъ и исходящихъ бумагъ?

Къ тому чтобы сорокъ два года спустя послѣ того какъ блестящій, молодой, либеральный полковникъ М. Ѳ. Орловъ

30 Марта 1814 года, подписалъ капитуляцію Парижа во имя побѣдителей Наполеона,—другой Орловъ, старикъ, шефъ корпуса жандармовъ, его братъ, принесъ повинную голову Россіи и принялъ миръ, дарованный ей другимъ Наполеономъ, тоже изъ корпуса жандармовъ.

"Неужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ ту огромную силу царя о которой говорятъ?"—сказалъ я въ 1853 на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ и повторяю мои слова, потому что событія ихъ такъ рѣзко подтвердили. "Россія сильна, но императорская власть, такъ какъ она сложилась теперь, не способна вызвать этой силы; у ней нѣтъ корней въ народности, она не русская и не славянская. Это временная диктатура, осадное положеніе возведенное въ основу правительственнаго начала. Она можетъ исторически была необходима, но пережила себя, она совершила судьбы свои въ то время, когда Александръ I взошелъ освободителемъ въ Парижъ, окруженный свитой королей и вѣнценосцевъ, которыхъ онъ удерживалъ отъ грабежа и насилія".

Александръ I зналъ это, онъ былъ какъ-то потерянъ послѣ побѣды, онъ чувствовалъ что дальше идти путемъ самовластья было невозможно и печально шелъ, склоняя голову на встрѣчу 14 Декабря, не имѣя силы ни овладѣть событіями, ни уступить имъ.

Тоже сознаніе съ другой стороны, доказалъ колосальный заговоръ, въ которомъ участвовали передовые люди всѣхъ дѣятельныхъ слоевъ русской жизни. Оставаться долѣе подъ гнетомъ неограниченнаго самовластья, было такъ нестерпимо, что горсть героическихъ людей гордо бросила вызовъ царской власти "въ самой пасти льва", какъ сказалъ Мишле. Сила одолѣла мысль. Николай остановилъ своей холодной и тяжелой рукой рвущуюся впередъ молодую жизнь, задержалъ всякое движеніе и достигъ—чего? Тридцатаго года своего царство-

ванія надъ мертвой тишиной задавленнаго молчащаго народа; скованная Польша едва дышала, русская литература остановилась, 14 Декабря было побѣждено, и онъ — представитель и глава реакціи въ Европѣ, захотѣлъ наконецъ попробывать свои силы.

И тогда тридцатый годъ сдѣлался для него годомъ страшнаго искупленія. Съ безсильнымъ гнѣвомъ, съ сожигающимъ стыдомъ Николай увидѣлъ свое войско, такъ хорошо обученное имъ метать ружьемъ, побитое коммисаріатомъ; свои суды, управы, совѣты наполненные ворами. Окруженный доносчиками, двумя-тремя полиціями, онъ зналъ всякое либеральное четверостишіе писанное какимъ-нибудь студентомъ, всякій неосторожный тостъ, произнесенный какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ, но не имѣлъ средства узнать истину, добраться до правды во всемъ остальномъ.

Возлѣ него, рядомъ становилась нагло другая власть, неуловимая, вездѣсущая, кравшая разомъ позолоту съ его трона и желѣзо съ крестьянскаго плуга, недопускавшая одной рукой паекъ до солдата и вырывавшая другой послѣдній кусокъ хлѣба у крестьянина.

За нѣсколько мѣсяцовъ до своей смерти (разсказывали газеты), Николай разсерженный кражею инвалидныхъ суммъ, сказалъ, что онъ знаетъ одного человѣка на службѣ, который не крадетъ—и этотъ человѣкъ онъ самъ.

Какое сознаніе слабости и какая казнь! Николай умеръ подъ ея тяжестью.

Неужели Александръ и Константинъ, въ добросовѣстности которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться, воображаютъ что они искоренятъ зло, отдавши подъ судъ нѣсколько плутовъ и публикуя циркуляры съ критическими замѣтками.

Зло—боится свѣта, зло — боится гласности, зло—боится свободы; но вѣдь всего этаго боится и самовластье. Вотъ

страшная круговая порука между двумя властями. Воровство вовсе не было національно во Франціи, а десяти лѣтъ первой имперіи было достаточно, чтобъ превратить французскихъ генераловъ въ грабителей, префектовъ въ взяточники.

Намъ самимъ надобно бороться со зломъ, подпять голосъ противъ него, найти совѣтъ и средство, заявить волю и силу, если ихъ не въ самомъ дѣлѣ сломилъ николаевскій гнетъ. Иначе ничего не будетъ.

Но онъ не сломилъ ихъ. Тотъ-же годъ, который былъ такъ безпощаденъ для, царя, показалъ намъ снова неисчерпанную, здоровую мощь русскаго народа. Какъ все это странно и полно глубокаго значенія! Русь оживала въ то время, какъ онъ отходилъ и отходилъ оттого, что не имѣлъ вѣры въ свой народъ. Онъ зналъ Альму и Евпаторію, но крымской Саррагосы, но богатырской защиты Севастополя не предвидѣлъ.

Воздухъ 1612 и 1812 годовъ повѣялъ въ Россіи при вѣсти о непріятельскомъ нашествіи и ни одинъ человѣкъ не повѣрилъ турецко-крестовому походу за "Просвѣщеніе и Свободу." Мы не знаемъ чѣмъ бы кончилась война, еслибъ она дѣйствительно перешла въ народное возстаніе, но мы искренно рады миру и тѣмъ болѣе, что онъ приноситъ, не блескъ, а смиреніе. Изъ желѣза побѣдоносныхъ мечей куются самыя крѣпкія цѣпи.

Напротивъ скромный миръ обязываетъ всѣхъ призадуматься о нашемъ положеніи. Всѣ видятъ теперь, что прежній путь никуда негоденъ; но мы увѣрены, что ни правительство, ни вы, никто не имѣетъ опредѣленной мысли, плана, программы. А оставлять будущее на произволъ судьбы — дѣло плохое, Какъ событія измѣняютъ мысль о будущемъ—за это люди не отвѣчаютъ, но желаніе овладѣть ими и воплотить въ нихъ

свой разумъ и свою волю неотъемлемо съ сознательнымъ человѣческимъ развитіемъ.

Мы мало уяснили себѣ наше настоящее положеніе и оттого влекомые внѣшней силой, идемъ на историческую работу какъ на барщену. Причинъ на это много; исключительная національность столько-же мѣшаетъ ясно понимать наше самобытное развитіе, какъ западная цивилизація. Славянизмъ и европеизмъ подставляютъ негодныя, неприлагаемыя ими чужія формы для уловленія нашей жизни, они ее мѣрятъ по другимъ эпохамъ, по инымъ міросозерцаніямъ; ни загробный голосъ праотцевъ, ни сосѣдній умъ не помогутъ рязрѣшить его вполнѣ. (*) Намъ приходится не только оторваться отъ предразсудковъ общихъ намъ съ нашими врагами, но и отъ предразсудковъ нашихъ друзей и собственно нашихъ.

Не одна императорская власть въ своей петровской формѣ дожила свой вѣкъ, но и вся петербургская Россія. То, что она могла сдѣлать, она сдѣлала. Намъ надобно освободиться отъ нравственнаго ига Европы, той Европы, на которую до сихъ поръ обращены наши глаза.

Западная цивилизація своимъ послѣднимъ словомъ поставила отрѣченіе отъ "современнаго гражданскаго устройства;" если Европа и осуществитъ ея завѣщаніе, то это именно не та, на которую вы смотрите, а Европа чернорабочая, оставшаяся какъ Россія внѣ движенія, задавленная нуждой, бѣдная, обойденная, земледѣльческая и отчасти ремесленная.

Всѣ революціи не удались въ Европѣ потому, что онѣ не касались ни поля, ни мастерской, ни даже семейныхъ отношеній, и были сбиты съ дороги мѣщанствомъ. Намъ нечего

(*) Не думайте, что мы намекаемъ на то, что у насъ программа; мы ее такъ-же ищемъ какъ вы, хотимъ искать вмѣстѣ и просто на просто пользуемся нашимъ положеніемъ, дающимъ намъ право свободной рѣчи.

заимствовать у мѣщанской Европы, она снова беретъ у насъ ею привитый деспотизмъ.

Мы не мѣщане, мы мужики.

Мы бѣдны городами и богаты селами. Всѣ усилія создать у насъ городское мѣщанство въ западномъ смыслѣ приводило до сихъ поръ къ тощимъ и нелѣпымъ послѣдствіямъ. Настоящіе горожане наши — одни чиновники; купечество ближе къ крестьянамъ, нежели къ нимъ. Помѣщики естественно больше сельскіе жители, нежели городскіе. И такъ городъ у насъ почти одно правительство, Россія государственная, а село вся Россія, Россія народная.

Нашу особенность, самобытность составляетъ деревня съ своей общинной самозакопностью, съ мірскою сходкой, съ выборными, съ отсутствіемъ личной ноземельной собственности, съ раздѣломъ полей по числу тяголъ. Сельская община наша пережила ту эпоху тяжелаго государственнаго роста, въ которой обыкновенно общины гибнутъ и уцѣлѣла въ двойныхъ цѣляхъ, сохранилась подъ ударами помѣщичьей палки и чиновничьяго грабежа.

Естественно, что намъ съ самаго начала представляется вопросъ: Слѣдуетъ-ли образовать нашу общину на основаніи отвлеченной независимости лица и его самодержавнаго права собственности, искореняя въ ней ея патріархальный комунизмъ и семейную круговую поруку, или напротивъ, не слѣдуетъ-ли намъ развивать ее на ея народныхъ и соціальныхъ началахъ, стремясь къ сохраненію и сочетанію личной независимости—безъ которой нѣтъ свободы—съ общественной тягой, съ круговой порукой, безъ которыхъ свобода дѣлается однимъ изъ монополей собственника.

Наука Запада и его трагическая судьба даютъ намъ богатыя средства для того, чтобъ приблизиться къ этому, и, можетъ мы ошибаемся, но этотъ вопросъ намъ кажется важнѣе всѣхъ

хартій, кодексовъ, раздѣла властей, словомъ, всѣхъ бѣлилъ и румянъ, которыми старому монархизму придаютъ видъ молодой свободы.

Но коснуться до него намъ мѣшаетъ не царь, а страшное преступленіе крѣпостнаго состоянія. Крѣпостное право, это нечистая совѣсть Россіи, это ея право на рабство. Рубцы на спинѣ мучениковъ и страдальцевъ поля и передней, не на ихъ спинѣ, а на нашемъ лицѣ, на лицѣ Россіи. Помѣщики связаны по рукамъ и ногамъ своимъ нелѣпымъ правомъ.

И такъ первый врагъ, противъ котораго намъ надобно бороться—передъ глазами.

Въ нашемъ неумѣніи разрѣшить этоть вопросъ есть на первый взглядъ что-то безумное. Молодое дворянство хотѣло его пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ Тамбовѣ, не знаю гдѣ; Александръ I мечталъ объ немъ; Николай желалъ его. Молодые дворяне сдѣлались теперь пожилыми дворянами, мы не имѣемъ никакаго повода сомнѣваться чтобъ Александръ II противился ему. Кто-же не хочетъ? Кто тотъ сильный, который останавливаетъ разомъ народъ и царя, образованную часть дворянства и страждущихъ крестьянъ?

Это опять фантастическіе boyards russes и вновь изобрѣтенное old moscovite party. Да вѣдь имѣнья этихъ бояръ точно также заложены и просрочены, да и гдѣ-же ихъ сила,—конечно не въ нихъ.

Нѣтъ, будемте откровенны, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ оттого не былъ разрѣшенъ, что за него не умѣли приняться, а приняться не умѣли долею оттого, что онъ неразрѣшимъ ни съ точки зрѣнія петербургскаго правительства, развивавшаго зло и воспользовавшагося имъ; ни съ точки зрѣнія того либерализма, въ основѣ котораго лежитъ религія собственности, безусловное и неисторгаемое признаніе ея во вѣки нерушимой.

И вотъ мы снова становимся лицемъ къ лицу съ высшей общественной идеей Европы, съ той идеей, отъ которой міръ обезумѣвшей собственности и оторопѣлаго мѣщанства прячется за штыки, депортаціи, за іезуитовъ, за феодализмъ, за невѣжество и за деспотизмъ, о которомъ не имѣли понятія даже во время римскихъ императоровъ.

Но какже вы приблизитесь къ разрѣшенію такого сложнаго вопроса? Для этаго необходимо обсудить его, обмѣняться мыслями, сличить мнѣнія. Цензура вамъ этаго не позволитъ дѣлать въ печати, а полиція не позволитъ это дѣлать словесно. Оно и придется снова бѣжать въ безплодные споры между поклонниками исключительной народности и почитателями космополитической цивилизаціи ... Но не грѣшно-ли расточать свои силы на эти мнимыя пренія, истощать свой умъ на эту междоусобицу, въ то время какъ сердце и совѣсть просятъ не того, въ то время какъ грустный крестянинъ оставляетъ незасѣяннымъ свое поле и идетъ на барщену, а дворовый съ стиснутыми зубами ждетъ розогъ.

Хоть бы мы попросили государя чтобы насъ всѣхъ снова пріобщить къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а то это накожное покровительство дворянскихъ спинъ, предостовляющее намъ право быть палачами—изъ рукъ вонъ противно ...

... Не ясно-ли что на первый случай вся программа наша сводится на потребность гласности и всѣ знамена теряются въ одномъ—въ знамени освобожденія крестьянъ съ землею.

Долой дикую цензуру и дикое помѣщичье право! Долой барщену и оброкъ! Дворовыхъ на волю!

А съ становыми и квартальными сдѣлаемся потомъ ...

и—ръ.

I.

НЕИЗДАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ПУШКИНА, К. РЫЛѢЕВА, М. ЛЕРМОНТОВА.

I.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПУШКИНА.

ВОЛЬНОСТЬ.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица,
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ главы вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго Галла,
Которому средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы!
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній
И къ славѣ роковая страсть!

Лишь тамъ надъ царскою главой
Неслышимо людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностю святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ

И преступленье свысока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ.
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но выше васъ стоитъ законъ. (*)

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О! мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ.
Падетъ преступная сѣкира

(*) Варіантъ "Но выше васъ самихъ законъ."

И самовластная порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостію вижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы,
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сіяетъ,
И беззаботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ,
Глядитъ задумчиво пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана,
Забвенью преданный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ
Надъ сими страшными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами;
Онъ видитъ . . . въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны,
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной.
О стыдъ, о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары,

Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесъ первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

ДЕРЕВНЯ.

"Привѣтсвую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья.
Я твой . . . Я промѣнялъ порочный дворъ царей
Безумные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой . . . Люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ уставленный душистыми скирдами
Гдѣ чистые ручьи въ кустарникахъ журчатъ.
Вездѣ передо мной прелестныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбарей бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанье презирать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.

Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ,
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отважный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ(*)".
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ,
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ,
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ душѣ моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ.
Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря!...

(*) Начало это было напечатано.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься вездѣ—подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ;
Какъ адскій лучь, какъ молнія боговъ—
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый . . .
Кинжалъ, ты кровь излилъ, и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Изчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели, усталому Анду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
И вышній судъ ему послалъ

Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ роковой,
О Зандъ! Твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Твоей Германіи Ты грозной тѣнью сталъ,
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нѣжилъ насъ обманъ,
Изчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ;
Но въ насъ горитъ еще желанье,
Подъ гнетомъ власти роковой,
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванье.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты вѣрнаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ.
Души прекрасные порывы.
Товарищъ вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена! 1818.

ПОСЛАНІЕ КЪ М. ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ,
Преподаешь царей науку;
Но не безславить сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача.
Орловъ, ты правъ, я забываю
Свои геройскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты.
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ,
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ—придворный . . . обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,

Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ.
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ,
Я буду ждать—когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

ВЪ СИБИРЬ (*)

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье,
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра—
Надежда въ мрачномъ подземельи
Разбудитъ бодрость и веселье.
Прійдетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечь вамъ отдадутъ.

(*) Стихи эти были присланы Пушкинымъ въ 1827 г. сосланнымъ въ Сибирь послѣ 14 Декабря.

ПРОПУЩЕННЫЯ СТРОФЫ

изъ стихотворенія "Наполеонъ"

. . . . . .

IV

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ вѣтхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы свѣтлый день насталъ,

V

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой,

VI

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась крылъ.

Среди рабовъ до упоенья
Ты власти жажду утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

VIII

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ;
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Уже не поблѣднѣетъ Россъ,
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ;
Но скучный миръ, по хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

IX

"Губитель, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ непостигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Непредузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ..."(*)

X

Россія бранная царица,
Воспомни древніе права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай великая Москва!
Настали времена другія,
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ Россія,
Война по гробъ нашъ договоръ.

XI

. . . . . .

(*) IX Строфа была напечатана, мы ее помѣщаемъ для ясности.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СѢЯТЕЛЬ.

"Изыде сѣятель сѣяти слово свое"

Свободы сѣятель пустынной,
Я вышелъ рано до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды!
Проснтесь добрые народы,
Васъ не разбудитъ чести кличь.
На что стадамъ дары свободы?
Пхъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ рода въ роды
Ярмо съ гремушкою, да бичь.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ;
Смотри, пожалуй, вздоръ какой,
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ временъ превратность:
Непрекословлю, право, ей;
У насъ нова рожденьемъ знатность
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ—
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ,—
Кудажъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, славу Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ, ради службы бранной,
Святому Невскому служилъ,
Его потомство гнѣвъ вѣчанной
Иванъ четвертый пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало намп дорожили,
Но я, я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ свою родню неукротимъ,
Съ Петромъ мой прадѣдъ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой,
Не любитъ спора властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый
И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И не якшаясь съ новой знатью
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ не Мусинъ,
Я самъ большой не царедворецъ
Я грамотѣй—я мѣщанинъ.

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ проданъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный Арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперстникъ, а не рабъ.
И былъ отцомъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу,
И на публичное кладбище захожу,
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ
Какъ гости жадные за пищенскомъ столомъ,
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи,
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ,
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.
По какъ-же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ,
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ,
Къ нимъ ночью темною не лезетъ бѣдный воръ.
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ вѣчными гробами
Колеблясь и шумя . . . 1836.

МІРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа
Марія грѣшница и пресвятая дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены;
Но у подножія теперь креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ поставлено на мѣсто женъ святыхъ
Съ ружьемъ и въ киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю-царей,
Иль покровительствомъ спасать могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
И чтобъ непотѣснить гуляющихъ господъ
Пускать не велѣно сюда простой народъ. 1836.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛА

(Подражаніе Латинскому.)

Ты угасалъ, богачъ младой,
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Запмодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Нетрогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались,
Твоихъ наемниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались,
Вздыхали вѣрные рабы,
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ что сулили
Имъ тайныя судьбы.

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой
Знобимъ стяжанья лихорадкой;
Уже скупой его сургучь
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загрѣсть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучь.

Онъ мнилъ: "Теперь ужъ у вельможъ
Не стану нянчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ;
Теперь мнѣ честность трынь-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!"

Но ты воскресъ. Твои друзья
Въ ладоши хлопая ликуютъ;
Рабы какъ добрая семья
Другъ друга въ радости цалуютъ,
Бодрится врачъ, поднявъ очки,
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею,
Смотри безцѣнный даръ она,
Умѣй-же *пользоваться ею;*
Укрась ее, года летятъ,
Пора! введи въ свои чертоги
Жену красавицу—и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ(*)

Христосъ воскресъ! Питомецъ Ѳеба,
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ,
Онъ что-то кажется исчезъ.
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ Академіи почтенной
Воскресли члены ото сна,
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель,
Чтобы Шихматовымъ на зло,
Воскреснулъ новый Буало,
Расколовъ, глупости свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота et cætera . . .
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ,
Да не воскреснетъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И не покойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,

(*) Писано въ Лицеѣ.

Что очень стыдно и грѣшно.
О Муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ;
Не нужно мнѣ гремящей лиры
Вручи мнѣ Ювенала бичъ.
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
Не безотвѣтнымъ рифмачамъ
Готовлю язву эпиграмъ.
Миръ вамъ, несчастные поэты!
Миръ вамъ, смиренные глупцы!
А вы ребята подлецы
Впередъ! всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда;
Но если-же кого забуду
Прошу напомнить, господа!
О! сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О! сколко лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Непзгладимую печать.

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. РЫЛѢЕВА.

ГРАЖДАНИНЪ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности, влачить свой вѣкъ младой
И изпывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Они раскаются, когда народъ возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело спокойно, строенъ станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой,
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ли, мужество гражданъ,
Непоколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ли прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Надежною опорой троновъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой Аристиды,

Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ,
Не погасала въ нхъ сердцахъ,
Любовь къ согражданамъ своимъ;
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Тобою славны на судѣ
И Панинъ(*) нашъ, и Долгорукій,
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспоривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣть опровергалъ льстецовъ,
И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи;
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ,
Сіять для будущихъ племенъ,
Но подвигъ воина гигантскій

(*) Но не теперешній. — Изд.

И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ.
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы,
Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Аттилъ и Цесарей, и Бреннов
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой,
Они являлися толпой.....
Но много-ль было Цицероновъ?....

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ-ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатеринскихъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ сограждане не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье
Благодаренье небесамъ,
За ихъ святое снисхожденье;
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ,
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ.
Вотще коварство вкругъ шипитъ,
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя;
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ.
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и въ судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ:
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, ревутъ рѣка,
Но тщетны дерзкіе порывы;
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый.

ДВѢ СТРОФЫ ИЗЪ ОДЫ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

30 Августа 1823 года (*).

Гласъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри, въ волненіи народы,
Смотри, въ движеньи сонмъ царей;
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцемъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородной,
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель,
Оно—есть первый долгъ царей,
Будь просвѣщенья покровитель,
Оно—надежный другъ властей.

(*) Это стихотвореніе напечатано было въ "Литературныхъ Листкахъ", издававшихся Булгаринымъ въ 1823 г. при журналѣ его: "Сѣверный Архивъ". Къ нему присовокуплены были напглупѣйшія примѣчанія съ тою цѣлію, чтобъ цензоръ далъ одобреніе къ печатанію. Цензоръ дѣйствительно попалъ въ просакъ, и эти стихи разнеслись въ "Литературныхъ Листкахъ" Булгарина по всей Россіи.

III.

СТИХОТВОРЕНІЕ М. ЛЕРМОНТОВА

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ,
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта,
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... къ чему теперь рыданья?
Похвалъ и слезъ пенужный хоръ
И жалкій лепетъ состраданья?
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ,
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ!...
Чтожъ?—веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточь, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ, (*)

(*) Варіантъ "Навелъ ударъ, надежды нѣтъ."

Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ.
И что за диво! издалека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Чужой земли языкъ и правы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку поднималъ!
И онъ погибъ,—и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой, (*)
Сраженный какъ и онъ безжалостной рукой.
За чѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый, и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
За чѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнокъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него,
И иглы тайныя сурово
Язвили славное чело . . .
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ . . .
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать.
А вы, надменные потомки

(*) Варіантъ "Воспѣтый имъ съ такою страстной силой."

Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ,
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона
Предъ вами судъ и правда—все молчи;
Но есть и божій судъ, наперстники разврата !
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Напрасно вы тогда прибѣгнете къ злословью,
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

IV.

МОСКВА 1846 МАРТА 1.(*)

Когда колокола торжественно звучатъ,
Иль ухо чуткое услышитъ звонъ ихъ дальній,
Невольно думою печальною объятъ,
Какъ будто пѣсни погребальной
Веселымъ звукамъ ихъ внимаю грустно я,
И тайнымъ ропотомъ полна душа моя.

Преданье-ль темное тайникъ взволнуетъ груди,
Иль точно въ звукахъ тѣхъ таится звукъ иной,
Но мнится, колоколъ я слышу вечевой,
Разбитый, можетъ быть, на тысячи орудій,
Властямъ когда-то роковой.

Да, умеръ онъ, давно замолкъ языкъ народа,
Склонившаго главу подъ тяжкій царскій кнутъ;
Но встанетъ грозный день, но воззоветъ свобода,
И камни вопли издадутъ
И расточенный прахъ и кости исполина
Совокупитъ опять духъ божій во едино.

И звучнымъ голосомъ онъ снова загудитъ
И въ оный судный день, въ расплаты день кровавый
Въ немъ новгородская душа заговоритъ
Московской рѣчью величавой . . .
И весело тогда на башняхъ и стѣнахъ
Народной вольности завѣетъ красный стягъ . . .

(*) Къ стихотвореніямъ нашихъ великихъ поэтовъ, присовокупляемъ еще нѣкоторыя, читатели поймутъ почему мы не называемъ сочинителей.

ТОГО-ЖЕ

Нѣтъ, не рожденъ я биться лбомъ
Терпѣливо ждать въ передней,
Ни ѣсть за княжескимъ столомъ,
Ни съ умиленьемъ слушать бредни.

Нѣтъ, не рожденъ я быть рабомъ,
Мнѣ даже въ церкви за обѣдней
Бываетъ скверно, каюсь въ томъ
Прослушать августѣйшій домъ.

И то, что чувствовалъ Маратъ,
Порой способенъ понимать я,
И будь самъ Богъ аристократъ,
Ему-бъ я гордо пѣлъ проклятья . . .
Но на крестѣ распятый Богъ
Былъ сынъ толпы и демагогъ.

ПАСПЛЬСТВЕННЫЙ БРАКЪ.

СТАРЫЙ БАРОНЪ.

Сбирайтесь слуги и вассалы
На кроткій господина зовъ,
Судите, не боясь опалы,
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый.
Хотя могучь и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня,
Не властенъ у себя я дома.
Все непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена...

Ее я призрѣлъ сиротою
И раззоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое?
Одѣлъ её парчей и златомъ
Несмѣтной стражей окружилъ,
И врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю, жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она кляпетъ мой кровъ и щитъ,

И косо смотритъ изъ-подлобья,
И повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни.... точитъ ножъ...
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!

И торжествуя и довольны
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ,
Теперъ внемлите непокорной
Пусть защищается она.
Мнѣ непокорная жена.

ЖЕНА.

Раба-ли я или подруга,
То знаетъ Богъ... я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга,
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый.
Я предана... я продана,
Я узница, а не жена.

Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить,
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь онъ хочетъ превратить;
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу!...

Сама сторонныхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета;
Лишь имъ однимъ унижена,
Я врагъ ему, а не жена.

Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ.
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Старинным именемъ моимъ—
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться;
Иной уставъ принужденa
Принять несчастная жена.

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье,
Всѣхъ вѣрныхъ лучшихъ слугъ моихъ;
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазутчиковъ своихъ.
Позоръ гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,
И мнѣ-ль роптать запрещенъ?
Еще-ль терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?(*)

(*) Это стихотвореніе было напечатано; цензура не догадалась сначала, что "Насильственный бракъ" превосходно представилъ Николая и Польшу, потомъ спохватилась и "Старый баронъ" выслалъ изъ Петербурга извѣстнаго автора ихъ.

ИЗЪ АПОСТОЛА ІОАННА.

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, піща съ Пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи;
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался . . .
И фарисеи—для того
Чтобъ потушить восторгъ народный—
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился! . . .
Но вотъ Крестителю во слѣдъ
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя;
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей

И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ.
Незримыхъ язвъ духовный врачь,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачь
И вопль раскаянья Закхея . . .
И что-жъ? На площади опять
Учители и Фарисеи
Пришли Израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
"Бѣгите ложнаго Христа!
"Пусть онъ слова теряетъ праздно,
"Его крамольныя уста
"Полны раздора и соблазна.
"И какъ, взгляните, онъ живетъ?
"Мірскимъ весь преданный заботамъ,
"Онъ ѣстъ, онъ бражничаетъ, пьетъ
"И исцѣляетъ по субботамъ.
"Онъ кинулъ камень въ божество,
"Законъ отвергнулъ Моисеевъ
"И кто межъ насъ друзья его,
"Окромѣ блудницъ и злодѣевъ?" 1849.

МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ.

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души,
Зачѣмъ-же въ городѣ и толки, и волненья?
За чѣмъ же роль играть россійскаго паши,
И объявлять Москву въ осадномъ положеньи?
Вѣдь нами управлять ты могъ на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ,
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ
И вѣрноподданно гніемъ въ своемъ болотѣ.
Какой-же думаешь ты учредить законъ,
Какіе новые установить порядки?
Ужъ не мечтаешь-ли, гордынею ослѣпленъ,
Воровъ перевести иль посягнуть на взятки?
За это не берись; остынетъ гордый пылъ
И сокрушится власть подобно хрупкой стали;
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ русскихъ жилъ,
Вѣдь это съ молокомъ мы матери всосали.
Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга(*) не мчится своевольно,
И не реветъ уже какъ разъяренный звѣрь
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ;
Окутанный въ шинель ужъ онъ съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ
Несомый бурею на лодкѣ Петръ великой.

(*) Московскій полицмейстеръ.

РУССКІЙ БОГЪ.

Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ почлеговъ безъ постелей,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ

Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперегъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ пришельцевъ, иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности Нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Баръ служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего что есть не кстати,
Вотъ онъ, вотъ онъ русскій Богъ.

II.

БЫЛОЕ И ДУМЫ.

(Изъ первой части "Записокъ Искандера" (*)

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ понемногу,
И грусть и радость тѣже въ ней,
И знаетъ ту-жъ она тревогу,
И такъ-же вновь тѣснится грудь,
И такъ-же хочется вздохнуть.

(ЮМОРЪ).

ГЛАВА I.

(1812 — 1822).

Моя Нянюшка и la grande armée—Пожаръ Москвы—Мой отецъ у Наполеона—Генералъ Иловайскій—Путешествіе съ французскими плѣнниками—Патріотизмъ—К. Кало—Общее управленіе имѣньемъ—Раздѣлъ—Сенаторъ.

. . . "Вѣра Артамоновна, ну разскажите мнѣ еще разокъ какъ Французы приходили въ Москву," говоривалъ я потя-

---

(*) Въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, Герстъ и Блякетъ издали англійскій

гнѣясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной чтобъ я не вывалился и завертываясь въ стёганое одѣяло.

— И! что это за разсказы, ужъ столько разъ слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встанете, отвѣчала обыкновенно старушка, которой столько-же хотѣлось повторить свой любимой разсказъ, сколько мнѣ его слушать.

— Да вы немножко разскажите, ну какъ-же вы узпали, ну съ чего-же началось?

— Такъ и началось. Папенька-то вашъ знаете какой, все въ долгой ящикъ откладываетъ; собирался, собирался, да вотъ и собрался! Всѣ говорили пора ѣхать, чего ждать, почитай въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ переговариваютъ какъ вмѣстѣ ѣхать, то тотъ не готовъ, то другой. Наконецъ таки мы уложились и коляска была готова; господа сѣли завтракать, вдругъ нашъ кухмистръ взошелъ въ столовую такой блѣдный, да и докладываетъ "непріятелъ въ драгомиловскую заставу вступилъ", такъ у насъ

переводъ моихъ записокъ. Успѣхъ былъ полнѣйшій, не только всѣ свободно мыслящіе журналы и ревю помѣстили большія отрывки съ самыми лестными отзывами (съ особенной благодарностью вспоминаю я о статьяхъ The Atheneum, The Critic и Weekly Times), но даже тайно-брачный органъ наймерстоновскаго и бонапартовскаго союза, Morning Post, разбранилъ меня и совѣтывалъ закрыть русскую типографію, если я хочу пользоватся уваженіемъ, (какое? — ихъ — нисколько не хочу).

Этотъ успѣхъ, вмѣстѣ съ разборомъ нѣмецкаго перевода въ Нью-Іоркскихъ и нѣмецкихъ журналахъ рѣшилъ мое сомнѣніе печатать или нѣтъ часть предшествующую ". Тюрьмѣ и Ссылкѣ". Въ этой части мнѣ приходилось больше говорить о себѣ нежели въ напечатанныхъ и не только о себѣ, но и о семейныхъ дѣлахъ. Это вещь трудная, не сама по себѣ, а потому что по дорогѣ невольно наталкиваешься на предразсудки, окружающіе заборомъ семейный очагъ. Я не Коснулся грубо ни до одного воспоминанія, не оскорбилъ ни одного истиннаго чувства, но я не хотѣлъ пожертвовать интересомъ, который имѣетъ жизнь искренно разсказанная—цѣломудренной лжи и коварному умалчиванію.

Не знаю стоитъ-ли говорить о глупыхъ нападкахъ, которымъ меня подвергла неосторожная продѣлка изъ дателей; но чтобъ не подумали что я умолчалъ о нихъ, скажу нѣсколько словъ. Издатели переводовъ не имѣвшіе никакого сношенія со мной, смѣло поставили слово "Сибирь" въ заглавіи. Я протестовалъ. Это не помѣшало одному журналу напасть на меня. Я отвѣчалъ разсказавъ дѣло. Онъ продолжалъ клевету — я не могъ нагнуться, до отвѣта. По счастью я знаю что въ Россіи не только между нашими друзьями, но между нашими врагами не найдется ни одинъ человѣкъ, который бы заподозрилъ меня въ намѣренномъ обманѣ à la Barnum или подумалъ бы что ссылка на ч е р н и л ь н у ю работу—была для меня добровольной службой.

И—ръ.

у всѣхъ сердце опустилось, сила молъ крестная съ нами! Все переполошилось; пока мы суетились, да ахали, смотримъ—а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли, вотъ вамъ Папенька и остался у праздника, да и вы съ нимъ; васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила. такіе были щедушные, да слабые.

И я съ гордостью улыбался, довольный что принималъ участіе въ войнѣ.

— Сначала еще шло кое-какъ, первые дни то есть, ну такъ бывало взойдутъ два-три солдата и показываютъ нѣтъ-ли выпить; поднесемъ имъ по рюмочкѣ, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ видите какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны, домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ (*) говоритъ пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко на дворѣ, стѣны капитальныя—пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ, тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть—добрались мы наконецъ до голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышитъ, огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ знаете большой садъ, мы туда, думаемъ тамъ останемся сохранны; сѣли пригорюнившись на скамѣечкахъ, вдругъ откуда ни возмись ватага солдатъ, да пренькихъ, одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожной тулупчикъ скидавать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хвать, такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался, другіе принялись за насъ, одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ, видитъ что ничего нѣтъ, такъ нарочно азарникъ изодралъ пеленки да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдали, онъ сильно любилъ

(*) Мужъ меньшой сестры моего отца.

выпить и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ; повязалъ себѣ саблю такъ и ходилъ. Графъ Растопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ; возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и уцѣпившись за поводья сказалъ: "Лошадь наша я тебѣ ее не дамъ". Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да видно онъ не былъ заряженъ; баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему, "оставь лошадь, не твое дѣло." Куда ты, Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ его по головѣ, драгунъ-то и покачнулся, а онъ его еще, да еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть, какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ; лошадь его стоитъ ни съ мѣста и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню, должно быть она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой, пожаръ-то все страшнѣе и страшнѣе, измученные, нѣвши взошли мы въ какой-то уцѣлевшій домъ, и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ,—"выходите, выходите, огонь, огонь!"—тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ почнаго вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади, тутъ Французы тушили, потому что ихъ набольшой жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ, караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете бой-дѣвка, она увидѣла что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ маленькому молъ манже; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово да и говорятъ але, але; а она ихъ ругать, экіе молъ окаянные, такіе, сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки вспрынули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подхо-

дитъ офицеръ и всѣхъ мущинъ забралъ и вашего Папеньку тоже, оставилъ одпѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича и повелъ ихъ тушить окольные домы, такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидитъ и плачетъ, да и только. Въ сумерки приходитъ баринъ и съ нимъ какой-то офицеръ. Позвольте мнѣ смѣнить старушку и продолжатьея разказъ. Мой отецъ окончивъ свою бранд-маіорскую должность встрѣтилъ у Страстнаго Монастыря эскадронъ итальянской конницы, онъ подошелъ къ ихъ начальнику и разсказалъ ему по итальянски въ какомъ положеніи находится семья. Итальянецъ услышавъ la sua dolce favella, обѣщалъ переговорить съ Герцогомъ Тревизскимъ и предварительно поставить часоваго въ предупрежденіе дикихъ сценъ въ родѣ той, которая была въ саду Голохвестова. Съ этимъ приказаніемъ онъ отправилъ офицера съ моимъ отцомъ. Услышавъ что вся компанія второй день ничего не ѣла, офицеръ повелъ всѣхъ въ разбитую лавку; цвѣточной чай и леванской кофе были выброшены на полъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ фиников, винныхъ ягодъ, миндаля; люди наши набили себѣ ими карманы; въ десертѣ недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезенъ, десять разъ ватаги солдатъ придирались къ несчастной кучкѣ женщинъ и людей, расположившихся на кочевье въ углу Тверской площади, но тотчасъ уходили по его приказу.

Мортье вспомнилъ что онъ зналъ моего отца въ Парижѣ, и долюжилъ Наполеону, Наполеонъ велѣлъ на другое утро представить его себѣ. Въ синемъ поношеномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ нѣсколько дней нечищенныхъ, въ черномъ бѣльѣ и съ небритой бородой, мой отецъ—поклонникъ приличій и строжайшаго этикета, — явился въ тронную залу кремлевскаго дворца по зову императора Французовъ.

Разговоръ ихъ, который я столько разъ слышалъ, довольно вѣрно переданъ въ исторіи Барона Фен' и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписы-

вали глубокій смыслъ, пока недогадались что смыслъ ихъ очень часто былъ пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растопчина за пожаръ, говорилъ что это вандализмъ, увѣрялъ какъ всегда въ своей непреодолимой любви къ миру, толковалъ что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ что поставилъ караулъ къ воспитательному дому и къ Успенскому Собору, жаловался на Александра, говорилъ что онъ дурно окруженъ, что мирныя разположенія его неизвѣстны императору.

Отецъ мой замѣтилъ, что предложить миръ скорѣе дѣло побѣдителя.

— Я сдѣлалъ что могъ, я посылалъ къ Кутузову, онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры, не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина — будетъ имъ война.

Послѣ всей этой комедіи отецъ мой попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— Я пропусковъ не велѣлъ ни кому давать, за чѣмъ вы ѣдите, чего вы боитесь, я велѣлъ открыть рынки. Императоръ Французовъ въ это время кажется забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытой домъ и что жизнь на тверской площади средь непріятельскихъ солдатъ не изъ самыхъ пріятныхъ.

Отецъ мой замѣтилъ это ему; Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ.

— Возметесь-ли вы доставить императору письмо отъ меня, на этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими.

— Я принялъ бы предложеніе в.в., замѣтилъ ему мой отецъ, но мнѣ трудно ручаться.

— Даете-ли вы честное слово, что употребите всѣ средства, лично доставить письмо.

— Je m'engage sur mon honneur, Sire.

— Этого довольно. Я пришлю за вами. Имѣете вы въ чемъ нибудь нужду?

— Въ крышѣ для моего семейства пока я здѣсь, больше ни въ чемъ.

— Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ что можетъ.

Мортье дѣйствительно далъ комнату въ генералъ-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами, его метръ д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ въ четыре часа утра, Мортье прислалъ за моимъ отцомъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

Пожаръ достигъ въ эти дни страшныхъ размѣровъ, накалившійся воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый, онъ начиналъ чувствовать, что опаленыя лавры его скоро замерзнутъ и что тутъ не отдѣлаешся такой штукой какъ въ Египтѣ. Планъ войны былъ нелѣпъ, это знали всѣ, кромѣ Наполеона, Ней и Нарбонъ, Бертье и простые офицеры; на всѣ возраженія онъ отвѣчалъ кабалистическимъ словомъ "Москва"; въ Москвѣ догадался и онъ.

Когда мой отецъ взошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ откланиваясь "Я полагаюсь на ваше честное слово". На конвертѣ было написано à mon frère l'Empereur Alexandre.

Пропускъ данный моему отцу, до сихъ поръ цѣлъ, онъ подписанъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Лесепсомъ. Нѣсколько посторонныхъ узнавъ о пропускѣ, присоединились, прося моего отца взять ихъ подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для больнаго старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку, остальные шли пѣшкомъ. Нѣсколько уланъ верьхами провожали до русскаго арьергарда, въ виду котораго они пожелали счастливаго пути и поскакали назадъ. Черезъ минуту казаки окружили странныхъ выходцевъ и повели въ главную квартиру арьергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV.

Винценгероде узнавъ о письмѣ, объявилъ моему отцу, что онъ его немѣдленно отправитъ съ двумя драгунами къ государю въ Петербургъ.

— Что дѣлать съ вашими? спросилъ казацкій генералъ Иловайскій, здѣсь оставаться невозможно, они здѣсь не внѣ

ружейныхъ выстрѣловъ и со дня на день можно ждать серьезнаго дѣла. Отецъ мой просилъ если возможно доставить насъ въ его ярославское имѣніе, но замѣтилъ притомъ, что у него съ собою нѣтъ ни копѣйки денегъ. Сочтемся послѣ, сказалъ Иловайскій и будьте покойны, я даю вамъ слово ихъ отправить. Отца моего повезли на фельдегерскихъ по тогдашнему фашиннику. Намъ Иловайскій досталъ какую-то старую колымагу и отправилъ до ближняго города съ партіей французскихъ плѣнниковъ, подъ прикрытіемъ казаковъ; онъ снабдилъ деньгами на прогоны до Ярославля и вообще сдѣлалъ все что могъ въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

Таково было мое первое путешествіе по Россіи, второе было безъ французскихъ улановъ, безъ уральскихъ казаковъ и военноплѣнныхъ, — я былъ одинъ, возлѣ меня сидѣлъ пьяный жандармъ.

Отца моего привезли прямо къ Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ спросилъ письмо, отецъ мой сказалъ о своемъ честномъ словѣ лично доставить его; графъ обѣщалъ спросить у государя и на другой день письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма онъ далъ росписку (и она цѣла). Съ мѣсяцъ отецъ мой оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева; къ нему никого не пускали, одинъ С. С. Шишковъ пріѣзжалъ по приказанію государя, распросить о подробностяхъ пожара, вступленія непріятеля и о свиданіи съ Наполеономъ—онъ былъ первый очевидецъ явившійся въ Петербургъ. Наконецъ Аракчеевъ объявилъ моему отцу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства, что извинялось крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немѣдленно ѣхать изъ Петербурга, невидавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься.

Пріѣхавши въ небольшую ярославскую деревеньку около ночи, отецъ мой засталъ насъ въ крестьянской избѣ (господскаго дома въ этой деревни не было), я спалъ на лавкѣ подъ

окномъ, окно затворялось плохо, снѣгъ пробиваясь въ щель заносилъ часть скамьи и лежалъ не таявши на оконницѣ,

Все было въ большомъ смущеніи, особенно моя мать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего отца, утромъ староста и нѣсколько дворовыхъ съ поспѣшностью взошли въ избу, гдѣ она жила, показывая ей что-то руками и требуя чтобъ она шла за ними. Моя мать не говорила тогда ни слова по русски, она только поняла что рѣчь шла о Павлѣ Ивановичѣ; она не знала что думать, ей приходило въ голову что его убили или что его хотятъ убить, и потомъ ее. Она взяла меня на руки и ни живая ни мертвая, дрожа всѣмъ тѣломъ пошла за старостой. Голохвастовъ занималъ другую избу, они взошли туда; старикъ лежалъ дѣйствительно мертвый возлѣ стола, за которымъ хотѣлъ бриться, громовый ударъ паралича мгновенно прекратилъ его жизнь.

Можно себѣ представить положеніе моей матери (ей было тогда семнадцать лѣтъ) середи этихъ полудикихъ людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, говорящихъ на совершенно незнакомомъ языкѣ, въ небольшой закоптѣлой избѣ и все это въ Ноябрѣ мѣсяцѣ страшной зимы 1812 г. Ея единственная опора былъ Голохвастовъ, она дни и ночи плакала послѣ его смерти. А дикіе эти жалѣли ее отъ всей души, со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей, и староста посылалъ нѣсколько разъ сына въ городъ за изюмомъ, пряниками, яблоками и баранками для нее.

Лѣтъ черезъ пятнадцать староста еще былъ живъ и иногда пріѣзжалъ въ Москву, сѣдой какъ лунь и плѣшивой; моя мать угощала его обыкновенно чаемъ и помнила съ нимъ зиму 1812 г. какъ она его боялась, и какъ они не понимая другъ другъ хлопотали о похоронахъ Павла Ивановича. Старикъ все еще называлъ мою мать какъ тогда Юлиза Ивановна —вмѣсто Луиза, и разсказывалъ какъ я вовсе не боялся его бороды и охотно ходилъ къ нему на руки.

Изъ ярославской губерніи мы переѣхали въ тверскую и наконецъ черезъ годъ перебрались въ Москву. Къ тѣмъ порамъ воротился изъ Швеціи братъ моего отца, бывшій по-

сланникомъ въ Вестфаліи и потомъ ѣздившій за чѣмъ-то къ Бернадоту; онъ поселился въ одномъ домѣ съ нами.

Я еще какъ сквозь сонъ помню слѣды пожара, остававшіеся до начала двадцатыхъ годовъ, большіе обгорѣлые домы безъ рамъ, безъ крышъ, обвалившіяся стѣны, пустыри огороженные заборами, остатки печей и трубъ на нихъ.

Разсказы о пожарѣ Москвы о бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа, были моей колыбельной пѣснью, дѣтскими сказками, моей Иліадой и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отецъ и Вѣра Артамоновна безпрестанно возвращались къ грозному времени поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и такъ круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы моего отца по измайловскому полку, теперь участники покрытые славой едва кончившейся кровавой борьбы, часто бывали у насъ. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, разсказывая ихъ. Это было дѣйствительно самое блестящее время петербургскаго періода; сознаніе силы давало новую жизнь, дѣла и заботы казалось были отложены на завтра, на будни, теперь хотѣлось попировать на радостяхъ побѣды.

Тутъ я еще больше наслушался о войнѣ, нежели отъ Вѣры Артамоновны. Я очень любилъ разсказы графа Милорадовича, онъ говорилъ съ чрезвычайной живостью, съ рѣзкой мимикой съ громкимъ смѣхомъ и я не разъ засыпалъ подъ нихъ на диванѣ за его спиной.

Разумѣется, что при такой обстановкѣ я былъ отчаянный патріотъ и собирался въ полкъ; но исключительное чувство національности никогда до добра не доводитъ, меня оно довело до слѣдующаго. Между-прочими у насъ бывалъ графъ Кенсона, французскій эмигрантъ и генералъ-лейтенантъ русской службы. Отчаянный роялистъ, онъ участвовалъ на знаменитомъ праздникѣ, на которомъ королевскіе опричники топтали народную кокарду и гдѣ Марія Антуанета пила на погибель революціи. Графъ Кенсона, худой, стройный, высокій и сѣдой старикъ былъ типъ учтивости и изящныхъ манеръ. Въ парижѣ его ждало перство, онъ уже ѣздилъ поздравлять

Людовика XVIII съ мѣстомъ и возвратился въ Россію для продажи имѣнья. Надобно было на мою бѣду чтобъ вѣжливѣйшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій, сталъ при мнѣ говорить о войнѣ. "Да вѣдь вы стало сражались противъ насъ?", спросилъ я его пренаивно. Non, mon petit, non — j'étais dans l'armeée russe "Какъ, сказалъ я, вы Французъ и были въ нашей арміи, это не можетъ быть". Отецъ мой строго взглянулъ на меня и замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло, онъ сказалъ обращаясь къ моему отцу, „что ему нравятся такія патріотическія чувства". Отцу моему онѣ не понравились и онъ мнѣ задалъ послѣ его отъѣзда страшную гонку. "Вотъ что значитъ говорить очертя голову обо всемъ чего ты не понимаешь и не можешь понять, Графъ изъ вѣрности своему королю, служилъ нашему императору." Дѣйствительно я этаго не понималъ!

— Отецъ мой провелъ лѣтъ двѣнадцать за границей, братъ его еще дольше, они хотѣли устроить какую-то жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь не устроивалась, оттого-ли что они не умѣли сладить, оттого-ли что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣнье нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ, всѣ условія безпорядка стало быть были на лицо.

За мной ходили двѣ нянюшки — одна Русская и одна Нѣмка; Вѣра Артамоновна и Mme Ирово были очень добрыя женщины, но мнѣ было скучно смотрѣть какъ онѣ цѣлый день вяжутъ чулокъ и пикируются между собой, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ я убѣгалъ на половину Сенатора (бывшаго посланника), къ моему единственному пріятелю, къ его камердинеру Кало.

Добрѣе, кротче, мягче я мало встрѣчалъ людей; совершенно одинокій въ Россіи, разлученный со всѣми своими, плохо говорившій по русски, онъ имѣлъ женскую привязанность ко мнѣ. Я часы цѣлые проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему,

притѣснялъ его, шалилъ—онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзывалъ мнѣ всякія чудеса изъ картонной бумаги, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева, (за то вѣдь какъ-же я его и любилъ.) По вечерамъ онъ приносилъ ко мнѣ на верхъ изъ библіотеки книги съ картинами — путешествіе Гмелина и Палласа и еще толстую книгу "Свѣтъ въ лицахъ", которая мнѣ до того нравилась, что я ее смотрѣлъ до тѣхъ поръ, что даже кожаной переплетъ не вынесъ; Кало часа по два показывалъ мнѣ одно и тѣже изображенія, повторяя тѣже объясненія въ тысячный разъ.

Передъ днемъ моего рожденія и моихъ именинъ, Кало запирался въ своей комнатѣ, оттуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по коридору, всякій разъ запирая на ключь свою дверь, то съ кастрюлькой для клея, то съ какими-то завернутыми въ бумагу вещами. Можно себѣ представить какъ мнѣ хотѣлось знать что онъ готовитъ, я подсылалъ дворовыхъ мальчиковъ вывѣдать, но Кало держалъ ухо востро. Мы какъ то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе падавшее прямо въ его комнату, но и оно намъ не помогло; видна была верхняя часть окна и портретъ Фридриха II съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ исхудалаго коршуна. Дни за два шумъ переставалъ, комната была отворена—все въ ней было по старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣлъ снѣдаемый любопытствомъ, но Кало съ натянуто-серьезнымъ видомъ, не касался щекотливаго предмета.

Въ мученіяхъ доживалъ я до торжественнаго дня, въ пять часовъ утра я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь являлся онъ самъ въ бѣломъ галстухѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ и съ пустыми руками—Когда-же это кончится?—Не испортилъ-ли онъ? И время шло и обычные подарки шли, и лакей Елизаветы Алексѣевны Голохвастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой и Сенаторъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но безпокойное ожиданіе сюрприза мутило радость.

Вдругъ какъ-нибудь невзначай, послѣ обѣда или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ, сойдите на минуту внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣкъ. "Вотъ оно" думалъ я, и опускался скользя на рукахъ по поручьямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчики одѣтые Турками, подаютъ мнѣ конфекты, потомъ кукольная комедія или комнатный фейерверкъ. Кало въ поту, суетится, все самъ приводитъ въ движеніе и не меньше меня въ восторгѣ.

Какіе-же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ—я-же никогда не любилъ вещей, бугоръ собственности и стяжанія не былъ у меня развитъ ни въ какой возрастъ — усталь отъ неизвѣстности, множество свѣчекъ, фольги и запахъ пороха! Недоставало можетъ одного—товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ (*) и стало не былъ избалованъ съ этой стороны.

—У моего отца былъ еще братъ, старшій обоимъ, съ которымъ онъ и Сенаторъ находились въ открытомъ разрывѣ; не смотря на то, они имѣньемъ управляли вмѣстѣ, т. е. раззоряли его съобща. Безпорядокъ тройнаго управленія при ссорѣ былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все на перекоръ старшему, онъ имъ. Старосты и крестьяне теряли голову; одинъ требуетъ подводъ, другой сѣна, третій дровъ, каждый разпоряжается, каждый посылаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ назначаетъ старосту — меньшіе смѣняютъ его черезъ мѣсяцъ, придравшись къ какому-нибудь вздору и назначаютъ другаго, котораго старшій братъ не признаетъ. При этомъ какъ слѣдуетъ сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и на днѣ всего бѣдные крестьяне, не находившіе ни расправы, ни защиты и

(*) Кромѣ меня у моего отца былъ другой сынъ, лѣтъ десять старше меня. Я его всегда любилъ, но товарищемъ онъ мнѣ не могъ быть. Лѣтъ съ двѣнадцати и до тридцати онъ провелъ подъ ножемъ хирурговъ. Послѣ ряда истязаній вынесенныхъ съ чрезвычайнымъ мужествомъ, превративъ цѣлое существованіе въ одну перемежающуюся операцію, доктора объявили его болѣзнь неизлѣчимовъ Здоровье было разрушено; обстоятельства и нравъ способствовали окончательно сломать его жизнь. Глава въ которой я говорю о его уединенномъ, печальномъ существованіи, выпущена мной, я се не хочу печатать безъ его согласія.

которыхъ тормошили въ разныя стороны, обремѣняли двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

Ссора между братьями имѣла первымъ слѣдствіемъ поразившимъ ихъ—потерю огромнаго процесса, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія естественно воспользовалась этимъ. Сверхъ потери большаго и прекраснаго имѣнья, Сенатъ приговорилъ каждаго изъ братьевъ къ уплатѣ проторей и убытковъ по тридцати тысячи руб. асс. Этотъ урокъ раскрылъ имъ глаза и они рѣшились раздѣлиться. Около года продолжались пріуготовительные толки, имѣнье было разбито на три довольно ровныя части, судьба должна была рѣшить кому какая достанется. Сенаторъ и мой отецъ ѣздили къ брату, котораго невидали нѣсколько лѣтъ для переговоровъ и примиренія, потомъ разнесся слухъ что онъ пріѣдитъ къ намъ для окончанія дѣла. Слухъ о пріѣздѣ старшаго брата распространилъ ужасъ и безпокойство въ нашемъ домѣ.

Это было одно изъ тѣхъ оригинально-уродливыхъ существъ, которыя только возможны въ оригинально-уродливой русской жизни. Онъ былъ человѣкъ даровитый отъ природы и всю жизнь дѣлалъ пелѣпости, доходившія часто до преступленій. Онъ получилъ порядочное образованіе на французскій манеръ, былъ очень начитанъ—и проводилъ время въ развратѣ и праздной пустотѣ до самой смерти. Онъ началъ свою службу тоже съ измайловскаго полка, состоялъ при Потемкинѣ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта, потомъ служилъ при какой-то миссіи и возвратившись въ Петербургъ, былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ. Ни дипломатическій кругъ, ни монашеской не могли укротить необузданный характеръ его. За ссоры съ архіереями онъ былъ отставленъ, за пощечину, которую хотѣлъ дать или далъ на офиціальномъ обѣдѣ у генералъ-тубернатора какому-то господину, ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ въ свое тамбовское имѣнье; тамъ мужики чуть не убили его за волокитство и свирѣпости; онъ былъ обязанъ своему кучеру и лошадямъ спасеніемъ жизни.

Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ. Покинутый всѣми родными и всѣми посторонними, онъ жилъ одинъ одинехонекъ въ своемъ большомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ, притѣснялъ свою дворню и раззорялъ мужиковъ. Онъ завелъ большую библіотеку и цѣлую крѣпостную сераль, и то и другое держалъ на запертп. Лишенный всякихъ занятій и скрывая страшное самолюбіе, доходившее до паивности, онъ для разсѣянія скупалъ ненужныя вещи и заводилъ еще болѣе ненужныя тяжбы, которыя велъ съ ожесточеніемъ. Тридцать лѣтъ длился у него процессъ объ Аматіевской скрипкѣ и кончился тѣмъ что онъ выигралъ ее. Онъ оттягалъ послѣ необычайныхъ усилій стѣну общую двумъ домамъ, отъ обладанія которой онъ ничего не пріобрѣталъ. Будучи въ отставкѣ, онъ по газетамъ приравнивая къ себѣ повышеніе своихъ сослуживцовъ, покупалъ ордена имъ данные и клалъ ихъ на столѣ какъ скорбное напоминанье: чѣмъ и чѣмъ онъ могъ бы быть изукрашенъ!

Братья и сестры его боялись и не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній, наши люди обходили его домъ, чтобъ не встрѣтится съ нимъ и блѣднѣли при его видѣ; женщины страшились его наглыхъ преслѣдованій, дворовые служили молебны чтобы не достаться ему.

И вотъ этотъ-то страшный человѣкъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ. Съ утра во всемъ домѣ было необыкновенное волненіе; я никогда прежде не видалъ этого миѳическаго "брата врага", хотя и родился у него въ домѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, послѣ пріѣзда изъ чужихъ краевъ; мнѣ очень хотѣлось его посмотрѣть и въ тоже время я боялся, не знаю чего, но очень боялся.

Часа за два передъ нимъ явился старшій племянникъ моего отца, двое близкихъ знакомыхъ и одинъ добрый, толстый и сырой чиновникъ, завѣдывавшій дѣлами. Всѣ сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи, вдругъ взошелъ офиціантъ и какимъ-то не своимъ голосомъ доложилъ: "Братецъ изволили пожаловать"—Проси, сказалъ Сенаторъ съ примѣтнымъ волненіемъ, мой отецъ принялся нюхать табакъ, племянникъ поправилъ галстухъ, чиновникъ поперхнулся и откашлянулъ. Мнѣ было

велѣно идти на верхъ, я остановился дрожа всѣмъ тѣломъ въ другой комнатѣ,

Тихо и важно подвигался "братецъ", Сенаторъ и мой отецъ пошли ему на встрѣчу. Онъ несъ съ собою, какъ носятъ на свадьбахъ и похоронахъ, обѣими руками передъ грудью— образъ и протяжнымъ голосомъ нѣсколько въ носъ обратился къ братьямъ съ слѣдующими словами. "Этимъ образомъ благословилъ меня передъ своей кончиной нашъ родитель, поручая мнѣ и покойному брату Петру печься объ васъ и быть вашимъ отцомъ въ замѣну его . . . еслибъ покойный родитель нашъ зналъ ваше поведеніе противъ старшаго брата . . .

— Ну, mon cher frêre, замѣтилъ мой отецъ своимъ изученно безстрастнымъ голосомъ—хорошо и вы исполнили послѣднюю волю родителя. Лучше было бы забыть эти тяжелыя напоминовенія для васъ, да и для насъ.

— Какъ? — что? — закричалъ набожный братецъ.—Вы меня за этимъ звали . . . и такъ бросилъ образъ, что серебряная риза его задребезжала. Тутъ и Сенаторъ закричалъ голосомъ еще страшнѣйшимъ. Я опрометью бросился на верхній этажъ и только успѣлъ видѣть что чиновникъ и племянникъ испуганные не меньше меня ретировались на балконъ.

Что было и какъ было я не умѣю сказать; испуганные люди забились въ углы, никто ничего не зналъ о происходившемъ, ни Сенаторъ, ни мой отецъ никогда при мнѣ не говорили объ этой сценѣ. Шумъ мало по малу утихъ и раздѣлъ имѣнья былъ сдѣланъ.

Отцу моему досталось Васильевское, большое подмосковное имѣнье въ Рузскомъ уѣздѣ. На слѣдующій годъ мы жили тамъ цѣлое лѣто; въ продолженіи этого времени Сенаторъ купилъ себѣ домъ на Арбатѣ, мы пріѣхали одни на нашу большую квартиру, опустѣвшую и мертвую. Вскорѣ потомъ и отецъ мой купилъ тоже домъ въ Старой-Конюшенной.

Съ Сенаторомъ удалялся во-первыхъ Кало, а во-вторыхъ все живое начало нашего дома. Онъ одинъ мѣшалъ ипохондрическому праву моего отца взять верхъ, теперь ему была воля вольная. Новый домъ былъ печаленъ, онъ напоминалъ

тюрьму или больницу; нижній этажъ былъ со сводами, толстыя стѣны придавали окнамъ видъ крѣпостныхъ амбразуръ, кругомъ дома со всѣхъ сторонъ былъ ненужной величины дворъ.

Въ сущности скорѣе надобно дивиться какъ Сенаторъ могъ такъ долго жить подъ одной крышей съ моимъ отцомъ, нежели тому что они разъѣхались. Я рѣдко видалъ двухъ человѣкъ болѣе противуположныхъ какъ они.

Сенаторъ былъ по характеру человѣкъ добрый и любившій разсѣянія; онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ освѣщенномъ лампами, въ мірѣ официально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь что есть другой міръ посерьезнѣе—не смотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 до 1815 не только прошли возлѣ, но зацѣплялись зо него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвилю, чтобъ узнать о томъ что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Кассель, гдѣ онъ былъ посломъ "при царѣ Ерёмѣ" какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ на лицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ какъ слѣдуетъ.

Лейбъ гвардіи капитаномъ Измайловскаго полка, онъ находился при миссіи въ Лондонѣ; Павелъ, увидя это въ спискахъ, велѣлъ ему немедленно явиться въ Петербургъ. Дипломатъ войнъ отправился съ первымъ кораблемъ и явился на разводъ. "Хочешь оставатся въ Лондонѣ?" спросилъ сиплымъ голосомъ Павелъ. "Если в. в. угодно будетъ мнѣ позволить," отвѣчалъ капитанъ при посольствѣ. "Ступай назадъ не теряя времени," отвѣтилъ Павелъ сиплымъ голосомъ, и онъ отправился не повидавшись даже съ родными, жившими въ Москвѣ. Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ

произведенъ въ дѣйствительные камергеры въ Москвѣ—гдѣ нѣтъ двора. Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ сенатъ, сдѣлался членомъ опекунскаго совѣта, начальникомъ Марьинской больницы, начальникомъ Александрийскаго института и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое, врядъ было-ли нужно, съ строптивостью, которая вредила, съ честностью, которую никто не замѣчалъ.

Онъ никогда не бывалъ дома. Онъ заѣзжалъ въ день двѣ четвертки здоровыхъ лошадей, одну утромъ, одну послѣ обѣда. Сверхъ сената, который онъ никогда не забывалъ, опекунскаго совѣта, въ которомъ бывалъ два раза въ недѣлю, сверхъ больницы и института, онъ не пропускалъ почти ни одинъ французскій спектакль и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ англійскій клубъ. Скучать ему было нѣкогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ, онъ все ѣхалъ куда-нибудь и жизнь его легко катилась на ресорахъ по міру обертокъ и переплетовъ.

За то онъ до семидесяти пяти лѣтъ былъ здоровъ какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ—все равно какихъ, агрономическихъ или медицинскихъ, страховаго отъ огня общества, или общества естествоиспытателей ... да сверхъ того за тоже можетъ сохранилъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту.

Нельзя ничего себѣ представить больше противоположнаго вѣчноподвижущемуся, сангвиническому Сенатору иногда заѣзжавшему домой—какъ моего отца, почти никогда невыходившаго со двора, ненавидившаго весь офиціальный міръ, вѣчно капризнаго и недовольнаго. У насъ было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но наша конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ; мой отецъ ихъ держалъ отчасти для порядка, и отчасти для того чтобъ два кучера и два форейтора имѣли какое-нибудь занятіе, сверхъ хожденія за московскими вѣдомостями и пѣтушиныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретнымъ сараемъ и сосѣднимъ дворомъ.

Отецъ мой почти совсѣмъ не служилъ; воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной и благочестивой

тетки, онъ лѣтъ шестнадцати поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ, послужилъ до павловскаго воцаренія и вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ; въ 1801 онъ уѣхалъ за границу и прожилъ скитаясь изъ страны въ страну до конца 1811 года. Онъ возвратился съ моей матерью за три мѣсяца до моего рожденія и прожившн годъ въ Тверскомъ имѣньи послѣ московскаго пожара, переѣхалъ на житье въ Москву, стараясь какъ можно уединеннѣе и скучнѣе устроить жизнь. Живость брата ему мѣшала.

Послѣ переѣзда Сенатора все въ домѣ стало принимать болѣе и болѣе угрюмый видъ. Стѣны, мебель, слуги все смотрѣло съ неудовольствіемъ, изъ-подлобья, само собою разумѣется, всѣхъ недовольнѣе былъ мой отецъ самъ. Искуственная тишина, шопотъ, осторожные шаги прислуги выражали не вниманіе, а подавленность и страхъ. Въ комнатахъ все было неподвижно, пять, шесть лѣтъ однѣ и тѣже книги лежали на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ и въ нихъ тѣже замѣтки. Въ спальной и кабинетѣ моего отца годы цѣлые не передвигалась мебель, не отворялись окна. Уѣзжая въ деревню, онъ бралъ ключь отъ своей комнаты въ карманъ, чтобъ безъ него не вздумали вымыть половъ или почистить стѣнъ.

ГЛАВА II.

Разговоръ Няпюшекъ и бесѣда генераловъ—Ложное положеніе—Русскіе энциклопедисты—Скука—Дѣвичья и передняя —Два Нѣмца —Ученье и чтенье—Катихизисъ и Евангеліе.

(1823 — 1826)

Лѣтъ до десяти я не замѣчалъ ничего страннаго, особеннаго въ моемъ положеніи; мнѣ казалось естественно и просто что я живу въ домѣ моего отца, что у него на половинѣ я держу себя чинно, что у моей матери другая половина гдѣ я кричу и шалю сколько душѣ угодно. Сенаторъ баловалъ меня и дарилъ игрушки, Кало носилъ на рукахъ, Вѣра Артамоновна одѣвала меня, клала спать и мыла въ корытѣ, Mme Прово водила гулять и говорила со мной по нѣмецки; все шло своимъ порядкомъ, а между тѣмъ я началъ призадумываться.

Бѣглыя замѣчанія, неосторожно сказанныя слова, стали обращать мое вниманіе. Старушка Прово и вся дворня любили безъ памяти мою мать, боялись и вовсе не любили моего отца. Домашнія сцены, возникавшія иногда между ними, служили часто темой разговоровъ Mme Прово съ Вѣрой Артамоновной, бравшихъ всегда сторону моей матери.

Моя мать дѣйствительно имѣла много непріятностей. Женщина чрезвычайно добрая, но безъ твердой воли, она была совершенно подавлена моимъ отцомъ и какъ всегда бываетъ съ слабыми натурами, дѣлала отчаянную опозицію въ мелочахъ и бездѣлицахъ. По несчастію именно въ этихъ мелочахъ отецъ мой былъ почти всегда правъ и дѣло оканчивалось его торжествомъ.

— Я право, говорывала напримѣръ Mme Прово, на мѣстѣ барыни просто взяла бы да и уѣхала въ Штутгартъ; какая отрада—все капризы, да непріятности, скука смертная.

— Разумѣется, добавляла Вѣра Артамоновна, да вотъ что связало по рукамъ и ногамъ, и она указывала спичками чулка на меня. "Взять съ собой—куда?—къ чему?—покинуть здѣсь одного, съ нашими порядками, это и вчуже жаль,"

Дѣти вообще проницательнѣе нежели думаютъ, они быстро разсѣеваются, на время забываютъ что ихъ поразило, но упорно возвращаются, особенно ко всему таинственному или страшному и допытываются съ удивительной настойчивостью и ловкостью до истины.

Однажды насторожённый я въ нѣсколько недѣль узналъ всѣ подробности о встрѣчи моего отца съ моей матерью, о томъ какъ она рѣшилась оставить родительской домъ, какъ была спрятала въ русскомъ посольствѣ въ Кассельѣ и въ мужскомъ платьѣ переѣхала границу; все это я узналъ ни разу не сдѣлавъ ни кому ни одного вопроса.

Первое слѣдствіе этихъ открытій было отдаленіе отъ моего отца—за сцены, о которыхъ я говорилъ. Я ихъ видѣлъ и прежде, но мнѣ казалось что это въ совершенномъ порядкѣ, я такъ привыкъ что все въ домѣ не исключая Сенатора боялось моего отца, что онъ всѣмъ дѣлалъ замѣчанія, что не находилъ этого страннымъ. Теперь я сталъ иначе понимать дѣло и мысль, что доля всего выносится за меня, заволакивала иной разъ темнымъ и тяжелымъ облакомъ свѣтлую, дѣтскую фантазію.

Вторая мысль, укоренявшаяся во мнѣ съ того времени, состояла въ томъ, что я гораздо меньше завишу отъ моего отца, нежели вообще дѣти. Эта самобытность, которую я самъ себѣ выдумалъ, мнѣ нравилась.

Года черезъ два или три, разъ вечеромъ сидѣли у моего отца два товарища по полку И. К. Эссенъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ и А. И. Бахметевъ, намѣстникъ въ Бессарабіи, генералъ которому подъ Бородинымъ оторвало ногу. Комната моя была возлѣ залы, въ которой они усѣлись. Между

прочимъ мой отецъ сказалъ имъ, что онъ говорилъ съ княземъ Юсуповымъ на счетъ опредѣленія меня на службу. "Время терять нечего, прибавилъ онъ, вы знаете что ему надобно долго служить для того чтобъ до чего-нибудь дослужиться."

— Что тебѣ братецъ за охота, сказалъ добродушно Эссенъ, дѣлать изъ него писаря. Поручи мнѣ это дѣло, я его запишу въ Уральскіе Казаки, въ офицеры его выведемъ, это главное, потомъ своимъ чередомъ и пойдетъ, какъ мы всѣ.

Мой отецъ не соглашался, говорилъ что онъ разлюбилъ все военное, что онъ надѣется помѣстить меня со временемъ гдѣ-нибудь при миссіи въ тепломъ краѣ, куда и онъ бы поѣхалъ оканчивать жизнь.

Бахметевъ, мало бравшій участія въ разговорѣ, сказалъ, вставая на своихъ костыляхъ. "Мнѣ кажется что вамъ слѣдовало бы очень подумать о совѣтѣ Петра Кирилловича. Не хотите записывать въ Оренбургъ, можно и здѣсь записать. Мы съ вами старые друзья и я привыкъ говорить съ вами откровенно, штатской службой, университетомъ вы ни вашему молодому человѣку не сдѣлаете добра, ни пользы для общества. Онъ явнымъ образомъ въ ложномъ положеніи, одна военная служба можетъ разомъ раскрыть карьеру и поправить это. Прежде нежели онъ дойдетъ до того что будетъ командывать ротой, всѣ опасныя мысли улягутся. Военная дисциплина — великая школа, дальнѣйшее зависитъ отъ него. Вы говорите что онъ имѣетъ способности, да развѣ въ военную службу идутъ одни дураки? А мы то съ вами, да и весь нашъ кругъ? Одно вы можете возразить что ему дольше надобно служить до офицерскаго чина, да въ этомъ-то именно мы и поможемъ вамъ."

Разговоръ этотъ стоилъ замѣчаній Mme Прово и Вѣры Артамоновны. Мнѣ тогда уже было лѣтъ 13, такіе уроки, переворачиваемые на всѣ стороны, разбираемые недѣли, мѣсяцы въ совершенномъ одиночествѣ, приносили свой плодъ. Результатомъ этаго разговора было то, что я мечтавшій прежде какъ всѣ дѣти о военной службѣ и мундирѣ, чуть не плакавшій о томъ что мой отецъ хотѣлъ изъ меня сдѣлать статскаго, вдругъ охладѣлъ къ военной службѣ; и хотя не разомъ, но мало по

малу искоренилъ до тла любовь и нѣжность къ эполетамъ, аксельбантамъ, лампасамъ. Еще разъ впрочемъ потухающая любовь къ мундиру вспыхнула. Родственникъ нашъ, учившійся въ пансіонѣ и приходившій иногда по праздникамъ къ намъ, поступилъ въ Ямбургскій Уланскій полкъ. Въ 1825 г. онъ пріѣзжалъ юнкеромъ въ Москву и остановился у насъ на нѣсколько дней. Сильно билось сердцѣ когда я его увидѣлъ со всѣми шнурками и шнурочками, съ саблей и въ четвероугольномъ киверѣ, надѣтомъ не много на бокъ и привязанномъ на шнуркѣ. Онъ былъ лѣтъ семнадцати и не большаго роста. Утромъ на другой день я одѣлся въ его мундиръ, надѣлъ саблю и киверъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Боже мой, какъ я казался себѣ хорошъ, въ синемъ куцомъ мундирѣ, съ красными выпушками! А этишкеты, а помпонъ, а ледунка... что съ ними въ сравненіи была камлотовая куртка, которую я носилъ дома и желтые китайчатые панталоны.

Пріѣздъ родственника потрясъ было дѣйствіе генеральской рѣчи, но вскорѣ обстоятельства снова и окончательно отклонили мой умъ отъ военнаго мундира.

Внутренній результатъ думъ о "ложномъ положеніи" былъ довольно сходенъ съ тѣмъ, который я вывелъ изъ разговоровъ двухъ нянюшекъ. Я чувствовалъ себя свободнѣе отъ общества, котораго вовсе не зналъ, чувствовалъ что въ сущности я оставленъ на собственныя свои силы и съ нѣсколько дѣтской заносчивостью думалъ, что покажу себя Алексѣю Николаевичу съ товарищами.

При всемъ этомъ можно себѣ представить, что время шло томно и однообразно для меня въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсѣяній отецъ мой былъ почти всегда мною недоволенъ, товарищей не было, учители приходили и уходили и я украдкой убѣгалъ провожая ихъ на дворъ поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину.

Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удо-

вольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостинной о тайнахъ передней.

На этомъ предметѣ нельзя не остановиться. Я впрочемъ вовсе не бѣгу отъ отступленій и эпизодовъ, такъ идетъ всякій разговоръ, такъ идетъ самая жизнь.

Дѣти вообще любятъ слугъ; родители запрещаютъ имъ сближаться съ ними, особенно въ Россіи; дѣти не слушаютъ ихъ потому что въ гостинной скучно, а въ дѣвичьей весело. Въ этомъ случаѣ, какъ въ тысячи другихъ, родители не знаютъ что дѣлаютъ. Я никакъ не могу себѣ представить чтобъ наша передняя была вреднѣе для дѣтей нежели наша "чайная" или "диванная. Въ передней дѣти перенимаютъ грубыя выраженія и дурныя манеры, это правда; но въ гостинной они принимаютъ грубыя мысли и дурныя чувства.

Самый приказъ удаляться отъ людей, съ которыми дѣти въ безпрерывномъ сношеніи, безнравствененъ.

Много толкуютъ у насъ о глубокомъ развратѣ слугъ, особенно крѣпостныхъ. Они дѣйствительно не отличаются примѣрной строгостью поведенія, нравственное паденіе ихъ видно уже изъ того, что они слишкомъ многое выносятъ слишкомъ рѣдко возмущаются и даютъ отпоръ. Но не въ этомъ дѣло. Я желалъ бы знать—которое сословіе въ Россіи меньше ихъ развращено. Неужели дворянство, или чиновники? —быть можетъ духовенство?

— Что-же вы смѣетесь?

Развѣ одни крестьяне найдутъ кой-какія права . . .

Разница между дворянами и дворовыми также мала, какъ между ихъ названіями. Я ненавижу, особенно послѣ бѣдъ 1848 года демагогическую лесть толпѣ, но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше. Представляя слугъ и рабовъ разнузданными звѣрями, плантаторы отводятъ глаза другимъ и заглушаютъ крики совѣсти въ себѣ. Мы рѣдко лучше черни, но выражаемся мягче, ловчѣе скрываемъ эгоизмъ и страсти; наши желанія не такъ грубы и не такъ явны

отъ легости удовлетворенія, отъ привычки нездерживаться, мы просто богаче, сытѣе и въ слѣдствіе этого взыскательнѣе. Когда графъ Альмавива изчислилъ севильскому цирюльнику качества которыя онъ требуетъ отъ слуги, Фигаро замѣтилъ вздыхая "Если слугѣ надобно имѣть всѣ эти достоинства, много-ли найдется господъ годныхъ быть лакеями?"

Развратъ въ Россіи вообще не глубокъ, онъ больше дикъ и саленъ, шуменъ и грубъ, растрепанъ и безстыденъ, чѣмъ глубокъ. Духовенство запершись дома пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ на бѣломъ свѣтѣ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ тоже, но грязнѣе, да сверхъ того подличаютъ передъ начальниками и воруютъ по мелочи. Дворяне собственно меньше воруютъ, они открыто берутъ чужое, впрочемъ гдѣ случится похулы на руку не кладутъ.

Всѣ эти милыя слабости встрѣчаются въ формѣ еще грубѣйшей у чиновниковъ стоящихъ за 14 классомъ, у дворянъ принадлежащихъ не царю, а помѣщикамъ. Но чѣмъ они хуже другихъ какъ сословіе—я не знаю.

Перебирая воспоминанія мои нетолько о дворовыхъ нашего дома и Сенатора, но о слугахъ двухъ-трехъ близкихъ намъ домовъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, я не помню ничего особенно порочнаго въ ихъ поведеніи. Развѣ придется говорить о небольшихъ кражахъ....но тутъ понятія такъ сбиты положеніемъ, что трудно судить—человѣкъ-собственность не церемонится съ своимъ товарищемъ и поступаетъ за папи-брата съ барскимъ добромъ. Справедливѣе слѣдуетъ исключить какихъ-нибудь временщиковъ, фаворитовъ и фаворитокъ, барскихъ барынь, паушниковъ; но во-первыхъ они составляютъ исключеніе,—это Клейнмихели конюшни, Бенкендорфы отъ погреба, Перекусихины въ затрапезномъ платьи, Помпадуръ на босую ногу; сверхъ того они то и ведутъ себя всѣхъ лучше, напиваются только почью и платья своего не закладываютъ въ питейный домъ.

Прогодушный развратъ прочихъ вертится около стакана

вина и бутылки пива, около веселой бесѣды и трубки, самовольныхъ отлучекъ изъ дома, ссоръ иногда доходящихъ до дракъ, плутней съ господами требующими отъ нихъ нечеловѣческаго и невозможнаго. Разумѣется отсутсвіе съ одной стороны — всякаго воспитанія, съ другой — крестьянской простоты при рабствѣ, внесли бездну уродливаго и искаженнаго въ ихъ нравы, но при всемъ этомъ они какъ Негры въ Америкѣ остались полудѣтьми, бездѣлица ихъ тѣшитъ, бездѣлица огорчаетъ; желанія ихъ ограничены и скорѣе наивны и человѣчественны, чѣмъ порочны.

Вино и чай, кабакъ и трактиръ двѣ постоянныя страсти русскаго слуги, для нихъ онъ крадетъ, для нихъ онъ бѣденъ, изъ-за нихъ онъ выноситъ гоненія, наказанія и покидаетъ семью въ нищетѣ. Ничего нѣтъ легче какъ съ высоты трезваго опьяненія Патера Метью осуждать пьянство и сидя за чайнымъ столомъ удивляться для чего слуги ходятъ пить чай въ трахтиръ, а не пьютъ его дома, не смотря на то что дома дешевле.

Вино оглушаетъ человѣка, даетъ возможность забыться, искуственно веселитъ, раздражаетъ; это оглушеніе и раздраженіе тѣмъ больше нравится чѣмъ меньше человѣкъ развитъ и чѣмъ больше сведенъ на узкую, пустую жизнь. Какъ-же не пить слугѣ осужденному на вѣчную переднюю, на всегдашнюю бѣдность, на рабство, на продажу. Онъ пьетъ черезъ край— когда можетъ, потому что не можетъ пить всякій день; это замѣтилъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ Сепковскій въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ Италіи и южной Франціи нѣтъ пьяницъ оттого что много вина. Дикое пьянство англійскаго работника объясняется точно также. Эти люди сломились въ безвыходной и неровной борьбѣ съ голодомъ и нищетой; какъ они ни бились, они вездѣ встрѣчали свинцовый сводъ и суровый отпоръ, отбрасывавшій ихъ на мрачное дно общественной жизни и осуждавшій на вѣчную работу безъ цѣли, снѣдавшую умъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Что-же тутъ удивительнаго, что пробывъ шесть дней рычагомъ, колесомъ, пружиной, винтомъ,—человѣкъ дико вырывается въ субботу вечеромъ изъ каторги мануфактурной дѣятельности и въ полчаса напивается пьянъ,

тѣмъ больше что его изнуреніе не много можетъ вынести. Лучше бы и моралисты пили себ Irish или Scotch Whiskey, да молчали бы, а то съ ихъ безчеловѣчной филантропіей, они накличутся на страшные отвѣты.

Пить чай въ трахтирѣ имѣетъ другое значеніе для слугъ. Дома ему чай не въ чай ; дома ему все напоминаетъ что онъ слуга ; дома у него грязнаа людская, онъ долженъ самъ поставить самоваръ, дома у него чашка съ отбитой ручкой и всякую минуту баринъ можетъ позвонить. Въ трахтирѣ онъ вольный человѣкъ, онъ господинъ, для него накрытъ столъ, зажжены лампы, для него несется съ подносомъ половой, чашки блестятъ, чайникъ блеститъ; онъ приказываетъ —его слушаютъ, онъ радуется и весело требуетъ себѣ паюсной икры или растегайчикъ къ чаю.

Во всемъ этомъ больше дѣтскаго простодушія чѣмъ безнравственности. Впечатлѣнія ими овладѣваютъ быстро, но не пускаютъ корней; умъ ихъ постоянно занятъ или лучше разсѣянъ случайными предметами, небольшими желаніями, пустыми цѣлями. Ребячья вѣра во все чудесное заставляетъ трусить взрослаго мущину и таже ребячья вѣра утѣшаетъ его въ самыя тяжелыя минуты. Я съ удивленіемъ присутствовалъ при смерти двухъ или трехъ изъ слугъ моего отца вотъ гдѣ можно было судить о простодушномъ безпечіи, съ которымъ проходила ихъ жизнь, о томъ что на ихъ совѣсти вовсе не было большихъ грѣховъ; а если кой-что случилось, такъ уже покончано на духу съ "батюшкой".

На этомъ сходствѣ дѣтей съ слугами и основано взаимное пристрастіе ихъ. Дѣти ненавидятъ аристократію взрослыхъ и ихъ благосклонно снисходительное обращеніе, оттого что они умны и понимаютъ что для нихъ они дѣти, а для слугъ лица. Въ слѣдствіе этаго они гораздо больше любятъ играть въ карты и лото съ горничными чѣмъ съ гостями. Гости играютъ для нихъ, изъ снисхожденія, уступаютъ имъ, дразнятъ ихъ и оставляютъ игру какъ вздумается ; горничныя играютъ обыкновенно столько - же для себя сколько для дѣтей, отъ этого игра получаетъ интересъ.

Прислуга чрезвычайно привязывается къ дѣтямъ и это вовсе не рабская привязанность, это взаимная любовь слабыхъ и простыхъ.

Встарь бывала, какъ теперь въ Турціи, патріархальная, династическая любовь между помѣщиками и дворовыми. Нынче нѣтъ больше на Руси этихъ усердныхъ слугъ преданныхъ роду и племени своихъ господъ. И это понятно. Помѣщикъ не вѣритъ въ свою власть, не думаетъ что онъ будетъ отвѣчать за своихъ людей на страшномъ судилищѣ Христовѣ, а пользуется ею изъ выгоды. Слуга не вѣритъ въ свою подчиненность и выноситъ насиліе не какъ кару божію, не какъ искусъ, — а просто оттого что онъ беззащитенъ; сила солому ломитъ.

Я зналъ еще въ молодости два - три обращика этихъ фанатиковъ рабства, о которыхъ со вздохомъ говорятъ восмидесятилѣтніе помѣщики, повѣствуя о ихъ неусыпной службѣ, о ихъ великомъ усердіи и забывая прибавить чѣмъ ихъ отцы и они сами платили за такое самоотверженіе.

Въ одной изъ деревень Сенатора проживалъ на покоѣ т. е. на хлѣбѣ дряхлый старикъ Андрей Степановъ.

Онъ былъ камердинеромъ Сенатора и моего отца во время ихъ службы въ Гвардіи, добрый, честный и трезвый человѣкъ, глядѣвшій въ глаза молодымъ господамъ и угадывавшій по ихъ собственнымъ словамъ ихъ волю, что думаю было не легко. Потомъ онъ управлялъ подмосковной. Отрѣзанный сначала войной 1812 года отъ всякаго сообщенія, потомъ одинъ безъ денегъ на пепелищѣ выгорѣлаго села, онъ продалъ какія-то бревна чтобъ не умереть съ голоду. Сенаторъ, возвратившись въ Россію, принялся приводить въ порядокъ свое имѣнье и наконецъ добрался до бревенъ. Въ наказаніе онъ отобралъ его должность и отправилъ его въ опалу. Старикъ обремененный семьей, поплелся на подножный кормъ. Намъ приходилось проѣзжать и останавливаться на день, на два въ деревнѣ гдѣ жилъ Андрей Степановъ. Дряхлый старецъ, разбитый параличемъ, приходилъ всякій разъ, опираясь на костыль, поклониться моему отцу и поговорить съ нимъ.

Преданность и кротость съ которой онъ говорилъ, его не-

счатный видъ, космы желто-сѣдыхъ волосъ по обѣимъ сторонамъ голаго черепа, глубоко трогали меня. "Слышалъ я, Государь мой, говорилъ онъ однажды, что братецъ вашъ еще кавалерію изволилъ получить. Старъ, батюшка, становлюсь, скоро Богу душу отдамъ, а вѣдь не сподобилъ меня Господь видѣть братца въ кавалеріи, хоть бы разъ передъ кончиной видѣть ихъ въ лентѣ и во всѣхъ регаліяхъ."

Я смотрѣлъ на старика, его лицо было такъ дѣтски-откровенно, сгорбленная фигура его, болѣзненно перекошенное лице, потухшіе глаза, слабый голосъ—все внушало довѣріе; онъ не лгалъ, онъ не льстилъ, ему дѣйствительно хотѣлось видѣть прежде смерти въ "кавалеріи и регаліяхъ" человѣка, который лѣтъ, пятнадцать не могъ ему простить какихъ-то бревенъ. Что это святой или безумный? Да, не одни-ли безумные и достигаютъ святости?

Новое поколѣніе не имѣетъ этаго идолопоклонства и если бываютъ случаи что люди не хотятъ на волю, то это просто отъ лѣни и изъ матеріальнаго расчета. Это развратнѣе, спору нѣтъ, но ближе къ концу; они навѣрно если что-нибудь и хотятъ видѣть на шеѣ господъ, то не владимірскую ленту.

Скажу здѣсь кстати о положеніи нашей прислуги вообще.

Ни Сенаторъ, ни отецъ мой не тѣснили особенно дворовыхъ, т. е. не тѣснили ихъ физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ и именно потому часто грубъ и несправедливъ, но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Отецъ мой докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ и брани.

Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны въ нашемъ домѣ и два-три случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству "частнаго дома", были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты, наказаніе это приво-

дило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ роду, безъ племени они все-же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены... являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски не взначай, въ расплохъ брали назначеннаго человѣка, староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ представить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки и я отдавалъ все, т. е. какой-нибудь двугривенный, шейной платокъ.

Помню я еще какъ какому-то старостѣ за то что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти, онъ плакалъ на взрыдъ, кланялся въ землю и просилъ положить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья.

Когда Сенаторъ жилъ съ нами общая прислуга состояла изъ тридцати мущинъ и почти столько-же женщинъ; замужнія впрочемъ не несли никакой службы, онѣ занимались своимъ хозяйствомъ; на службѣ были пять, шесть горничныхъ и прачки неходившія на верхъ, Къ этому слѣдуетъ прибавить мальчишекъ и дѣвченокъ, которыхъ пріучали къ службѣ т. е. къ праздности, лѣни, лганью и къ употребленію сивухи.

Для характеристики тогдашней жизни въ Россіи, я не думаю чтобъ было излишнимъ сказать нѣсколько словъ о содержаніи дворовыхъ. Сначала имъ давались 5 руб асс. въ мѣсяцъ на харчи, потомъ 6. Женщинамъ рублемъ меньше, дѣтямъ лѣтъ съ десяты половина. Люди составляли между собой артели и на недостатокъ не жаловались, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайней дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Наибольшее жалованье состояло изъ 100 руб. асс. въ годъ, другіе получали половину, нѣкоторые 30 рублей въ годъ. Мальчики лѣтъ до восьмнадцати не получали жалованья. Сверхъ оклада людямъ давались платья, шинели, рубашки, простыни, одѣяла, полотенцы, матрацы изъ парусины; мальчикамъ неполучавшимъ жалованья отпускались деньги на нравственную и физичискую

чистоту, т. е. на баню и говѣнье. Взявъ все въ расчетъ слуга обходился руб. въ 300 асс; если къ этому прибавить дивидентъ на лекарства, лекаря и на съѣстные припасы случайно привозимые изъ деревни и которые не знали куда дѣть, то мы и тогда не перейдемъ 350 руб. Это составляетъ четвертую часть того что слуга стоитъ въ Парижѣ или Лондонѣ.

Плантаторы обыкновенно вводятъ въ счетъ страховую прему рабства, т. е. содержаніе жены, дѣтей помѣщикомъ и скудный кусокъ хлѣба гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ старость лѣтъ. Конечно это надобно взять въ расчетъ; но страховая прима сильно понижается—примой страха тѣлесныхъ наказаній, невозможностью перемѣны состоянія и гораздо худшаго содержанія.

Я довольно наглядѣлся какъ страшное сознаніе крѣпостнаго состоянія убиваетъ, отравляетъ существованіе дворовыхъ, какъ оно гнететъ, одуряетъ ихъ душу. Мужики, особенно оброчные меньше чувствуютъ личную неволю, они какъ-то умѣютъ не вѣрить своему полному рабству. Но тутъ сидя на грязномъ залавкѣ передней съ утра до ночи, или стоя съ тарелкой за столомъ—нѣтъ мѣста сомнѣнію.

Разумѣется есть люди, которые живутъ въ передней какъ рыба въ водѣ, люди которыхъ душа никогда не просыпалась, которые взошли во вкусъ и съ своего рода художествомъ исполняли свою должность.

Въ этомъ отношеніи было у насъ лицо чрезвычайно интересное, нашъ старый лакей Бакай. Человѣкъ атлетическаго сложенія и высокого роста, съ крупными и важными чертами лица, съ видомъ величайшаго глубокомыслія, онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, воображая, что положеніе лакея одно изъ самыхъ значительныхъ.

Почтенный старецъ этотъ постоянно былъ сердитъ или выпивши, или выпивши и сердитъ вмѣстѣ. Должность свою онъ исполнялъ съ какой-то высшей точки зрѣнія и придавалъ ей торжественную важность; онъ умѣлъ съ особеннымъ шумомъ и трескомъ отбросить ступеньки кареты и хлопалъ дверцами сильнѣе ружейнаго выстрѣла. Сумрачно и на вы-

тяжкѣ стоялъ онъ на запяткахъ, и всякой разъ когда его подтряхивало на рытвинѣ, онъ густымъ и недовольнымъ голосомъ кричалъ кучеру: "Легче", не смотря на то что рытвина уже была на пять шаговъ сзади.

Главное занятіе его сверхъ ѣзды за каретой, занятіе добровольно возложенное имъ на себя, состояло въ обученіи мальчишекъ аристократическимъ манерамъ передней. Когда онъ былъ трезвъ, дѣло еще шло кой-какъ съ рукъ, но когда у него въ головѣ шумѣло, онъ становился педантомъ и тираномъ до невѣроятной степени. Я иногда вступался за моихъ пріятелей, но мой авторитетъ мало дѣйствовалъ на римской характеръ Бакая; онъ отворялъ мнѣ дверь въ залу и говорилъ.—"Вамъ здѣсь не мѣсто, извольте идти, а не то я и на рукахъ снесу," Онъ не пропускалъ ни одного движенія, ни одного слова, чтобъ не разбранить мальчишекъ; къ словамъ не рѣдко прибавлялъ онъ и тумакъ или "ковырялъ масло" т. е. щелкалъ какъ-то хитро и искусно какъ пружиной большимъ пальцемъ и мизинцомъ по головѣ.

Когда онъ разгонялъ наконецъ мальчишекъ и оставался одинъ, его преслѣдованія обращались на единственнаго друга его Макбета, большую ньюфаундлендскую собаку, которую онъ кормилъ, любилъ, чесалъ и холилъ. Посидѣвъ безъ компаніи минуты двѣ-три, онъ сходилъ на дворъ и приглашалъ Макбета съ собой на залавокъ, тутъ онъ заводилъ съ нимъ разговоръ. "Что-же ты дуракъ сидишъ на дворѣ, на морозѣ, когда есть топленая комната, экая скотина, что вытаращилъ глаза—ну? Ничего неотвѣчаешь?" за этимъ слѣдовала обыкновенно пощечина, Макбетъ иногда огрызался на своего благодѣтеля. Тогда Бакай его упрекалъ, но безъ ласки и уступокъ. "Впрямь корми собаку, все собака останется, зубы скалитъ, и не подумаетъ на кого, блохи бы заѣли безъ меня," и обиженный неблагодарностью своего друга, онъ нюхалъ съ гнѣвомъ табакъ и бросалъ Макбету въ носъ что оставалось на пальцахъ, послѣ чего тотъ чихалъ, ужасно неловко лапой снималъ съ глазъ табакъ попавшій въ носъ и съ полнымъ негодованіемъ оставляя залавокъ, царапалъ дверь; Бакай

ему отворялъ ее со словами "мерзавецъ" и давалъ ему ногой толчекъ. Тутъ обыкновенно возвращались мальчики и онъ принимался ковырять масло.

Прежде Макбета у насъ была лягавая собака Берта, она сильно занемогла, Бакай ее взялъ на свой матрацъ и двѣ-три недѣли ухаживалъ за ней. Утромъ рано выхожу я разъ въ переднюю. Бакай хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но голосъ у него перемѣнился и крупная слеза скатилась по щекѣ — собака умерла; вотъ еще фактъ для изученія человѣческаго сердца. Я вовсе не думаю чтобъ онъ и мальчишекъ ненавидѣлъ, это былъ суровый нравъ, подкрѣпляемый сивухой и безсознательно втянувшійся въ поэзію передней.

Но рядомъ съ этими дилетантами рабства, какіе мрачные образы мучениковъ, безнадежныхъ страдальцевъ—печально проходятъ въ моей памяти.

У Сенатора былъ поваръ, необычайнаго таланта, трудолюбивый, трезвый, онъ шелъ въ гору; самъ Сенаторъ хлопоталъ чтобъ его приняли въ кухню государя, гдѣ тогда былъ знаменитый поваръ Французъ. Поучившись тамъ, онъ опредѣлился въ англійскомъ клубѣ, разбогатѣлъ, женился, жилъ барином, но веревка крѣпостнаго состоянія не давала ему ни покойно спать, ни наслаждаться своимъ положеніемъ.

Собравшись съ духомъ и отслуживши молебенъ Иверской, Алексѣй явился къ Сенатору съ просьбой отпустить его за пять тысячъ асс. Сенаторъ гордился своимъ поваромъ, точно такъ какъ гордился своимъ живописцомъ, а въ слѣдствіе того денегъ не взялъ и сказалъ повару что отпуститъ его даромъ—послѣ своей смерти.

Поваръ былъ пораженъ какъ громомъ; погрустилъ, перемѣнился въ лицѣ, сталъ сѣдѣть и . . . русской человѣкъ—принялся попивать. Дѣла свои повелъ онъ спустя рукава, англійскій клубъ ему отказалъ. Онъ нанялся у одной княгини Т., княгиня преслѣдовала его мелкимъ скряжничествомъ. Обиженный разъ ею черезъ мѣру, Алексѣй, любившій выражаться краснорѣчиво, сказалъ ей съ своимъ важнымъ видомъ и съ своимъ голосомъ въ носъ—"Какая непрозрачная душа

обитаетъ въ вашемъ свѣтлѣйшемъ тѣлѣ." Княгиня взбѣсилась, прогнала повара и какъ слѣдуетъ русской барынѣ, написала жалобу Сенатору; Сенаторъ ничего бы не сдѣлалъ, но какъ учтивый кавалеръ, призвалъ повара, разругалъ его и велѣлъ ему идти къ княгинѣ просить прощенія.

Поваръ къ княгинѣ не пошелъ, а пошелъ въ кабакъ. Въ годъ времени онъ все спустилъ, отъ капитала приготовленнаго для взноса до послѣдняго фартука. Жена побилась, побилась съ нимъ, да и пошла въ няньки куда-то въ отъѣздъ. Объ немъ долго не было слуха. Потомъ какъ-то полиція привела Алексѣя обтерханнаго, одичалаго, его подняли на улицѣ, квартеры у него не было, онъ кочевалъ изъ кабака въ кабакъ. Полиція требовала чтобъ помѣщикъ его прибралъ. Больно было Сенатору, а можетъ и совѣстно, онъ его принялъ довольно кротко и далъ комнату. Алексѣй продолжалъ пить, пьяный шумѣлъ и воображалъ что сочиняетъ стихи; онъ дѣйствительно не былъ лишенъ какой-то безпорядочной фантазіи. Мы были тогда въ Васильевскомъ,это уже было въ 1830 г. Сенаторъ, не зная что дѣлать съ поваромъ, прислалъ его туда, воображая, что мой отецъ уговоритъ его. Но человѣкъ былъ слишкомъ сломленъ. Я тутъ разглядѣлъ какая сосредоточенная непависть и злоба противъ господъ лежатъ на сердцѣ у крѣпостнаго человѣка ; онъ говорилъ со скрыпомъ зубовъ и съ мимикой, которая особенно въ поварѣ могла быть опасна. При мнѣ онъ не боялся давать волю языку ; онъ меня любилъ и часто фамильярно трепля меня по плечу говорилъ. "Добрая вѣтвь испорченнаго древа."

Послѣ смерти Сенатора, мой отецъ далъ ему тотчасъ отпускную, это было поздно, и значило сбыть его съ рукъ, онъ такъ и пропалъ.

Рядомъ съ нимъ не могу не вспомнить другой жертвы крѣпостнаго состоянія. У Сенатора былъ въ родѣ письмоводителя, дворовый человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца умершій въ 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчикомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельдшерскому искуству. Докторъ выпросилъ

ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической Академіи; молодой человѣкъ былъ съ способностями, выучился по латынѣ, по нѣмецки и лечилъ кой-какъ. Лѣтъ двадцати пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нее свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодаго Толочанова; но ссора его съ женой продолжалась, она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ должно быть очень любилъ ее, онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость близкую помѣшательству, прогуливалъ ночи и не имѣя своихъ средствъ тратилъ господскіе деньги; когда онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 Декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что онъ пришелъ съ нимъ проститься и проситъ его сказать Сенатору, что деньги которыхъ недостаетъ истратилъ онъ.

— Ты пьянъ, сказалъ ему мой отецъ, поди и выспись.

— Я скоро пойду спать на долго, сказалъ лекарь, и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова испугалъ моего отца, и онъ пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ.—Что съ тобою, ты бредишь?

— Ничего-съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока . . . . когда его начало тошнить, онъ, удерживался и говорилъ. "Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ." Я слышалъ потомъ, когда ядъ сталъ сильнѣе дѣйствовать, его стонъ и страдальческій голосъ повторявшій, "жжетъ—жжетъ! огонь!" Кто-то посовѣтовалъ ему послать за священникомъ, онъ не хотѣлъ и говорилъ Кало, что жизни за гробомъ быть не можетъ, что онъ на столько знаетъ анатомію. Часу въ двѣнадцатомъ вечера онъ спросилъ штабъ-лекаря по нѣмецки который часъ, потомъ сказавши—"Вотъ и новый тодъ, поздравляю васъ"—умеръ.

Утромъ я бросился въ небольшой флигель служившій баней, туда снесли Толочанова; тѣло лежало на столѣ, въ томъ видѣ какъ онъ умеръ, во фракѣ безъ галстуха, съ разкрытой грудью, черты его были страшно искажены и уже почернѣли. Это было первое мертвое тѣло, которое я видѣлъ; близкій къ обморку я вышелъ вонъ. И игрушки и картинки, подаренныя мнѣ на новый годъ, не тѣшили меня; почернѣлый Толочановъ носился передъ глазами, и я слышалъ его "жжетъ——огонь!"

Въ заключеніе этого печальнаго предмета, скажу только одно, на меня передняя не сдѣлала никакаго дѣйствительно дурнаго вліянія. Напротивъ, она съ раннихъ лѣтъ развила во мнѣ непреодолимую ненависть ко всякому рабству и къ всякому произволу. Бывало когда я еще былъ ребенкомъ, Вѣра Артамоновна, желая меня сильно обидѣть за какую-нибудь малость, говорывала мнѣ: "Дайте срокъ, выростете, такой-же баринъ будете какъ другіе." Меня это ужасно оскорбляло. Старушка можетъ быть довольна, такимъ какъ другіе покрайнѣй мѣрѣ я не сдѣлался.

Сверхъ передней и дѣвичьей было у меня еще одно разсѣяніе, и тутъ по-крайнѣй мѣрѣ не было мнѣ помѣхи. Я любилъ чтеніе столько-же, сколько не любилъ учиться. Страсть къ безсистемному чтенію была вообще однимъ изъ главныхъ препятствій серьезному ученію. Я напримѣръ прежде и послѣ терпѣть не могъ теоретическаго изученія языковъ, но очень скоро выучивался кой-какъ понимать и болтать съ грѣхомъ пополамъ, и на этомъ останавливался, потому что этого было достаточно для моего чтенія.

У насъ была довольно большая библіотека, составленная изъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія. Книги валялись грудами въ сырой, нежилой комнатѣ нижняго этажа. Мнѣ было позволено рыться въ этихъ литературныхъ закормахъ сколько я хотѣлъ, и я читалъ себѣ, да читалъ. Отецъ мой видѣлъ въ этомъ двойную пользу, во-первыхъ, что я скорѣе выучусь по французски, а сверхъ того что я занятъ т. е. сижу смирно и притомъ у себя въ комнатѣ. Къ тому-же я не всѣ

книги показывалъ или клалъ у себя на столѣ, иныя прятались въ шифоньеръ.

Что-же я читалъ? Само собою разумѣется романы и комедіи. Я прочелъ томовъ пятьдесятъ французскаго репертуара, въ каждой части было по три, по четыре пьесы. Сверхъ французскихъ романовъ, у моей матери были романы Лафонтена, комедіи Коцебу, я и ихъ читалъ раза по два. Не могу сказать чтобъ романы имѣли на меня большое вліяніе, я бросался съ жадностью на всѣ двусмысленныя или нѣсколько растрепанныя сцены, какъ всѣ мальчики, но онѣ не занимали меня особенно.

Гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣла на меня пьэса, которую я любилъ безъ ума, перечитывалъ двадцать разъ и которую до сихъ поръ люблю "Свадьба Фигаро". Я былъ влюбленъ въ Херубима и въ Графиню, и сверхъ того я самъ былъ Херубимъ; у меня замирало сердце при чтеніи и не давая себѣ никакаго отчета, я чувствовалъ какое-то новое чувство. Какъ упоительна казалась мнѣ сцена гдѣ Пажа одѣваютъ въ женское платье, мнѣ страшно хотѣлось спрятать на груди чью-нибудь ленту и тайкомъ цаловать ее. На дѣлѣ я былъ далекъ отъ всякаго женскаго общества въ эти лѣта.

Помню только какъ изрѣдка по воскресеніямъ къ намъ пріѣзжали изъ пансіона двѣ дочери Б. Меньшая лѣтъ шестнадцати была поразительной красоты. Я терялся когда она входила въ комнату, не смѣлъ никогда обращаться къ ней съ рѣчью, а украдкой смотрѣлъ въ ея прекрасные темные глаза, на ея темные кудри и мнѣ было какъ-то невыносимо грустно и хорошо. Я никогда никому не запикался объ этомъ и первое дыханіе любви прошло несвѣданное никѣмъ, ни даже ею.

Годы спустя, когда я встрѣчался съ нею, сильно билось сердце и я вспоминалъ какъ я двѣнадцати лѣтъ отъ роду молился ея красотѣ.

Я забылъ сказать что Вертеръ меня занималъ почти столько же какъ Свадьба Фигаро, половины романа я не понималъ и пропускалъ, торопясь скорѣе дойти до страшной развязки, тутъ я плакалъ какъ сумашедшій. Въ 1839 году Вертеръ по-

пался мнѣ случайно подъ руки, это было въ Владимірѣ, я разсказалъ моей женѣ какъ я мальчикомъ плакалъ и сталъ ей читать послѣднія письма.... и когда дошелъ до того-же мѣста, слезы полились изъ глазъ и я долженъ былъ остановиться.

Лѣтъ до четырнадцати я не могу сказать чтобъ мой отецъ особенно тѣснилъ меня, но просто вся атмосфера нашего дома была тяжела для живаго мальчика. Строптивая и ненужная заботливость о физическомъ здоровьи, рядомъ съ полнымъ безразличіемъ къ нравственному, страшно надоѣдала. Предостереженія отъ простуды, отъ вредной пищи, хлопоты при малѣйшемъ насморкѣ, кашлѣ. Зимой я по недѣлямъ сидѣлъ дома, а когда позволялось проѣхатся, то въ теплыхъ сапогахъ, шарфахъ и пр. Дома былъ постоянно нестерпимый жаръ отъ печей, все это должно было сдѣлать изъ меня хилаго и изнѣженнаго ребенка, еслибъ я не наслѣдовалъ отъ моей матери неопреодолимаго здоровья. Она съ своей стороны вовсе не дѣлила этихъ предразсудковъ и на своей половинѣ позволяла мнѣ все то что запрещалось на половинѣ моего отца.

Ученіе шло плохо, безъ соревнованія, безъ поощреній и одобреній; безъ системы и безъ надзору я занимался спустя рукава и думалъ памятью и живымъ соображеніемъ замѣнить трудъ. Разумѣется что и за учителями не было никакаго присмотра, однажды условившись въ цѣнѣ—лишь бы они приходили въ свое время и сидѣли свой часъ—они могли продолжать годы не отдавая никакаго отчета въ томъ что дѣлали.

Лѣтъ двѣнадцати я былъ переведенъ съ женскихъ рукъ на мужскія. Тутъ мой отецъ сдѣлалъ два неудачныхъ опыта приставить за мной Нѣмца.

Нѣмецъ при дѣтяхъ, и не гувернеръ и не дядька, это совсѣмъ особенная профессія. Онъ не учитъ дѣтей и не одѣваетъ, а смотритъ чтобъ они учились и были одѣты, печется о ихъ здоровьи, ходитъ съ ними гулять и говоритъ тотъ вздоръ, который хочетъ не иначе какъ по нѣмецки. Если есть въ домѣ гувернеръ, Нѣмецъ ему покоряется; если есть дядька, онъ покоряется Нѣмцу. Учители ходящіе по билетамъ, опаздывающіе по непредвидимымъ причинамъ и уходящіе слишкомъ

рано по обстоятельствамъ независящимъ отъ ихъ воли, строятъ Нѣмцу куры и онъ при всей безграмотности начинаетъ себя считать ученымъ. Гувернантки употребляютъ Нѣмца на покупки, на всѣ возможныя комиссіи, но позволяютъ ухаживать за собой только въ случаѣ сильныхъ физическихъ недостатковъ и при совершенномъ отсутствіи другихъ поклонниковъ. Лѣтъ четырнадцати воспитанники ходятъ тайкомъ отъ родителей къ Нѣмцу въ комнату курить табакъ, онъ это терпитъ, потому что ему необходимы сильныя вспомогательныя средства, чтобъ оставаться въ домѣ. Въ самомъ дѣлѣ, большей частію въ это время Нѣмца при дѣтяхъ благодарятъ, дарятъ ему часы и остылаютъ; если онъ усталъ бродить съ дѣтьми по улицамъ и получать выговоры за насморкъ и пятны на платьяхъ, то Нѣмецъ при дѣтяхъ становится просто Нѣмцемъ, заводитъ небольшую лавочку, продаетъ прежнимъ питомцамъ мундштуки изъ янтаря, одеколонь, сигарки и дѣлаетъ другаго рода тайныя услуги имъ.

Первый Нѣмецъ приставленный за мною былъ родомъ изъ Шлезіи и назывался Іокишъ, по моему этой фамиліи было за глаза довольно чтобъ его не брать; высокій, плѣшивой мущина, онъ отличался чрезвычайной нечистоплотностью и хвастался своимъ знаніемъ агрономіи, я думаю что отецъ мой именно по этому его и взялъ. Я съ отвращеніемъ смотрѣлъ на шленскаго великана и только на томъ мирился съ нимъ, что онъ мнѣ разсказывалъ, гуляя по Дѣвичьему полю и на Пресненскихъ прудахъ, сальные апекдоты, которые я передавалъ передней. Онъ прожилъ не больше года, напакостилъ что-то въ деревнѣ, садовникъ хотѣлъ его убить косой, отецъ мой велѣлъ ему убираться.

На его мѣсто поступилъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельской солдатъ (вѣроятно бѣглый) Ѳедоръ Карловичъ, отличавшійся каллиграфіей и непомѣрнымъ тупоуміемъ. Онъ уже былъ прежде въ двухъ домахъ при дѣтяхъ и имѣлъ нѣкоторый навыкъ т. е. придавалъ себѣ видъ гувернера, къ тому-же онъ говорилъ по французски на ш и съ обратнымъ удареніемъ. (*)

(*) Англичане говорятъ хуже Нѣмцовъ по французски, но они только коверкаютъ языкъ (ils estropient) Нѣмцы о п о д л я ю т ъ его (dégradent).

Я не имѣлъ къ нему никаго уваженія и отравлялъ всѣ минуты его жизни, особенно съ тѣхъ поръ какъ я убѣдился, что не смотря на всѣ мои усилія онъ не можетъ понять двухъ вещей: десятичныхъ дробей и тройнаго правила. Въ душѣ мальчиковъ вообще много безпощаднаго и даже жестокаго, я съ свирѣпостію преслѣдовалъ бѣднаго вольфенбютельскаго егеря пропорціями; меня это до того занимало, что я, мало вступавшій въ подобные разговоры съ моимъ отцомъ, торжественно сообщилъ ему о глупости Ѳедора Карловича.

Къ тому-же Ѳедоръ Карловичъ мнѣ похвастался что у него есть новый фракъ синій съ золотыми пуговицами, и дѣйствительно я его видѣлъ разъ отправляющагося на какую-то свадьбу во фракѣ, который ему былъ широкъ, но съ золотыми пуговицами. Мальчикъ приставленный за нимъ, донесъ мнѣ что фракъ этотъ онъ бралъ у своего знакомаго сидѣльца въ косметическомъ магазейнѣ. Безъ малѣйшаго сожаленія присталъ я къ бѣдняку—гдѣ синій фракъ, да и только?

—У васъ въ домѣ много моли, я его отдалъ къ знакомому портному на сохраненіе.

— Гдѣ живетъ этотъ портной?

— Вамъ на что?

— Отчего-же не сказать?

— Не надобно не въ свои дѣла мѣшаться.

— Ну, пусть такъ, а черезъ недѣлю мои имянины, утѣшьте меня, возьмите синій фракъ у портнаго на этотъ день.

— Нѣтъ, не возьму, вы не заслуживаете, потому что вы "импертинентъ".

И я грозилъ ему пальцемъ.

Надобно-же было для послѣдняго удара Ѳедору Карловичу чтобъ онъ разъ при Бушо, французскомъ учителѣ, похвастался тѣмъ что онъ былъ рекрутомъ подъ Ватерлоо, и что Нѣмцы (въ особенности вѣроятно Брауншвейгцы), дали страшную таску Французамъ. Бушо только посмотрѣлъ на него и такъ страшно понюхалъ табаку, что побѣдитель Наполеона нѣсколько сконфузился. Бушо ушелъ сердито опираясь на свою сучковатую палку и никогда не называлъ его иначе какъ le soldat

de Villain—ton. Я тогда еще не зналъ, что каламбуръ этотъ принадлежитъ Беранже, и не могъ нарадоваться на выдумку Бушо.

Наконецъ товарищъ Блюхера разсорился съ моимъ отцомъ и оставилъ нашъ домъ; послѣ этого отецъ мой не тѣснилъ меня больше Нѣмцами.

При Брауншвейгъ-Вольфенбютельскомъ дворѣ я иногда похаживалъ къ какимъ-то мальчикамъ, при которыхъ жилъ его пріятель тоже въ должности "Нѣмца" и съ которыми мы дѣлали дальнія прогулки; послѣ него я снова попался въ совершенное одиночество — скучалъ, рвался изъ него и не находилъ выхода. Не имѣя возможности пересилить волю отца, я можетъ сломился бы въ этомъ существованіи, еслибъ вскорѣ новая умственная дѣятельность и двѣ встрѣчи, о которыхъ скажу въ слѣдующей главѣ не спасли меня. Я увѣренъ, что моему отцу ни разу не приходило въ голову какую жизнь онъ заставляетъ меня вести, иначе онъ не отказывалъ бы мнѣ въ самыхъ невинныхъ желаніяхъ, въ самыхъ естественныхъ просьбахъ.

Изрѣдка отпускалъ онъ меня съ Сенаторомъ въ французскій театръ, это было для меня высшее наслажденіе; я страстно любилъ представленія, но и это удовольствіе приносило мнѣ столько-же горя, сколько радости. Сенаторъ пріѣзжалъ со мною въ полъ-піэсы и вѣчно куда-нибудь званый увозилъ меня прежде конца. Театръ былъ у Арбатскихъ воротъ въ домѣ Апраксина, мы жили въ Старой-Конюшенной т. е. очень близко; но отецъ мой строго запретилъ возвращаться безъ Сенатора.

— Мнѣ было около пятнадцати лѣтъ, когда мой отецъ пригласилъ священника давать мнѣ уроки богословія, насколько это было нужно для вступленія въ Университетъ. Катехизисъ какъ видите попался мнѣ въ руки послѣ Вольтера. Нигдѣ религія не играетъ такой скромной роли въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ Россіи, и это разумѣется величайшее счастіе.

Мой отецъ считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надобно вѣрить въ священное писаніе безъ разсужденій, потому что

умомъ тутъ ничего не возьмешь и всѣ мудрованія затемняютъ только предметъ; что надобно исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь впрочемъ въ излишнюю набожность, которая идетъ старымъ женщинамъ, а мущинамъ не прилична. Вѣрилъ-ли онъ самъ? Я полагаю что немного вѣрилъ по привычкѣ, изъ приличія и на всякой случай. Впрочемъ онъ самъ не исполнялъ никакихъ церковныхъ постановленій—защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника, или просилъ его пѣть въ пустой залѣ, куда высылалъ ему синенькую бумажку. Зимою, онъ извинялся тѣмъ, что священникъ и дьяконъ вносятъ такое количество стужи съ собой, что онъ всякой разъ простужается. Въ древнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей нежели изъ богобоязненныхъ.

Мать моя была Лютеранка и стало быть степенью религіознѣе; она всякой мѣсяцъ разъ или два ѣздила въ воскресенье; въ свою церковь или какъ Бакай упорно называлъ "въ свою Кирху", и я отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ ней. Тамъ я выучился до артистической степени предразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацію и пустословіе, талантъ который я сохранилъ до совершеннолѣтія.

Каждый годъ отецъ мой приказывалъ мнѣ говѣть. Я побаявался исповѣди и вообще церковная mise en scène поражала меня и пугала, съ истиннымъ страхомъ подходилъ я къ причастію; но религіознымъ чувствомъ я этого не назову, это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное, особенно когда ему придаютъ серьезную торжественность; такъ дѣйствуетъ ворожба, заговариваніе. Разговѣвшись послѣ Заутрени на святой недѣлѣ и объѣвшись красныхъ яицъ, пасхи и кулича, я цѣлый годъ больше не думалъ о религіи.

По Евангеліе я читалъ много и съ любовью по славянски и въ лютеровскомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искренное и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но

не помню чтобъ когда-нибудъ я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ, это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію Евангелія, и всякой разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу.

Когда священникъ началъ мнѣ давать уроки, онъ былъ удивленъ не только общимъ знаніемъ Евангелія, но тѣмъ, что я приводилъ тексты буквально. "Но Господь Богъ, говорилъ онъ, раскрывъ умъ—не раскрылъ еще сердце." И мой теологъ пожимая плечами, удивлялся моей "двойственности," однакоже былъ доволенъ мною, думая что у Терновскаго съумѣю держать отвѣтъ.

Вскорѣ религія другаго рода овладѣла моей душой.

ГЛАВА III.

Смерть Александра I и 14 Декабря—Нравственное пробужденіе —Террористъ Бушо—Корчевская кузина—Н.

(1825 — 1827)

Однимъ зимнимъ утромъ какъ-то не въ свое время пріѣхалъ Сенаторъ, озабоченный, онъ скорыми шагами прошелъ въ кабинетъ моего отца и заперъ дверь, показавши мнѣ рукой чтобъ я остался въ залѣ.

По счастію мнѣ не долго пришлось ломать голову, догадываясь въ чемъ дѣло. Дверь изъ передней немного пріотворилась и красное лицо полузакрытое волчьимъ мѣхомъ ливрейной шубы, шопотомъ подзывало меня; это былъ лакей Сенатора, я бросился къ двери.

— Вы не слыхали? спросилъ онъ.

— Чего?

— Государь померъ въ Таганрогѣ.

Новость эта поразила меня; я никогда прежде не думалъ о возможности его смерти; я выросъ въ большомъ уваженіи къ Александру и грустно вспоминалъ, какъ я его видѣлъ незадолго передъ тѣмъ въ Москвѣ. Гуляя встрѣтили мы его за Тверской заставой, онъ тихо ѣхалъ верхомъ съ двумя, тремя генералами, возвращаясь съ Ходынки гдѣ были маневры. Лицо его было привѣтливо, черты мягки и округлы, выраженіе лица усталое и печальное. Когда онъ поровнялся съ нами я снялъ шляпу и поднялъ ее, онъ улыбаясь поклонился мнѣ. Какая разница съ Николаемъ (*) вѣчно представляющимъ

(*) Писано въ 1853 году.

остриженную и взлызистую Медузу съ усами. Онъ на улицѣ, во дворцѣ съ своими дѣтьми и министрами, съ вѣстовыми и фрейлинами пробуетъ беспрестанно имѣетъ-ли его взглядъ свойство гремучей змѣи останавливать кровь въ жилахъ. Если наружная кротость Александра была личина, не лучше-ли такое лицемѣріе, чѣмъ наглая откровенность самовластья.

Пока смутныя мысли бродили у меня по головѣ, и въ лавкахъ продавали портреты императора Константина, пока носились повѣстки о присягѣ и добрые люди торопились поклясться, разнесся слухъ объ отрѣченіи Цесаревича. Вслѣдъ за тѣмъ тотъ-же лакей Сенатора, большой охотникъ до политическихъ новостей и которому было гдѣ ихъ собирать по всѣмъ переднимъ сенаторовъ и присутственныхъ мѣстъ по которымъ онъ ѣздилъ съ утра до ночи, не имѣя выгоды лошадей которыя мѣнялись послѣ обѣда,—сообщилъ мнѣ что въ Петербургѣ былъ бунтъ и что по галерной стрѣляли "въ пушки".

На другой день вечеромъ былъ у насъ жандармскій генералъ графъ Комаровскій, онъ разсказывалъ о каррѣ на Исакіевской площади, о конногвардейской атакѣ, о смерти графа Милорадовича.

А тутъ пошли аресты, "того-то взяли," "того-то схватили," "того-то привезли изъ деревни"; испуганные родители трепетали за дѣтей. Мрачныя тучи заволокли небо.

Въ царствованіе Александра политическія гоненія были рѣдки; онъ сослалъ правда Пушкина за его стихи и Лабзина за то, что онъ будучи конференцъ-секретаремъ въ Академіи Художествъ, предложилъ, избрать кучера Илью Байкова въ члены Академіи (*); но систематическаго преслѣдованія не было. Тайная полиція не разросталась еще въ самодержавный

(*) Президентъ Академіи предложилъ въ почетные члены Аракчеева, Лабзинъ спросилъ въ чемъ состоятъ заслуги Графа въ отношеніи къ искуствамъ? Президентъ не нашелся и отвѣчалъ, что Аракчеевъ "самый близкій человѣкъ къ Государю." Если эта причина достаточна, то я предлагаю Илью Байкова, замѣтилъ Секретарь, онъ не только близокъ къ Государю, но сидитъ передъ нимъ. Лабзинъ былъ мистикъ и издатель Сіонскаго Вѣстника, самъ Александръ былъ такой-же мистикъ, но съ паденіемъ министерства Голицына, отдалъ головой Аракчееву своихъ прежнихъ "братій о Христѣ и о внутренномъ человѣкѣ". Лабзина сослали въ Симбирскъ.

корпусъ жандармовъ, а состояла изъ канцеляріи подъ начальствомъ стараго вольтеріанца, остряка и болтуна и юмориста въ родѣ Жуи — Де-Санглена. При Николаѣ Де-Сангленъ попалъ самъ подъ надзоръ полиціи и считался либераломъ, оставаясь тѣмъ-же чѣмъ былъ; по одному этому легко вымѣрить разницу царствованій.

Николая вовсе не знали до его воцаренія, при Александрѣ онъ ничего не значилъ, и никого не занималъ. Теперь все бросилось распрашивать о немъ: одни гвардейскіе офицеры могли дать отвѣтъ, они его ненавидѣли за холодную жестокость за мелочное педантство, за злопамятность. Одинъ изъ первыхъ анекдотовъ раснесшихся по городу, больше нежели подтверждалъ мнѣніе гваврдейцевъ. Разсказывали, что какъ-то на ученьи великій князь дотого забылся, что хотѣлъ схватить за воротникъ офицера. Офицеръ отвѣтилъ ему "в. в. у меня шпага въ рукѣ". Николай отступилъ назадъ, промолчалъ, но не забылъ отвѣта. Послѣ 14 Декабря онъ раза два освѣдомился замѣшанъ этотъ офицеръ или нѣтъ. По счастію онъ не былъ замѣшанъ. (*)

Тонъ общества мѣнялся наглазно, быстрое нравственное паденіе служило печальнымъ доказательствомъ, какъ мало развито было между русскими Бургравами чувство личнаго достоинства. Никто (кромѣ женщинъ) не смѣлъ показать участія, произнести теплаго слова о родныхъ, о друзьяхъ, которымъ еще вчера жали руку, но которые за ночь были

(*) Офицеръ, если не ошибаюсь графъ Самойловъ, вышелъ въ отставку и спокойно жилъ въ Москвѣ. Николай узналъ его въ театрѣ; ему показалось, что онъ какъ-то изыскапно-оригинально одѣтъ и онъ высочайше изъявилъ желаніе чтобъ подобные костюмы были осмѣяны на сценѣ. Директоръ и патріотъ Загоскинъ поручилъ одному изъ актеровъ представить Самойлова въ какомъ-нибудь водевилѣ. Слухъ объ этомъ разнесся по городу. Когда пьеса кончилась, настоящій Самойловъ взошелъ въ ложу директора и просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ своему двойнику. Директоръ струсилъ, однако боясь скандалу, позвалъ гаера. "Вы прекрасно представили меня, сказалъ ему Графъ, но для полнаго сходства у васъ недоставало одпаго, этого брильянта, который я всегда пошу, позвольте мнѣ вручить его вамъ, вы его будете надѣвать когда вамъ опять будетъ приказано меня представить." Послѣ этаго Самойловъ спокойно отправился по свое мѣсто. Плоская шутка такъ-же глупо пала, какъ объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ и другія августѣйшія шалости.

взяты. Напротивъ являлись дикіе фанатики рабства, одни изъ подлости, а другіе хуже—безкорыстно.

Одиѣ женщины не участвовали въ этомъ позорномъ отрѣченіи отъ близкихъ.... и у креста стояли одиѣ женщины, и у кровавой гильотины является — то Люсиль Демуленъ, эта Офелія революціи, этотъ сломившійся отъ горя ангелъ, бродящій возлѣ топора, ожидая свой чередъ — то Ж Сандъ подающая на эшафотѣ руку участья и дружбы фанатическому юношѣ Алибо.

Жены сосланныхъ въ каторжную работу лишались всѣхъ гражданскихъ правъ, бросали богатство, общественное положеніе и ѣхали на цѣлую жизнь неволи, въ страшной климатъ восточной Сибири, подъ еще страшнѣйшій гнетъ тамошней полиціи. Сестры, не имѣвшія права ѣхать, удалялись отъ двора, многія оставили Россію; почти всѣ хранили въ душѣ живое чувство любви къ страдальцамъ; но его не было у мущинъ, страхъ выѣлъ его въ ихъ сердцѣ, никто не смѣлъ заикнуться о несчастныхъ.

Коснувшись до этаго предмета, я не могу удержаться чтобъ не сказать нѣсколько словъ объ одной изъ этихъ героическихъ исторій. которая очень мало извѣстна.

Въ старинномъ домѣ Ивашевыхъ жила молодая француженка, учившая его дочерей. Единственный сынъ Ивашева хотѣлъ на ней жениться. Это свело съ ума всю родню его, гвалтъ, слезы, просьбы. У Француженки не было на лицо брата Чернова, убившаго на дуэли Новосильцова и убитаго имъ, ее уговорили ѣхать въ Парижъ, его—отложить до поры до времени свое намѣреніе. Ивашевъ былъ одинъ изъ энергическихъ заговорщиковъ, его приговорили къ вѣчной каторжной работѣ. Отъ этого mésalliance родня не спасла его. Какъ только страшная вѣсть дошла до молодой дѣвушки въ Парижъ, она отправилась въ Петербургъ и попросила дозволеніе ѣхать въ Иркутскую губернію къ своему жениху Ивашеву. Бенкендорфъ попытался отклонить ее отъ такаго преступнаго намѣренія, ему не удалось и онъ доложилъ Николаю. Николай велѣлъ ей объяснить положеніе женъ неизмѣнившихъ

мужьямъ сосланнымъ въ каторжную работу, присовокупляя, что онъ ее не держитъ, но что она должна знать, что если жены идущія изъ вѣрности съ своими мужьями, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, то она не имѣетъ на это ни малѣйшаго права, сознательно вступая въ бракъ съ преступникомъ.

Она и Николай сдержали слово, она отправилась въ Сибирь, онъ ничѣмъ не облегчилъ ея судьбу.

"Царь былъ строгъ, но справедливъ".

Въ крѣпости ничего не знали о позволеніи, и бѣдная дѣвушка добравшись туда, должна была ждать, пока начальство опишется съ Петербургомъ, въ какомъ то мѣстѣчкѣ населенномъ всякаго рода бывшими преступниками, безъ всякаго средства узнать что - нибудь объ Ивашевѣ и дать ему вѣсть о себѣ.

Мало по малу она ознакомилась съ своими новыми товарищами. Между ними былъ сосланный разбойникъ; онъ работалъ въ крѣпости, она разсказала ему свою исторію. На другой день разбойникъ принесъ ей записочку отъ Ивашева. Дѣвушка рыдала отъ восторга, это тронуло "преступника" — онъ ей предложилъ черезъ день носить отъ Ивашева вѣсти и брать ея записки. Съ утра онъ долженъ былъ работать въ крѣпости до вечера, когда наступала ночь, онъ бралъ письмецо Ивашева и отправлялся, не смотря ни на бураны, ни на свою усталь и возвращался къ разсвѣту на свою работу. Сердце разбойника не было царскимъ!

Наконецъ пришло позволеніе, ихъ обвѣнчали. Черезъ нѣсколько лѣтъ каторжная работа замѣнилась поселеніемъ. Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось, но силы были потрачены; жена первая пала подъ бременемъ всего испытаннаго съ того дня какъ ее услали въ Парижъ, чтобъ спасти отъ нея аристократическую родословную—до тѣхъ поръ пока дружба и покровительство разбойника сдѣлались ей ненужны, она увяла какъ долженъ былъ увянуть цвѣтокъ полуденныхъ странъ на сибирскомъ снѣгу. Ивашевъ не пережилъ ее, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нея, но и тогда онъ уже не былъ здѣсь, его письма (поразившія третье отдѣленіе), носили

слѣдъ какого-то безмѣрно грустнаго, святаго лунатизма, мрачной поэзіи, онъ собственно не жилъ послѣ нея, а тихо, торжественно умиралъ.

Это "житіе" не оканчивается съ ихъ смертью. Отецъ Ивашева послѣ ссылки сына, передалъ свое имѣнье незаконнорожденному сыну, прося его не забывать бѣднаго брата и помогать ему. У Ивашевыхъ осталось двое дѣтей, двое малютокъ безъ имени, двое будущихъ кантонистовъ, посельщиковъ въ Сибири —безъ помощи, безъ правъ, безъ отца и матери. Незаконный братъ Ивашева испросилъ у Николая позволеніе взять дѣтей къ себѣ, Николай разрѣшилъ; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ рискнулъ другую просьбу, онъ ходатайствовалъ о возвращеніи имъ имени отца, удалось и это. Тогда онъ отдалъ имъ имѣнье, говоря что оно не въ самомъ дѣлѣ ему принадлежитъ.

— Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ сильно поразили меня, мнѣ открывался новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю какъ это сдѣлалось, но мало понимая или очень смутно въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрмы и цѣпи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческой сонъ моей души.

Всѣ ожидали облегченія въ судьбѣ осужденныхъ, коронація была на дворѣ. Даже мой отецъ, не смотря на свою осторожность и на свой скептицизмъ, говорилъ что смертный приговоръ не будетъ приведенъ въ дѣйствіе, что все это дѣлается для того чтобъ поразить умы. Но онъ, какъ и всѣ другіе, плохо зналъ юнаго монарха. Николай уѣхалъ изъ Петербурга и не въѣзжая въ Москву остановился въ Петровскомъ дворцѣ. Тамъ ждалъ онъ вѣсти о казни и дождался. Жители Москвы едва вѣрили своимъ глазамъ, читая въ Московскихъ Вѣдомостяхъ страшную новость 14 Іюля.

Народъ русскій отвыкъ отъ смертныхъ казней; послѣ Мировича казненнаго вмѣсто Екатрины II, послѣ Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали подъ кнутомъ,

солдатъ гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная казнь de jure не существовала. Разказываютъ что при Павлѣ на Дону было какое-то частное возмущеніе Казаковъ, въ которомъ замѣшались два офицера. Павелъ велѣлъ ихъ судить военнымъ судомъ и далъ полную власть гетману или генералу. Судъ приговорилъ ихъ къ смерти, но никто не осмѣлился утвердить приговоръ; гетманъ представилъ дѣло государю. "Всѣ они бабы, сказалъ Павелъ, они хотятъ свалить казнь на меня, очень благодаренъ" и замѣнилъ ее каторжной работой.

Николай ввелъ смертную казнь въ наше уголовное законодательство сначала беззаконно, а потомъ привѣнчалъ ее своему своду.

Черезъ день, послѣ полученія страшной вѣсти, былъ молебенъ въ Кремлѣ, я уже говорилъ о немъ. (*) Отпраздновавши казнь, Николай сдѣлалъ свой торжественный въѣздъ въ Москву. Я тутъ его видѣлъ въ первый разъ; онъ ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты, въ которой сидѣли вдовствующая императрица и молодая. Онъ былъ красивъ, но красота его обдавала холодомъ; нѣтъ лица, которое бы такъ безпощадно обличало характеръ человѣка какъ его лицо. Лобъ быстро бѣгущій назадъ, нижняя челюсть, развитая на счетъ черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. По главное глаза, безъ всякой теплоты, безъ всякаго милосердія, зимніе глаза. Я не вѣрю, чтобъ онъ когда нибудь страстно любилъ какую-нибудь женщину, какъ Павелъ Лопухину, какъ Александръ всѣхъ женщинъ, кромѣ своей жены; онъ "пребывалъ къ нимъ благосклоненъ" небольше.

Въ Ватиканѣ есть новая галлерея, въ которой кажется Пій VII собралъ огромное количество статуй, бюстовъ, статуетокъ вырытыхъ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Вся исторія римскаго паденія выражена тутъ бровями, лбами губами; отъ дочерей Августа до Поппеи, матроны успѣли превратиться въ лоретокъ и типъ лоретки побѣждаетъ и остается; мужской типъ, перейдя

(*) См. I книж. Полярной Звѣзды стр. 234.

такъ сказать самаго себя въ Антиноѣ и Гермафродитѣ, двоится; съ одной стороны плотское и нравственное паденіе, загрязненныя черты развратомъ и обжорствомъ, кровью и всѣмъ на свѣтѣ, безо лба, исхудалые какъ Геліогабалъ, или съ опущенными щеками какъ Гальба—этотъ типъ чудесно возпроизвелся въ Неаполитанскомъ королѣ. Но есть и другой – это типъ военачальниковъ, въ которыхъ вымерло все гражданское, все человѣческое и осталась одна страсть—повелѣвать, умъ узокъ, сердца совсѣмъ нѣтъ, это монахи властолюбія, въ ихъ чертахъ видна сила и суровая воля· Таковы "гвардейскіе и армейскіе" императоры, которыхъ крамольные легіонеры ставили на часы къ имперіи. Въ ихъ-то числѣ я нашелъ много головъ похожихъ на Николая, когда онъ былъ безъ усовъ. Я понимаю необходимость этихъ угрюмыхъ и непреклонныхъ стражей возлѣ умирающаго въ бѣшенствѣ, но зачѣмъ они возникающему, юному? ...

Не смотря на то что политическія мечты занимали меня день и ночь, понятія мои не отличались особенной проницательностью; они были до того сбивчивы, что я воображалъ въ самомъ дѣлѣ, что петербуржское возмущеніе имѣло между прочимъ цѣлью посадить на тронъ цесревича; ограничивъ его власть. Отсюда цѣлый годъ поклоненія этому чудаку. Онъ былъ тогда народнѣе Николая, отъ чего, не понимаю, но массы, для которыхъ онъ никакого добра не сдѣлалъ, и солдаты, для которыхъ онъ дѣлалъ одинъ вредъ, любили его. Я очень помню какъ во время коронаціи онъ шелъ возлѣ блѣднаго Николая, съ насупившимися, свѣтложелтаго цвѣта взъерошенными бровями, въ мундирѣ литовской гвардіи съ желтымъ воротникомъ, сгорбившись и поднимая плечи до ушей. Обвѣнчавши въ качествѣ отца посаженаго Николая съ Россіей, онъ уѣхалъ додразнивать Варшаву. До 29 Ноября 1830 года о немъ не было слышно.

Не красивъ былъ мой герой, такого типа и въ Ватиканѣ не сыщешъ. Я бы этотъ типъ назвалъ гатчинскимъ, еслибъ не видалъ сардинскаго короля.

— Само собою разумѣется, что одиночество теперь тяготило

меня больше прежняго, мнѣ хотѣлось кому-нибудь сообщить мои мысли и мечты, провѣрить ихъ, слышать имъ подтвержденіе; я слишкомъ гордо сознавалъ себя "злоумышленникомъ"—чтобъ молчать объ этомъ, или чтобъ говорить безъ разбора.

Первый выборъ палъ на русскаго учителя.

И. Е. Протопоповъ самъ былъ полонъ того благороднаго и неопредѣленнаго либерализма, который проходитъ съ первымъ сѣдымъ волосомъ, съ женитьбой и мѣстомъ, но все-таки облагораживаетъ человѣка. Иванъ Евдокимовичъ былъ тронутъ и уходя обнялъ меня со словами: "Дай Богъ, чтобъ эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились". Его сочувствіе было для меня великой отрадой. Онъ послѣ этого сталъ носить мнѣ мелко переписанныя и очень затертыя тетрадки стиховъ Пушкина "Ода на свободу", "Кинжалъ"; я ихъ переписывалъ тайкомъ . . . а теперь печатаю явно!

Разумѣется, что и чтеніе мое перемѣнилось. Политика впередъ, а главное исторія революціи, я ее зналъ только по разсказамъ Mme Прово. Въ подвальной библіотекѣ открылъ я какую-то исторію девяностыхъ годовъ, писанную роялистомъ. Она была до того пристрастна, что даже я 14 лѣтъ ей не повѣрилъ. Слышалъ я мелькомъ отъ старика Бушо, что онъ во время революціи былъ въ Парижѣ, мнѣ очень хотѣлось распросить его; но Бушо былъ человѣкъ суровый и угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками; онъ никогда не пускался въ излишніе разговоры со мной, спрягалъ глаголы, диктовалъ примѣры, бранилъ меня и уходилъ опираясь на толстую сучковатую палку.

— Зачѣмъ, спросилъ я его середь урока, казнили Людовика XVI?

Старикъ посмотрѣлъ на меня, опуская одну сѣдую бровь и поднимая другую, поднялъ очки на лобъ какъ забрало, вынулъ огромный синій носовой платокъ и утирая имъ носъ съ важностью сказалъ.

— Parce qu'il a été traître à la patrie.

— Еслибъ вы были между судьями, вы подписали бы приговоръ?

— Обѣими руками.

Этотъ урокъ стоилъ всякихъ субжонктивовъ; для меня было довольно; ясное дѣло, что по дѣломъ казнили короля.

Старикъ Бушо не любилъ меня и считалъ пустымъ шалуномъ за то, что я дурно приготовлялъ уроки, онъ часто говаривалъ: "Изъ васъ ничего не выйдетъ", но когда замѣтилъ мою симпатію къ его идеямъ regicides, онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и разсказывалъ эпизоды 93 года, и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда "развратные и плуты" взяли верхъ. Онъ съ тою-же важностью не улыбаясь оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ. "Я право думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ."

Къ этимъ педагогическимъ поощреніямъ и симпатіямъ, вскорѣ присовокупилась симпатія болѣе теплая и имѣвшая сильное вліяніе на меня.

Въ небольшомъ городкѣ тверской губерніи жила внучка старшаго брата моего отца. Я ее зналъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, но видались мы рѣдко; она пріѣзжала разъ въ годъ на святки или объ масленицу погостить въ Москву съ своей теткой. Тѣмъ не менѣе мы сблизились. Она была лѣтъ пять старше меня, но такъ мала ростомъ и моложава, что ее можно было еще считать моей ровесницей. Я ее полюбилъ за то особенно, что она первая стала обращаться со мной почеловѣчески т. е не удивлялась беспрестанно тому что я выросъ, не спрашивала чему учусь, и хорошо-ли учусь, хочу-ли въ военную службу и въ какой полкъ, а говорила со мной такъ, какъ люди вообще говорятъ между собой, не оставляя впрочемъ докторальный авторитетъ, который дѣвушки любятъ сохранять надъ мальчиками нѣсколько лѣтъ моложе ихъ.

Мы переписывались и очень съ 1824 г., но письма— это опять перо и бумага, опять учебный столъ съ чернильными пятнами и иллюстраціями, вырѣзанными перочиннымъ ножемъ; мнѣ хотѣлось ее видѣть, говорить съ ней о новыхъ идеяхъ—и потому можно себѣ представить съ какимъ восторгомъ я услышалъ, что кузина пріѣдитъ въ Февралѣ (1826) и

будетъ у насъ гостить нѣсколько мѣсяцевъ. Я на своемъ столѣ нацарапалъ числа до ея пріѣзда и смарывалъ прошедшія, иногда намѣренно забывая дни три, чтобъ имѣть удовольствіе разомъ вымарать побольше, и все-таки время тянулось очень долго, потомъ и срокъ прошелъ, и новый былъ назначенъ, и тотъ прошелъ, какъ всегда бываетъ.

Мы сидѣли разъ вечеромъ съ Иваномъ Евдокимовичемъ въ моей учебной комнатѣ, и Иванъ Евдокимовичъ по обыкновенію запивая кислыми щами всякое предложеніе, толковалъ о "гекзаметрѣ", страшно рубя на стоны голосомъ и рукой каждый стихъ изъ Гнѣдичевой Иліады— вдругъ на дворѣ снѣгъ завизжалъ какъ-то иначе нежели отъ городскихъ саней, подвязанный колокольчикъ позванивалъ остаткомъ голоса, говоръ на дворѣ . . . я вспыхнулъ въ лицѣ, мнѣ было не до рубленаго гнѣва "Ахиллеса Пелеева сына;" я бросился стремглавъ въ переднюю, а Тверская кузина, закутанная въ шубахъ, шаляхъ, шарфахъ, въ капорѣ и въ бѣлыхъ мохнатыхъ сапогахъ, красная отъ морозу, а можетъ и отъ радости, бросилась меня цаловать.

Люди обыкновенно вспоминаютъ о первой молодости, о тогдашнихъ печаляхъ и радостяхъ немного съ улыбкой снисхожденія, какъ будто они хотятъ жеманясь какъ Софья Павловна въ Горе отъ ума сказать "Ребячество!" Словно они стали лучше послѣ, сильнѣе чувствуютъ или больше. Дѣти года черезъ три стыдятся своихъ игрушекъ—пусть ихъ, имъ хочется быть большими, они такъ быстро ростутъ, мѣняются, они это видятъ по курточкѣ и по страницамъ учебныхъ книгъ; а кажется совершеннолѣтнимъ можно бы было понять, что "ребячество" съ двумя-тремя годами юности—самая полная, самая изящная, самая паша часть жизни, да и чуть-ли не самая важная, она незамѣтно опредѣляетъ все будущее.

Пока человѣкъ идетъ скорымъ шагомъ впередъ, не останавливаясь, не задумываясь, пока не пришелъ къ оврагу или не сломалъ себѣ шеи, онъ все полагаетъ, что его жизнь впереди, свысока смотритъ на прошедшее и не умѣетъ цѣнить настоя-

щаго. Но когда опытъ прибилъ весенніе цвѣты и остудилъ лѣтній румянецъ, когда онъ догадывается, что жизнь — собственно прошла, а осталось ея продолженіе, тогда онъ иначе возвращается къ свѣтлымъ, къ теплымъ, къ прекраснымъ воспоминаніямъ первой молодости.

Природа съ своими вѣчными уловками и экономическими хитростями даетъ юность человѣку, но человѣка сложившагося беретъ для себя, она его втягиваетъ, впутываетъ въ ткань общественныхъ и семейныхъ отношеній, въ три четверти не зависящихъ отъ него, онъ разумѣется даетъ своимъ дѣйствіямъ свой личный характеръ, но онъ гораздо меньше принадлежитъ себѣ, лирической элементъ личности ослабленъ, а потому и чувства и наслажденіе все слабѣе, кромѣ ума и воли.

— Жизнь кузины шла не по розамъ. Матери она лишилась ребенкомъ. Отецъ былъ отчаянный игрокъ и какъ всѣ игроки по крови—десять разъ былъ бѣденъ, десять разъ былъ богатъ и кончилъ все-таки тѣмъ, что окончательно разорился. Les beaux restes своего достоянія онъ посвятилъ конскому заводу, на который обратилъ всѣ свои помыслы и страсти. Сынъ его, уланскій юнкеръ, единственный братъ кузины, очень добрый юноша, шелъ прямымъ путемъ къ гибели, девятнадцати лѣтъ онъ уже былъ болѣе страстный игрокъ, нежели отецъ.

Лѣтъ пятидесяти, безъ всякой нужды, отецъ женился на застарѣлой въ дѣвствѣ воспитанницѣ Смольнаго монастыря. Такаго полнаго совершеннаго типа петербуржской институтки, мнѣ не случалось встрѣчать. Она была одна изъ отличнѣйшихъ ученицъ, и потомъ классной дамой въ монастырѣ; худая, бѣлокурая, подслѣпая, она въ самой наружности имѣла что-то дидактическое и назидательное. Вовсе не глупая, она была полна ледяной восторженности на словахъ, говорила готовыми фразами о добродѣтели и преданности, знала на память хронологію и географію, до противной степени правильно говорила по французски, и таила внутри самолюбіе доходившее до скромности, до застѣнчи-

вости. Сверхъ этихъ общихъ чертъ "семинаристовъ въ желтой шали", она имѣла чисто Невскія или Смольныя. Она поднимала глаза къ небу, полные слезъ, говоря о посѣщеніяхъ ихъ общей матери (императрицы Маріи Ѳеодоровны) въ монастырѣ, была влюблена въ императора Александра и помнится носила медальонъ или перстень съ отрывкомъ изъ письма императрицы Елизаветы—" Il a reprіs son sourire de bienveillance".

Можно себѣ представить стройное trio, составленное изъ отца-игрока и страстнаго охотника до лошадей, цыганъ, шума, пировъ, скачекъ и бѣговъ; дочери, воспитанной въ совершенной независимости, привыкшей дѣлать что хотѣлось въ домѣ, и ученой дѣвы, вдругъ сдѣлавшейся изъ пожилыхъ наставницъ молодой супругой. Разумѣется, она не любила падчерицу, разумѣется, что падчерица ее не любила. Вообще между женщинами тридцати пяти лѣтъ и дѣвушками семнадцати только тогда бываетъ большая дружба, когда первыя самоотверженно рѣшаются не имѣть пола.

Я нисколько не удивляюсь обыкновенной враждѣ между падчерицами и мачихами, она естественна, она нравственна. Новое лицо вводимое вмѣсто матери, вызываетъ со стороны дѣтей отвращеніе. Второй бракъ—вторые похороны для нихъ. Въ этомъ чувствѣ ярко выражается дѣтская любовь, она шепчетъ сиротамъ: "Жена твоего отца, вовсе не твоя мать". Христіанство сначала попимало, что съ тѣмъ понятіемъ о бракѣ, которое оно развивало, съ тѣмъ понятіемъ о безсмертіи души, которое оно проповѣдывало, второй бракъ вообще не лѣпость; но дѣлая постоянно уступки міру, церковь перехитрила и встрѣтилась съ неумолимой логикой жизни—съ простымъ дѣтскимъ сердцемъ, практически возставшимъ противъ благочестивой нелѣпости считать подругу отца — своей матерью.

Съ своей стороны и женщина встрѣчающая, выходя изъ подъ вѣнца, готовую семью, дѣтей, находится въ неловкомъ положеніи, ей нечего съ ними дѣлать, она должна натянуть чувства, которыхъ не можетъ имѣть, она должна увѣрить себя и другихъ, что чужія дѣти ей также милы какъ свои.

Я стало быть вовсе не обвиняю ни монастырку, ни кузину за ихъ взаимную нелюбовь, но понимаю, какъ молодая дѣвушка не привыкнувшая къ дисциплинѣ, рвалась куда бы то ни было на волю изъ родительскаго дома. Отецъ, начинавшій стариться, больше и больше покорялся ученой супругѣ своей; уланъ братъ ея шалилъ хуже и хуже, словомъ дома было тяжело и она наконецъ склонила мачиху отпустить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и на годъ, къ намъ.

На другой день послѣ пріѣзда, кузина низпровергла весь порядокъ моихъ занятій кромѣ уроковъ, самодержавно назначила часы для общаго чтенія, не совѣтывала читать романы, а рекомендовала Сегюрову всеобщую Исторію и Анахарсисово путешествіе. Съ стоической точки зрѣнія противудѣйствовала она сильнымъ наклонностямъ моимъ курить тайкомъ табакъ, завертывая его въ бумажку (тогда папиросы еще не существовали); вообще она любила мнѣ читать морали,— если я ихъ не исполнялъ, то мирно выслушивалъ. По счастію у нея не было выдержки, и забывая свои распоряженія, она читала со мной повѣсти Цшоке, вмѣсто археологическаго романа и посылала тайкомъ мальчика покупать зимой гречневики и гороховой кисель—съ постнымъ масломъ, а лѣтомъ крыжовникъ и смородину.

Я думаю что вліяніе кузины на меня было очень хорошо; теплый элементъ взошелъ съ нею въ мое келѣйное отрочество, отогрѣлъ, а можетъ и сохранилъ едва развертывавшіяся чувства, которыя очень могли быть совсѣмъ подавлены проніей моего отца. Я научился быть внимательнымъ, огорчаться отъ одного слова, заботиться о другомъ, любить; я научился говорить о чувствахъ. Она поддержала во мнѣ мои политическія стремленія, пророчила мнѣ необыкновенную будущность, славу,—и я съ ребячьимъ самолюбіемъ вѣрилъ ей, что я будущій "Брутъ или Фабриціи".

Мнѣ одному она довѣрила тайну любви къ одному офицеру Александрійскаго гусарскаго полка, въ черномъ ментикѣ и въ черномъ долманѣ; это была дѣйствительная тайна, потому что и самъ Гусаръ никогда не подозрѣвалъ, командуя своимъ

эскадропомъ, какой чистой огопекъ теплился для него въ груди осьмнадцатилѣтней дѣвушки. Не знаю завидовалъ-ли я его судьбѣ, вѣроятно немножко, но я былъ гордъ тѣмъ, что она избрала меня своимъ повѣреннымъ — и воображалъ (по Вертеру), что это одна изъ тѣхъ трагическихъ страстей, которая будетъ имѣть великую развязку, сопровождаемую самоубійствомъ, ядомъ и кинжаломъ; мнѣ даже приходило въ голову идти къ нему и все разсказать.

Кузина привезла изъ Корчевы воланы, въ одинъ изъ воланов была воткнута булавка и она никогда не играла другимъ и всякій разъ когда онъ попадался мнѣ или кому-нибудь, брала его, говоря, что она очень къ нему привыкла. Демонъ espiéglerie, который всегда былъ моимъ злымъ искусителемъ, наустилъ меня перемѣнить булавку, т. е. воткнуть ее въ другой волань. Шалость вполнѣ удалась, кузина постоянно брала ту, въ которой была булавка. Недѣли черезъ двѣ я ей сказалъ; она перемѣнилась въ лицѣ, залилась слезами и ушла къ себѣ въ комнату. Я былъ испуганъ, несчастенъ и подождавъ съ полчаса отправился къ ней; комната была заперта, я просилъ отпереть дверь, кузина не пускала, говорила что она больна; что я не другъ ей, а бездушный мальчикъ. Я написалъ ей записку, умолялъ простить меня; послѣ чая мы помирились, я у ней поцаловалъ руку, она обняла меня и тутъ объяснила всю важность дѣла. Годъ тому назадъ гусаръ обѣдалъ у нихъ и послѣ обѣда игралъ съ ней въ волань, его то волань и былъ отмѣченъ. Меня угрызала совѣсть, я думалъ что я сдѣлалъ истинное святотатство.

Кузина оставалась до Октября мѣсяца. Отецъ звалъ ее назадъ и обѣщалъ черезъ годъ отпустить ее къ намъ въ Васильевское. Мы съ ужасомъ ждали разлуки, и вотъ однимъ осеннимъ днемъ пріѣхала за ней бричка и горничная ея понесла класть кузовки и картоны, наши люди уложили всякихъ дорожныхъ припасовъ на цѣлую недѣлю, толпились у подъѣзда и прощались. Крѣпко обнялись мы — она плакала и я плакалъ, бричка выѣхала на улицу, повернула въ переулокъ возлѣ того самаго мѣста гдѣ продавали гречишники и гороховой кисель,

и изчезла; я походилъ по двору—такъ что-то холодно и дурно, взошелъ въ свою комнату — и тамъ будто пусто и холодно, принялся готовить урокъ Ивану Евдокимовичу, а самъ думалъ —гдѣ то теперь кибитка, проѣхала заставу или нѣтъ?

Одно меня утѣшало — въ будущемъ Іюнѣ вмѣстѣ въ Васильевскомъ!

Для меня деревня была временемъ воскресенія, я страстно любилъ деревенскую жизнь. Лѣса, поля и воля вольная — все это мнѣ было такъ ново, выросшему въ хлопкахъ, за каменными стѣнами, не смѣя выйти ни подъ какимъ предлогомъ за ворота безъ спроса и безъ сопровожденія лакея . . .

На умъ приходятъ часто мнѣ
Мои младенческіе годы,
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтящіяся воды,
И жизнь въ какомъ-то полуснѣ.

(ЮМОРЪ).

"Ѣдимъ мы нынѣшній годъ въ Васильевское или нѣтъ?" Вопросъ этотъ сильно занималъ меня съ весны. Отецъ мой всякій разъ говорилъ, что въ этомъ году онъ уѣдитъ рано, что ему хочется видѣть какъ распукается листъ и никогда не могъ собраться прежде Іюля. Иной годъ онъ такъ опаздывалъ, что мы совсѣмъ не ѣздили. Въ деревню писалъ онъ всякую зиму, чтобъ домъ былъ готовъ и протопленъ, но это дѣлалось больше по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, нежели серьезно, для того, чтобъ староста и земскій боясь близкаго пріѣзда внимательнѣе смотрѣли за хозяйствомъ.

Кажется что ѣдимъ. Отецъ мой говорилъ Сенатору, что очень хотѣлось бы ему отдохнуть въ деревнѣ и что хозяйство требуетъ его присмотра, но опять проходили недѣли. —

Мало по малу дѣло становилось вѣроятнѣе, запасы начинали отправляться, сахаръ, чай, разная крупа, вино — тутъ снова пауза и наконецъ приказъ старостѣ, чтобъ къ такому-то дню прислалъ столько-то крестьянскихъ лощадей — и такъ ѣдимъ, ѣдимъ!

Я не думалъ тогда какъ была тягостна для крестьянъ въ самую рабочую пору потеря четырехъ или пяти дней, радовался

отъ души и торопился укладывать тетради и книги. Лошадей приводили, я съ внутреннимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ жеванье и фырканье на дворѣ и принималъ больше участіе въ суетѣ кучеровъ, въ спорахъ людей о томъ гдѣ кто сядетъ, гдѣ кто положитъ свои пожитки; въ людской огонь горѣлъ до самаго утра и всѣ укладывались, таскали съ мѣста на мѣсто мѣшки и мѣшочки и одѣвались по дорожному, (ѣхать всего было около восьмидесяти верстъ!) Всего болѣе раздраженъ былъ камердинеръ моего отца, онъ чувствовалъ всю важность укладки, съ ожесточеніемъ выбрасывалъ все положенное другими, рвалъ себѣ волосы на головѣ отъ досады и былъ неприступенъ.

Отецъ мой вовсе не раньше вставалъ на другой день, казалось даже позже обыкновенно, также продолжительно пилъ кофе и наконецъ часовъ въ одиннадцать приказывалъ закладывать лошадей. За четверомѣстной каретой, заложенной шестью господскими лошадями, ѣхали три, иногда четыре повозки : коляска, бричка, фура или вмѣсто ея двѣ телѣги; все это было наполнено дворовыми и пожитками, не смотря на обозы прежде отправленные — все было биткомъ набито, такъ что никому нельзя было порядочно сидѣть.

На полдорогѣ мы останавливались обѣдать и кормить лошадей въ большомъ селѣ Перхушковѣ, имя котораго попалось въ наполеоновскіе бюльтени. Село это принадлежало сыну "старшаго брата" о которомъ мы говорили при раздѣлѣ. Запущенной барскій домъ стоялъ на большой дорогѣ, окруженной плоскими безотрадными полями ; но мнѣ и эта пыльная даль очень нравилась послѣ городской тѣсноты. Въ домѣ покоробленные полы и ступени лѣстницы качались, шаги и звуки раздавались рѣзко, стѣны вторили имъ будто съ удивленіемъ. Старинная мебель изъ кунст-камеры прежняго владѣльца, доживало свой вѣкъ въ этой ссылкѣ ; я съ любопытствомъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, ходилъ вверхъ, ходилъ внизъ, отправлялся въ кухню. Тамъ нашъ поваръ приготовлялъ наскоро дорожный обѣдъ съ недовольнымъ и ироническимъ видомъ. Въ кухнѣ сидѣлъ обыкновенно бур-

мистръ, сѣдой старикъ съ шишкой на головѣ; поваръ обращаясь къ нему критиковалъ плиту и очагъ, бурмистръ слушалъ его и по временамъ лаконически отвѣчалъ: "И то—пожалуй что и такъ," и невесело посматривалъ на всю эту тревогу, думая когда нелегкое ихъ пронесетъ.

Обѣдъ подавался на особенномъ англійскомъ сервизѣ изъ жести или изъ какой-то композиціи, купленномъ ad hoc. Между тѣмъ лошади были заложены; въ передней и въ сѣняхъ собирались охотники до придворныхъ встрѣчь и проводовъ: лакеи оканчивающіе жизнь на хлѣбѣ и чистомъ воздухѣ, старухи бывшія смазливыми горничными лѣтъ тридцать тому назадъ, вся эта саранча господскихъ домовъ, поѣдающая крестьянскій трудъ безъ собственной вины, какъ настоящая саранча. Съ ними приходили дѣти съ свѣтлопалевыми волосами, босые и запачканные, они все совались впередъ старухи все ихъ, дергали назадъ, дѣти кричали, старухи кричали на нихъ, ловили меня при всякомъ случаѣ и всякой годъ удивлялись, что я такъ выросъ. Отецъ мой говорилъ съ ними нѣсколько словъ; однѣ подходили "къ ручкѣ", которую онъ никогда не давалъ, другія кланялись и мы уѣзжали.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вяземы князя Галицына дожидался Васильевской староста, верхомъ на опушкѣ лѣса и провожалъ проселкомъ. Въ селѣ, у господскаго дома къ которому вела длинная липовая алея, встрѣчалъ священникъ, его жена, причетники, дворовые, нѣсколько крестьянъ и дуракъ Пронька, который одинъ чувствовалъ человѣческое достоинство, не снималъ засаленой шляпы, улыбался стоя нѣсколько поодаль и давалъ стрѣчка какъ только кто-нибудь изъ городскихъ хотѣлъ подойти къ нему.

Я мало видалъ изящнѣе мѣстъ какъ Васильевское. Кто знаетъ Кунцово или Архангельское Юсупова, или имѣнье Лопухина противъ Савина монастыря, — тому довольно сказать, что Васильевское лежитъ на продолженіи того-же берега, верстъ тридцать отъ Савина монастыря. На отлогой сторонѣ—село, церковь и старый господскій домъ. По другую сторону—гора и небольшая деревенька, тамъ

построилъ мой отецъ новый домъ. Видъ изъ него обнималъ верстъ пятнадцать кругомъ; озера нивъ, колеблясь, сталисъ безъ конца, разныя усадьбы и села съ бѣлѣющими церквами видны были тамъ самъ, лѣса разныхъ цвѣтовъ дѣлали полукруглую раму и черезо все голубая тесьма Москвы рѣки. Я открывалъ окно рано утромъ въ своей комнатѣ на верху и смотрѣлъ и слушалъ и дышалъ.

При всемъ томъ мнѣ бывало жаль старый каменный домъ, можетъ оттого, что я въ немъ встрѣтился въ первый разъ съ деревней; я такъ любилъ длинную, тѣнистую алею, которая вела къ нему и одичалый садъ возлѣ; домъ разваливался и изъ одной трещины въ сѣняхъ росла тоненькая, стройная береза, На лѣво по рѣкѣ шла ивовая алея, за нею тростникъ и бѣлый песокъ до самой рѣки; на этомъ пескѣ и въ этомъ тростникѣ игрывалъ я бывало цѣлое утро лѣтъ одинадцати, двѣнадцати. Передъ домомъ сиживалъ почти всегда сгорбленный старикъ садовникъ, троилъ мятную воду, отваривалъ ягоды и тайкомъ кормилъ меня всякой овощью. Въ саду было множество воронъ, гнѣзда ихъ покрывали макушки деревьевъ — онѣ кружились около нихъ и каркали; иногда, особенно къ вечеру, они вспархивали цѣлыми сотнями, шумя и поднимая другихъ; иногда, одна какая-нибудь перелетитъ на скоро съ дерева на дерево и все затихнетъ . . . а къ ночи издали гдѣ-то сова то плачетъ какъ ребенокъ, то заливается хохотомъ—я боялся этихъ дикихъ и плачевныхъ звуковъ, а все-таки ходилъ ихъ слушать.

Каждый годъ или по-крайнѣй мѣрѣ черезъ годъ ѣздили мы въ Васильевское. Я уѣзжая мѣтилъ на стѣнѣ возлѣ балкона мой ростъ и тотчасъ отправлялся свидѣтельствовать сколько меня прибыло. Но я могъ деревней мѣрить не одинъ физическій ростъ, періодическія возвращенія къ тѣмъ-же предметамъ наглядно показывали разницу внутренняго развитія. Другія книги привозились, другіе предметы занимали. Въ 1823 я еще совсѣмъ былъ ребенкомъ, со мной были дѣтскія книги, да и тѣхъ я не читалъ, а занимался всего больше зайцемъ и вѣкшей, которые жили въ чуланѣ возлѣ моей комнаты.

Одно изъ главныхъ наслажденій состояло въ разрѣшеніи моего отца, каждый вечеръ разъ выстрѣлить изъ фальконета, причемъ само собою разумѣется вся дворня была занята и пятидесятилѣтніе люди съ просѣдью такие тѣшились какъ я. Въ 1827 я привезъ съ собою Плутарха и Шиллера; рано утромъ уходилъ я въ лѣсъ, въ чащу, какъ можно дальше, тамъ ложился подъ дерево и воображая, что это Богемскіе лѣса, читалъ самъ о себѣ вслухъ; тѣмъ не меньше еще плотина, которую я дѣлалъ на небольшомъ ручьѣ съ помощью одного дворового мальчика, меня очень занимала и я въ день десять разъ бѣгалъ ее осматривать и поправлять. Въ 1829 и 30 годахъ я писалъ философскую статью о Шиллеровомъ Валленштейнѣ—и изъ прежнихъ игръ удержался въ силѣ одинъ фальконетъ.

Впрочемъ сверхъ пальбы еще другое наслажденіе осталось моей неизмѣнной страстью— сельскіе вечера; они и теперь, какъ тогда, остались для меня минутами благочестія, тишины и поэзіи. Одна изъ послѣднихъ кротко-свѣтлыхъ минутъ въ моей жизни тоже напоминаетъ мнѣ сельскій вечеръ. Солнце опускалось торжественно, ярко въ океанъ огня, распускалось въ немъ . . . . вдругъ густой пурпуръ смѣнился синей темнотой, все подернулось дымчатымъ испареніемъ, въ Италіи сумерки начинаются быстро. Мы сѣли на муловъ; по дорогѣ изъ Фраскати въ Римъ надобно было проѣзжать небольшою деревенькой; кой-гдѣ уже горѣли огоньки, все было тихо, копыта муловъ звонко постукивали по камню, свѣжій и нѣсколько сырой вѣтеръ подувалъ съ Апенинъ. При выѣздѣ изъ деревни въ нишѣ стояла небольшая мадона, передъ ней горѣлъ фонарь; крестьянскія дѣвушки шедшія съ работы, покрытыя своимъ бѣлымъ убрусомъ на головѣ, опустились на колѣна и запѣли молитву, къ нимъ присоединились шедшіе мимо нищіе пиферари; я былъ глубоко потрясенъ, глубоко тронутъ. Мы посмотрѣли другъ на друга . . . и тихимъ шагомъ поѣхали къ остеріи гдѣ насъ ждала коляска. Ѣхавши домой я разсказывалъ о вечерахъ въ Васильевскомъ. А что разсказывать?—

Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ

Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.

(ЮМОРЪ).

...Пастухъ хлопаетъ длиннымъ бичемъ, да играетъ на берестовой дудкѣ, мычанье, блѣянье, топаніе по мосту возвращающагося стада, собака подгоняетъ лаемъ разсѣянную овцу и та бѣжитъ какимъ-то деревяннымъ курцъ-галопомъ; а тутъ пѣсни крестьянокъ идущихъ съ поля, все ближе и ближе — но тропинка повернула на право и звуки снова удаляются. Изъ домовъ скрыпя воротами выходятъ дѣти, дѣвочки—встрѣчать своихъ коровъ, барановъ; работа кончилась. Дѣти играютъ на улицѣ, у берега и ихъ голоса раздаются пронзительно-чисто по рѣкѣ и по вечерней зарѣ; къ воздуху примѣшивается паленой запахъ овиновъ, роса начинаетъ исподволь слать дымомъ по полю, надъ лѣсомъ вѣтеръ какъ-то ходитъ вслухъ, словно листъ закипаетъ, а тутъ зарница дрожа освѣтитъ замирающей, трепетной лазурью окрестности и Вѣра Артамоновна больше ворча, нежели сердясь, говоритъ найдя меня подъ липой— "Что это васъ нигдѣ не сыщешь, и чай давно поданъ и всѣ въ сборѣ, я уже искала, искала васъ, ноги устали, не подъ лѣта мнѣ бѣгать, да и что это на сырой травѣ лежать, вотъ будетъ завтра насморкъ, непремѣнно будетъ."

— Ну полноте, полноте, говорилъ я смѣясь старушкѣ—и насморку не будетъ, и чаю я не хочу, а вы мнѣ украдьте сливокъ получше, съ самаго верху.

—Въ самомъ дѣлѣ ужъ какой вы, на васъ и сердиться нельзя и лакомство какое; сливки то, я уже и безъ вашего спроса приготовила.—А вотъ зарница хорошо, это къ хлѣбу заритъ.

И я подпрыгивая и посвистывая, отправлялся домой.

Послѣ 1832 года мы не ѣздили больше въ Васильевское. Въ продолженіи моей ссылки, мой отецъ продалъ его. Въ 1843 году мы жили въ другой подмосковной въ Звенигородскомъ уѣздѣ, верстъ двадцать отъ Васильевскаго. Какъ-же было не съѣздить на старое пепелище. И вотъ мы опять ѣдимъ тѣмъ-же проселкомъ, открывается знакомый боръ и гора покрытая орѣшникомъ, а тутъ и бродъ черезъ рѣку—этотъ бродъ приво-

дившій меня двадцать лѣтъ тому назадъ въ восторгъ — вода брызжетъ, мелкіе камни хрустятъ, кучера кричатъ, лошади упираются ... ну вотъ и село и домъ священника, гдѣ онъ снживалъ на лавочкѣ въ буромъ подрясникѣ, простодушный, добрый, рыжеватой, вѣчно въ поту, всегда что-нибудь прикусывавшій и постоянно одержимой икотой; вотъ и канцелярія гдѣ земскій Василій Епифановъ, никогда не бывавшій трезвымъ, писалъ свои отчеты, скорчившись надъ бумагой и держа перо у самаго конца, круто подогнувши третій палецъ подъ него. Священникъ умеръ, Василій Епифановъ пишетъ отчеты и напивается въ другой деревнѣ. Мы остановились у старостихи, мужъ ея былъ на полѣ.

Что то чужое прошло тутъ въ эти десять лѣтъ, вмѣсто нашего дома на горѣ стоялъ другой, около него былъ разбитъ новый садъ. Возвращаясь мимо церкви и кладбища, мы встрѣтили какое то уродливое существо, тащившееся почти на четвереньках; оно мнѣ показывало что-то, я подошелъ—это была горбатая и разбитая параличемъ, полуюродивая старуха, жившая подаяніемъ и работавшая въ огородѣ прежняго священника; ей было тогда уже лѣтъ около семидесяти и ее то именно смерть и обошла. Она узнала меня, плакала, качала головой и приговоривала "Охъ уже и ты-то какъ состарился, я по поступи тебя только узнала, а я—ужъ я то, о о охъ—и не говори!"

Когда мы ѣхали назадъ, я увидѣлъ издали на полѣ старосту того-же который былъ при насъ, онъ сначала не узналъ меня, но когда мы проѣхали, онъ какъ бы спохватившись снялъ шляпу и низко кланялся, Проѣхавъ еще нѣсколько, я обернулся, староста Григорій Горскій все еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ и смотрѣлъ намъ въ слѣдъ; его высокая, бородатая фигура кланяющаяся середь нивы, знакомо проводила насъ изъ отчуждившагося Васильевскаго.

— Года за три до того времени о которомъ идетъ рѣчь, мы гуляли по берегу Москвы рѣки въ Лужникахъ т. е, по другую сторону Воробьевыхъ горъ. У самой рѣки мы встрѣтили зна-

комаго намъ Француза въ одной рубашкѣ, онъ былъ перепуганъ и кричалъ "тонетъ! тонетъ!" Но прежде нежели нашъ пріятель успѣлъ снять рубашку или надѣть панталоны, уральскій казакъ сбѣжалъ съ Воробьевыхъ горъ, бросился въ воду, изчезъ и черезъ минуту явился съ щедушнымъ человѣкомъ у котораго голова и руки болтались какъ платье вывѣшенное на вѣтеръ; онъ положилъ его на берегъ говоря, "еще отходится, стоитъ покачать."

Люди бывшіе около собрали рублей пятьдесятъ и предложили казаку. Казакъ безъ ужимокъ очень простодушно сказалъ "грѣшно за эдакое дѣло деньги брать и труда почитай никакаго не было, ишъ какой словно кошка. А впрочемъ, прибавилъ онъ, мы люди бѣдные, просить не просимъ, ну а коли даютъ отчего не взять, покорнѣйше благодаримъ." Потомъ завязавши деньги въ платокъ, онъ пошелъ пасти лошадей на гору. Мой отецъ спросилъ его имя и написалъ на другой день о бывшемъ Эссену. Эссенъ произвелъ его въ урядники. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился къ намъ казакъ и съ нимъ надушеной, рябой, лысой, въ завитомъ бѣлокуромъ парикѣ Нѣмецъ; онъ пріѣхалъ благодарить за казака, это былъ утопленикъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ.

Карлъ Ивановичъ Зоненбергъ, о которомъ еще намъ придется говорить, окапчивалъ тогда нѣмецкую часть воспитанія какихъ-то двухъ повѣсъ, отъ нихъ онъ перешелъ къ одному симбирскому помѣщику, отъ него къ дальнему родственнику моего отца. Мальчикъ, котораго физическое здоровье и германское произношеніе было ему ввѣрено, мнѣ нравился, въ немъ было что-то доброе, кроткое и задумчивое; онъ вовсе не походилъ на другихъ мальчиковъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, тѣмъ не менѣе сближались мы туго. Онъ былъ молчаливъ, задумчивъ; я рѣзовъ, но боялся его тормошить.

Около того времени какъ тверская кузина уѣхала въ Корчеву, умерла бабушка Н., матери онъ лишился въ первомъ дѣтствѣ. Въ ихъ домѣ была суета и Зоненбергъ, которому нечего было дѣлать, тоже хлопоталъ и представлялъ что онъ сбитъ съ ногъ; онъ привелъ Н. съ утра къ намъ и просилъ

его на весь день оставить у насъ. Н. былъ грустенъ, испуганъ, вѣроятно онъ любилъ бабушку. Онъ такъ поэтически вспомнилъ ее въ своей чудесной поэмѣ. (*)

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блеститъ стезею длинной,
Я вспоминаю какъ у насъ
Давно обычай былъ старинной,
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходилъ къ намъ попъ сѣдой и чинной
И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя
На креслахъ опершись стояла,
Молитву шопотомъ творя,
И четки все перебирала;
Въ дверяхъ знакомая семья
Дворовыхъ лицъ мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ.....
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

И все такою тишиной
Кругомъ дышало, только чтенье
Дьячковъ звучало, и съ душой
Дружилось тайное стремленье,
И смутно съ дѣтскою мечтой
Ужъ грусти тихой ощущенье,
Я безсознательно сближалъ
И все чего-то такъ желалъ.

...Посидѣвши немного, я предложилъ читать Шиллера. Меня удивляло сходство нашихъ вкусовъ; онъ зналъ на память гораздо больше нежели я, и зналъ именно тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ нравились, мы сложили книгу и выпытывали такъ сказать другъ въ другѣ симпатію.

Прежде мы имѣли мало долгихъ бесѣдъ. Карлъ Ивановичъ мѣшалъ какъ осенняя муха и портилъ всякой разговоръ своимъ присутствіемъ, во все мѣшался, ничего не понимая дѣлалъ

(*) Юморъ.

замѣчанія, поправлялъ воротникъ рубашки у Н.,торопился домой, словомъ, былъ очень противенъ. Черезъ мѣсяцъ мы не могли провести двухъ дней, чтобъ не увидѣться или не написать письмо; я съ порывистостью моей натуры привязывался больше и больше къ Н., онъ тихо и глубоко любилъ меня.

Дружба наша съ самаго начала приняла характеръ серьезный. Я не помню чтобъ шалости занимали насъ на первомъ планѣ, особенно когда мы были одни. Мы разумѣется не сидѣли съ нимъ на одномъ мѣстѣ, лѣта брали свое, мы хохотали и дурачились, дразнили Зоненберга и стрѣляли на нашемъ дворѣ изъ лука ; но основа всего была очень далека отъ пустаго товарищества; насъ связывала сверхъ равенства лѣтъ, сверхъ нашего " химическаго " сродства такъ сказать, наша общая религія. Ничего въ свѣтѣ не очищаетъ, не облагораживаетъ такъ отроческій возрастъ, не хранитъ его, какъ сильно возбужденный общечеловѣческій интересъ. Мы уважали въ себѣ наше будущее, мы смотрѣли другъ на друга какъ на сосуды избранные, предназначенные.

Часто мы ходили съ Н. за городъ, у насъ были любимыя мѣста - Воробьевы горы, поля за Драгомиловской заставой. Онъ приходилъ за мной часовъ въ шесть утра и если я спалъ, бросалъ въ мое окно маленькіе камушки. Я просыпался улыбаясь и торопился выйти къ нему. Разъ вечеромъ стояли мы особенно хорошо настроенные на Воробьевыхъ горахъ, солнце садилось, купола блестѣли, городъ стлался на необозримое пространство подъ горою, мы были на самомъ мѣстѣ закладки храма, молча стояли мы долго и вдругъ взявши другъ друга за руку, мы тутъ въ виду всей Москвы обрѣкали себя на борьбу.

Сцена эта можетъ показаться очень натянутой, очень театральной, а между тѣмъ черезъ двадцать шесть лѣтъ я тронутъ до слезъ вспоминая ее, она была свято-искренна, это доказала вся жизнь наша. Но видно одинакая судьба поражаетъ всѣ обѣты данныя на этомъ мѣстѣ, Александръ былъ тоже искрененъ положивши первый камень храма, который, какъ Іосифъ II сказалъ и притомъ ошибочно при

закладкѣ какого-то города въ Новороссіи,—сдѣлался послѣднимъ.

Мы не знали всей силы того съ чѣмъ вступали въ бой, но бой приняли. Сила сломила въ насъ многое, но не она насъ сокрушила, и ей мы не сдались не смотря на всѣ ея удары. Рубцы полученные отъ нея почетны, свихнутая нога Іакова была знаменіемъ того, что онъ боролся ночью съ Богомъ.

Мы были неразлучны. Въ каждомъ воспоминаніи того времени, отдѣльномъ и общемъ, вездѣ на первомъ планѣ онъ съ своими отроческими чертами, съ своей любовью ко мнѣ. Рано виднѣлось въ немъ то помазаніе, которое достается не многимъ, на бѣду-ли, на счастіе-ли не знаю, но навѣрное на то чтобъ не быть въ толпѣ. Въ домѣ у его отца долго потомъ оставался большой писаной масляными красками портретъ Н. того времени (1827, 28 года). Въ послѣдствіи часто останавливался я передъ нимъ и долго смотрѣлъ на него. Онъ представленъ съ раскинутымъ воротникомъ рубашки; живописецъ чудно схватилъ богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту его неправильныхъ чертъ и нѣсколько смуглый колоритъ; на холстѣ виднѣлась задумчивость предваряющая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвѣчивали изъ сѣрыхъ большихъ глазъ, намѣкая на будущій ростъ великаго духа; такимъ онъ и выросъ.

Обыкновенно я не знаю почему даютъ какой-то монополь воспоминаніямъ первой любви надъ воспоминаніями молодой дружбы. Первая любовь потому такъ благоуханна, что она забываетъ различіе половъ, что она страстная дружба. Съ своей стороны дружба между юношами имѣетъ всю горячность любви и весь ея характеръ, таже застѣнчивая боязнь касаться словомъ своихъ чувствъ, то-же недовѣріе къ себѣ, безусловная преданность, таже мучительная тоска разлуки и тоже ревнивое желаніе исключительности.

Я давно любилъ и любилъ страстно Н., но не рѣшался назвать его "другомъ" и когда онъ жилъ лѣтомъ въ Кунцовѣ,

я писалъ ему въ концѣ письма "Другъ вашъ или нѣтъ, еще не знаю". Онъ первый сталъ мнѣ писать ты и называлъ меня своимъ Агатономъ по Карамзину, а я звалъ его моимъ Рафаиломъ по Шиллеру, (*)

Улыбнитесь пожалуй—да только кротко, добродушно, такъ какъ улыбаются думая о своемъ пятнадцатомъ годѣ. Или не лучше-ли призадуматься надъ своимъ, "Таковъ-ли былъ я разцвѣтая" и благословить судьбу если у васъ была юность (одной молодости недостаточно на это); благословить ее вдвое если у васъ былъ тогда другъ.

Языкъ того времени намъ сдается натянутымъ, книжнымъ, мы отучились отъ его неустоявшейся восторженности, нестройнаго одушевленія, смѣняющагося вдругъ то томной нѣжностью, то дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ былъ бы смѣшенъ въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ, какъ знаменитое Betina will schlafen, но въ свое время этотъ отроческій языкъ, этотъ jargon de la puberté, эта перемѣна психическаго голоса—очень откровенны, даже книжный оттѣнокъ естественъ возрасту теоретическаго знанія и практическаго невѣжества.

Шиллеръ остался нашимъ любимцемъ, (**) лица его драмъ были для насъ существующія личности, мы ихъ разбирали, любили и ненавидѣли не какъ поэтическія произведенія, а какъ живыхъ людей. Сверхъ того мы въ нихъ видѣли самихъ себя. Я писалъ къ Н. нѣсколько озабоченный тѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ Фіэско, что за "всякимъ" Фіэско стоитъ свой Верино. Мой идеалъ былъ Карлъ Моръ, но я вскорѣ измѣнилъ ему и перешелъ въ маркиза Позу. На сто ладовъ придумывалъ я какъ буду говорить съ Николаемъ, какъ онъ потомъ отправитъ меня въ рудники, казнитъ. Странная вещь, что почти всѣ наши грезы оканчивались Сибирью или казнью

(*) Philosophische Briefe.

(**) Поэзія Шиллера не утратила на меня своего вліянія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я читалъ моему сыну Валенштейна, это гигантское произведеніе! Тотъ кто теряетъ вкусъ къ Шиллеру, тотъ или старъ, или педантъ, очерствѣлъ или забылъ себя. Что-же сказать о тѣхъ скороспѣлыхъ altkluge Burschen, которые такъ хорошо знаютъ недостатки его — въ семнадцать лѣтъ?...

и почти никогда торжествомъ, неужели это русской складъ фантазіи или отраженіе Петербурга съ пятью висѣлицами и каторжной работой на юномъ поколѣніи?

— Такъ то рука въ руку входили мы съ Тобою въ жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь отвѣчали всякому призыву, искренно отдавались всякому увлеченію. Путь нами избранный былъ не легокъ, мы его не покидали ни разу, раненые, сломанные, мы шли и насъ никто не обгонялъ. Я дошелъ . . . не до цѣли, а до того мѣста, гдѣ дорога идетъ подъ гору и невольно ищу твоей руки, чтобъ вмѣстѣ выйти, чтобъ пожать ее и сказать грустно улыбаясь, "вотъ и все!"

А покамѣсть въ скучномъ досугѣ, на который меня осудили событія, не находя въ себѣ ни силъ, ни свѣжести на новый трудъ, записываю я наши воспоминанія. Много того что насъ такъ тѣсно соединяло, осѣло въ этихъ листахъ, я ихъ дарю тебѣ. Для тебя они имѣютъ двойной смыслъ, смыслъ надгробныхъ памятниковъ, на которыхъ мы встрѣчаемъ знакомыя имена.

. . . . . А не странно-ли подумать, что умѣй Зоненбергъ плавать или утони онъ тогда въ Москвѣ рѣкѣ, вытащи его не уральскій казакъ, а какой-нибудь апшаронской пѣхотинецъ, я бы и не встрѣтился съ Н. или позже, иначе, не въ той комнаткѣ нашего стараго дома, гдѣ мы тайкомъ куря сигарки, заступали такъ далеко другъ другу въ жизнь и черпали другъ въ другѣ силу.

Онъ не забылъ его — нашъ "старый домъ".

Старый домъ, старый другъ! посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣніи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной пеметеный,
Да колодезъ валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый,
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обвѣтшалый упыло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила,
И все плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣже комнаты были,
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ,
Мы бесѣды его не любили,
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ пее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ пей остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ;
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
На кладбищѣ — я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

ГЛАВА IV.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ГЛАВА V.

Подробности домашняго житья—Люди XVIII вѣка въ Россіи—
День у насъ въ домѣ—Зонненбергъ—Камердинеръ и пр.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ. Человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ, свѣтскій человѣкъ accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе ото всѣхъ.

Трудно сказать чго собственно внесло столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерь, вовсе не было въ его жизни. Я никогда не могъ вполнѣ понять откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собой въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, которое никому не довѣрилъ, или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей до того противуположныхъ какъ осьмнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей ужасно способствующей капризному развитію—праздности.

Прошлое столѣтіе произвело удивительный кряжъ людей на Западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регентства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ—отворили настежъ двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга и выходя въ "окно" гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ болѣе этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ; прошлое столѣтіе, напротивъ, вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли иначе развиться какъ въ уродство. Въ Россіи люди подвергнувшіеся вліянію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы въ чужихъ краяхъ; праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искуственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ на первомъ планѣ блестящій умомъ и богатствомъ русскій вельможа, европейскій grand seigneur и татарскій князь Н. Б. Юсуповъ. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ волокитъ и esprits forts, всѣхъ этихъ Масальскихъ, Санти и tutti quanti. Всѣ они были люди довольно развитые и образованные—оставленные безъ дѣла, они бросились на наслажденія, холили себя, любили себя, отпускали себѣ добродушно всѣ прегрѣшенія, возвышали до платонической страсти свою гастрономію и сводили любовь къ женщинамъ на какое-то обжорливое лакомство.

Старый скептикъ и эпикуреецъ Юсуповъ, пріятель Вольтера и Бомарше, Дидро и Касти, былъ одаренъ дѣйствительно артистическимъ вкусомъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, достаточно разъ побывать въ Архангельскомъ, поглядѣть на его галлереи, если ихъ еще не продалъ въ разбивку его наслѣдникъ. Онъ пышно потухалъ восмидесяти лѣтъ окруженный мраморной, рисованой и живой красотой. Въ его загородномъ домѣ бесѣдовалъ съ нимъ Пушкинъ, посвятившій ему чудное посланіе и рисовалъ Гонзага, которому Юсуповъ посвятилъ свой театръ.

Мой отецъ, по воспитанію, по гвардейской службѣ, по

жизни и связямъ принадлежалъ къ этому-же кругу; но ему ни его правъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтренную жизнь и онъ перешелъ въ противуположную крайность. Онъ хотѣлъ себѣ устроить жизнь одинокую, въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, что онъ только для себя хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, не занятыя силы портили нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

Когда онъ воспитывался, европейская цивилизація была еще такъ нова въ Россіи, что быть образованнымъ значило быть наименѣе Русскимъ. Онъ до конца жизни писалъ свободнѣе и правильнѣе по французски нежели по русски, онъ à la lettre не читалъ ни одной русской книги, ни даже библіи. Впрочемъ библіи онъ и на другихъ языкахъ не читалъ, онъ зналъ по наслышкѣ и по отрывкамъ о чемъ идетъ рѣчь вообще въ св. писаніи и дальше не полюбопытсвовалъ заглянуть. Онъ уважалъ правда Державина и Крылова : Державина за то что написалъ оду на смерть его дяди князя Мещерскаго, Крылова за то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ секундантомъ на дуэли Н. Н. Бахметева. Какъ-то мой отецъ принялся за Карамзина Исторію государства россійскаго, узнавши что имераторъ Александръ ее читалъ, но положилъ въ сторону съ пренебреженіемъ говоря "все Изяславичи, да Ольговичи, кому это можетъ быть интересно."

Людей онъ презиралъ откровенно, открыто—всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не считалъ ни на кого и я не помню чтобъ онъ къ кому-нибудь обращался съ значительной просьбой. Онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного—сохраненія приличій; les apparences, les convenences составляли его нравственную религію. Онъ многое прощалъ или лучше пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводили его изъ себя и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Я такъ долго возмущался противъ этой несправедливости, что наконецъ понялъ ее; онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякой

человѣкъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то, или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ; въ нарушеніи-же формъ, онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему или "мѣщанское воспитаніе", которое по его мнѣнію отлучало человѣка отъ всякаго людскаго общества.

"Душа человѣческая, говорилъ онъ, потемки и кто знаетъ что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много чтобъ заниматься другими, да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ дурно воспитаннымъ я въ одной комнатѣ не могу быть, онъ меня оскорбитъ, "фруасируетъ;" а тамъ онъ можетъ быть добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ мѣсто въ раю, но мнѣ его не надобно. Въ жизни всего важнѣе esprit de conduite, важнѣе превыспреннаго ума и всякаго ученія. Вездѣ умѣть найтиться нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ фамильярности"

Отецъ мой не любилъ никакого abandon, никакой откровенности, онъ все это называлъ фамильярностью, такъ какъ всякое чувство—сентиментальностью. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка стоящаго выше всѣхъ этихъ мелочей; для чего, съ какой цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалось сердце?—я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судіи?—для женщины, которой волю онъ сломилъ, не смотря на то что она иногда ему противурѣчила, для больнаго постоянно лежавшаго подъ ножемъ оператора, для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ непокорность, для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми!

И сколько силъ, терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, не смотря ни на лѣта, ни на болѣзни. Дѣйствительно, душа человѣческая потемки.

Въ послѣдствіи я видѣлъ, когда меня арестовали и потомъ когда отправляли въ ссылку, что сердце старика было больше открыто любви и даже нѣжности нежели я думалъ. Я никогда

не поблагодарилъ его за это, не зная какъ бы онъ принялъ мою благодарность.

Разумѣется онъ не былъ счастливъ, всегда на сторожи, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненныя чувства вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостью своей дорогой. Насмѣшка, ироніа холодная, язвительная и полная презрѣнія—было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически, онъ его равно употреблялъ противъ насъ и противъ слугъ. Въ первую юность многое можно скорѣе вынести нежели "шпыняньe" и я въ самомъ дѣлѣ, до тюрьмы удалялся отъ моего отца и велъ противъ него маленькую войну, соединяясь съ слугами и служанками.

Сверхъ всего остальнаго онъ увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ и беспрестанно лечился; сверхъ домоваго лекаря, къ нему ѣздили два или три доктора и онъ дѣлалъ по-крайней мѣрѣ три консиліума въ годъ. Гости видя постоянно непріязненный видъ его и слушая однѣ жалобы на здоровье, которое далеко не было такъ дурно, рѣдѣли. Онъ сердился за это, но ни одного человѣка не упрекнулъ, не пригласилъ. Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечные зимніе вечера двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ; сгорбившись и заложивъ руки на спину, въ суконныхъ или поярковыхъ сапогахъ (въ родѣ валенокъ), въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ мерлушекъ ходилъ старикъ взадъ и впередъ не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ коричневыхъ собакъ.

Вмѣстѣ съ меланхоліей росла у него бережливость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣньемъ онъ управлялъ дурно для себя и дурно для крестьянъ. Старосты и его missi dominici грабили барина и мужиковъ; за то все находившееся на глазахъ было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, и тощій vin de grave замѣнялся кислымъ крымскимъ виномъ, въ то самое время какъ въ одной

деревни сводили цѣлый лѣсъ, а въ другой ему-же продавали его собственный овесъ. У него были привилегированные воры; крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посылалъ всякое лѣто ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ лѣтъ черезъ десять въ Москвѣ домъ. Я съ дѣтства ненавидѣлъ этаго министра безъ портфеля, онъ при мнѣ разъ на дворѣ билъ какаго-то стараго крестьянина, и отъ бѣшенства вцѣпился ему въ бороду и чуть не упалъ въ обморокъ. Съ тѣхъ поръ я не могъ на него равнодушно смотрѣть до самой его смерти. Я нѣсколько разъ говорилъ моему отцу, откуда-же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома? — "Вотъ что значитъ трезвость, отвѣчалъ мнѣ старикъ, онъ капли вина въ ротъ не беретъ."

—Чтобъ дать полное понятіе о нашемъ житьи бытьи, опишу цѣлый день съ утра; однообразность была именно одна изъ самыхъ убійственныхъ вещей,—жизнь у насъ шла какъ англійскіе часы, у которыхъ убавленъ ходъ, тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду.

Въ десятомъ часу утра камердинеръ сидѣвшій въ комнатѣ возлѣ спальной, увѣдомлялъ Вѣру Артамоновну, мою ex-пяпюшку что баринъ встаетъ. Она отправлялась приготовлять кофей, который онъ пилъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Все въ домѣ принимало иной видъ, люди начинали чистить комнаты, по-крайней мѣрѣ показывали видъ, что дѣлаютъ что-нибудь. Передняя до тѣхъ поръ пустая, наполнялась, даже большая ньюфаундлендская собака Макбетъ садилась передъ печью и не мигая смотрѣла въ огонь.

За кофеемъ старикъ читалъ Московскія Вѣдомости и Journal de St.-Pétersbourg; не мѣшаетъ замѣтить, что Московскія вѣдомости было велѣно грѣть, чтобъ не простудить рукъ отъ сырости листовъ и что политическія новости мой отецъ читалъ во французскомъ текстѣ, находя русскій неяснымъ. Одно время онъ бралъ откуда-то Гамбургскую газету, но не могъ примириться, что Нѣмцы печатаютъ нѣмецкими буквами, всякой разъ показывалъ мнѣ разницу между французской печатью и нѣмецкой и говорилъ, что отъ этихъ вычурныхъ готическихъ

буквъ съ хвостиками слабѣетъ у него зрѣніе. Потомъ онъ выписывалъ Journal de Francfort, а впослѣдствіи ограничивался отечественными газетами.

Окончивъ чтеніе, онъ примѣчалъ, что въ его комнатѣ уже находится Карлъ Ивановичъ Зонепбергъ. Когда П. было лѣтъ пятнадцать, Карлъ Ивановичъ завелъ было лавку, но не имѣя ни товара, ни покупщиковъ и разтративъ кой-какъ сколоченныя деньги — на эту полезную торговлю, онъ ее оставилъ съ почетнымъ титуломъ "Ревельскаго негоціанта". Ему было тогда гораздо лѣтъ за сорокъ и онъ въ этотъ пріятный возрасть повелъ жизнь птички божіей или четырнадцатилѣтнято мальчика т. е. не зналъ гдѣ завтра будетъ спать и на что обѣдать. Онъ пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ моего отца; мы сейчасъ увидимъ что это значитъ.

Въ 1830 году отецъ мой купилъ возлѣ нашего дома другой, больше, лучше и съ садомъ; домъ этотъ принадлежалъ графинѣ Растопчиной, женѣ знаменитаго Ѳедора Васильевича. Мы перешли въ него. Вслѣдъ за тѣмъ онъ купилъ третій домъ, уже совершенно не нужный, но смѣжный. Оба эти дома стояли пустые, въ наймы они не отдавались, въ предупрежденіе пожара (домы были застрахованы) и безпокойства отъ наемщиковъ; они сверхъ того и не поправлялись, такъ что были на самой вѣрной дорогѣ къ разрушенію. Въ одномъ-то изъ нихъ дозволялось жить безпріютному Карлу Ивановичу съ условіемъ воротъ послѣ десяти часовъ вечера не отпирать, условіе легкое, потому что они никогда и не запирались; дрова покупать, а не брать изъ домашняго запаса (онъ ихъ дѣйствительно покупалъ у нашего кучера) и состоять при моемъ отцѣ въ должности чиновника особыхъ порученій т. е. приходить по утру съ вопросомъ нѣтъ-ли какихъ приказаній, являться къ обѣду и приходить вечеромъ когда никого не было, занимать повѣствованіями и новостями.

Какъ ни проста кажется была должность Карла Ивановича, но отецъ мой умѣлъ ей придать столько горечи, что мой бѣдный Ревелецъ, привыкнувшій ко всѣмъ бѣдствіямъ, которыя могутъ обрушиться на голову человѣка безъ денегъ, безъ ума,

маленькаго роста, рябаго и Нѣмца, не могъ постоянно выносить ее. Года въ два въ полтора глубоко оскорбленный Карлъ Ивановичъ объявлялъ что "это вовсе несносно" укладывался, покупалъ и мѣнялъ разныя вещички подозрительной цѣлости и сомнительнаго качества и отправлялся на Кавказъ. Неудачи его обыкновенно преслѣдовали съ ожесточеніемъ. То кляченка его — онъ ѣздилъ на своей лошади въ Тифлисъ и въ Редутъ-Кале — падала не подалеку Земли Донскихъ Казаковъ, то у него крали половину груза, то его двухъ-колесая таратайка падала, при чемъ французскіе духи лились никѣмъ не оцѣненные у подножія Эльборуса на сломанное колесо; то онъ терялъ что-нибудь, и когда нечего было терять, терялъ свой пассъ. Мѣсяцевъ черезъ десять обыкновенно Карлъ Ивановичъ постарше, поизмятѣе, побѣднѣе и еще съ меньшимъ числомъ зубовъ и волосъ, смиренно являлся къ моему отцу съ запасомъ персидскаго порошку отъ блохъ и клоповъ, линялой тармаламы, ржавыхъ черкескихъ кинжаловъ — и снова поселялся въ пустомъ домѣ на тѣхъ-же условіяхъ исполнять комиссіи и печь топить своими дровами.

Примѣтивъ Карла Ивановича, отецъ мой тотчасъ начиналъ небольшія военныя дѣйствія противъ него. Карлъ Ивановичъ освѣдомлялся о здоровьи, старикъ благодарилъ поклономъ и потомъ подумавши спрашивалъ на пр.

— Гдѣ вы покупаете помаду?

При этомъ необходимо сказать, что Карлъ Ивановичъ пребезобразнѣйшій изъ смертныхъ, былъ страшный волокита, считалъ себя Ловласомъ, одѣвался съ претензіей и носилъ завитую золотисто-бѣлокурую накладку. Все это разумѣется давно было взвѣшано и оцѣнено моимъ отцомъ.

— У Буйсъ, на Кузнецкой мостъ — отрывисто отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ нѣсколько пикированный и ставилъ одну ногу на другую, какъ человѣкъ готовый постоять за себя.

— Какъ называется этотъ запахъ?

— Пахтъ-Фіоленъ, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ.

— Онъ васъ обманываетъ, violet это запахъ нѣжный, c'est un parfum, а это какой-то крѣпкой, противный, тѣла баль-

замираютъ чѣм-то такимъ; куда первы стали у меня слабы, мнѣ даже тошно сдѣлалось, велите-ка мнѣ дать одеколонь.

Карлъ Иванавичъ самъ бросался за стклянкой.

— Да нѣтъ, вы уже позовите кого-нибудь, а то вы еще ближе подойдете, мнѣ сдѣлается дурно, я упаду. Карлъ Ивановичъ, расчитывавшій на дѣйствіе своей помады на дѣвичью, глубоко огорчался.

Опрыскавши комнату одеколонью, отецъ мой придумывалъ коммиссіи, купить французскаго табаку, англійской магнезіи, посмотрѣть продажную по газетамъ карету (онъ ничего не покупалъ). Карлъ Ивановичъ пріятно разкланявшись и душевно довольный что отдѣлался, уходилъ до обѣда.

Послѣ Карла Ивановича являлся поваръ; чтобъ онъ ни купилъ и чтобъ ни написалъ, отецъ мой находилъ чрезмѣрно дорогимъ.

— У-у-какая дороговизна, что это подвозовъ, что-ли нѣтъ?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ поваръ, дороги оченно дурны.

— Ну такъ знаешь пока ихъ починютъ, мы съ тобой будемъ поменьше покупать,

Послѣ этого онъ садился за свой письменный столъ, писалъ отписки и приказанія въ деревни, сводилъ счеты, между дѣломъ журилъ меня, принималъ доктора, а главное ссорился съ своимъ камердинеромъ. Это былъ первый паціентъ во всемъ домѣ. Небольшаго роста, сангвиникъ, вспыльчивый и сердитой, онъ какъ нарочно былъ созданъ для того чтобъ дразнить моего отца и вызывать его поученія. Сцены, повторявшіяся между ними всякой день, могли бы наполнить любую комедію, а все это было совершенно серьезно. Отецъ мой очень зналъ, что человѣкъ этотъ ему необходимъ и часто сносилъ крупные отвѣты его, но не переставалъ воспитывать его не смотря на безуспѣшныя усилія въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ. Камердинеръ, съ своей стороны не вынесъ бы такой жизни, еслибъ не имѣлъ своего развлеченія; онъ по большей части къ обѣду былъ нѣсколько навеселѣ. Отецъ мой замѣчалъ это и ограничивался легкими околичнословіями, на пр. совѣтомъ закусывать чернымъ хлѣбомъ съ солью, чтобъ не пахло водкой.

Камердинеръ обыкновенно что-нибудь отвѣчалъ, но когда не находилъ отвѣта въ глаза, то выходя бормоталъ что-нибудь сквозь зубы. Тогда баринъ, тѣмъ-же спокойнымъ голосомъ звалъ его и спрашивалъ что онъ ему сказалъ?

— Я не докладывалъ ни слова.

— Съ кѣмъ-же ты говоришь, кромѣ меня и тебя никого въ комнатѣ нѣтъ?

— Самъ съ собой.

— Это очень опасно, съ этого начинается сумашествіе.

Камердинеръ съ бѣшенствомъ уходилъ въ свою комнату возлѣ спальной, тамъ онъ читалъ московскія вѣдомости и трепировалъ волосы для продажныхъ париковъ. Вѣроятно, чтобъ отвести сердце, онъ свирѣпо нюхалъ табакъ, табакъ-ли былъ у него силенъ, нервы носа что-ли были слабы, но онъ въ слѣдствіе этого почти всегда раза шесть или семь чихалъ.

Баринъ звонилъ. Камердинеръ бросалъ свою пачку волосъ и входилъ.

—Это ты чихаешь?

—Я-съ.

—Желаю здравствовать. И онъ давалъ рукой знакъ чтобъ камердинеръ удалился.

Въ послѣдній день масляницы, всѣ люди, по старинному обычаю приходили вечеромъ просить прощенія къ барину, въ этихъ торжественныхъ случаяхъ мой отецъ выходилъ въ залу, сопровождаемый камердинеромъ. Тутъ онъ дѣлалъ видъ будто не всѣхъ узнаетъ. — Что это за почтенный старецъ стоитъ тамъ въ углу? — Спрашивалъ онъ камердинера.

—Кучеръ Данило, отвѣчалъ отрывисто камердинеръ, зная что все это одно драматическое представленіе. — Скажи пожалуста какъ онъ перемѣнился, я право думаю что это все отъ вина люди такъ старѣютъ; чѣмъ онъ занимается?

— Дрова таскаетъ въ печи.

Старикъ дѣлалъ видъ нестерпимой боли. — Какъ это ты въ тридцать лѣтъ не научился говорить ...таскаетъ — какъ это таскать дрова—дрова носятъ, а не таскаютъ. Ну Данила, слава Богу, господь сподобилъ меня еще разъ тебя видѣть. Прощаю

тебѣ всѣ грѣхи за сей годъ и овесъ, который ты тратишь безмѣрно и то что лошадей не чистишь, и ты меня прости. Потаскай еще дровецъ пока силенка есть, ну а теперь настаетъ постъ, такъ вина употребляй поменьше, въ наши лѣта вредно, да и грѣхъ. — Въ этомъ родѣ онъ дѣлалъ общій смотръ.

Обѣдали мы въ четвертомъ часу, послѣ обѣда мой отецъ ложился отдохнуть часа на полтора. Дворня тотчасъ разсыпалась по полпивнымъ и по трахтирамъ. Въ семь часовъ приготовляли чай, тутъ иногда кто-нибудь пріѣзжалъ, всего чаще Сенаторъ, это было время отдыха для насъ. Сенаторъ привозилъ обыкновенно разныя новости и разсказывалъ ихъ съ жаромъ. Отецъ мой показывалъ видъ совершеннаго невниманія слушая его; дѣлалъ серьезную мину, когда тотъ былъ увѣренъ что моритъ со смѣху и переспрашивалъ какъ будто не слыхалъ въ чемъ дѣло, если тотъ разсказывалъ что-нибудь поразительное.

Сенатору доставалось и не такъ, когда онъ противурѣчилъ или былъ не одного мнѣнія съ меньшимъ братомъ, что впрочемъ случалось очень рѣдко; а иногда безъ всякихъ противурѣчій когда мой отецъ былъ особенно не въ духѣ. При этихъ, комико-трагическихъ сценахъ что всего было смѣшнѣе, это естественная запальчивость Сенатора и натянутое искуственное хладнокровіе моего отца. "Ну ты сегодня боленъ и скученъ", говорилъ нетерпѣливо Сенаторъ, хваталъ шляпу и бросался вонъ. Разъ въ досадѣ онъ не могъ отворить дверь и толкнулъ ее что есть силъ ногой, говоря, "что за проклятыя двери!" Мой отецъ спокойно подошелъ, отворилъ дверь въ противуположную сторону и совершенно тихимъ голосомъ замѣтилъ. "Дверь эта дѣлаетъ свое дѣло, она отворяется туда, а вы хотите ее отворить сюда и сердитесь." При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Сенаторъ былъ двумя годами старше моего отца и говорилъ ему "ты", а тотъ въ качествѣ меньшаго брата "вы".

Послѣ Сенатора отецъ мой отправлялся въ свою спальную, всякой разъ освѣдомлялся о томъ заперты-ли вороты, получалъ утвердительный отвѣтъ, изъявлялъ нѣкоторое сомнѣніе и пи-

чего не дѣлалъ чтобъ удостовѣриться. Послѣ этого начиналась длинная исторія умываній, примочекъ, лекарствъ; камердинеръ приготовлялъ на столикѣ возлѣ постели цѣлый арсеналъ разныхъ вещей, стклянокъ, почниковъ, коробочекъ. Тутъ старикъ обыкновенно читалъ съ часъ времени Бурьена, Mémorial de Ste.-Hélène, и вообще разныя Записки, за симъ наступала ночь.

Такъ я оставилъ въ 1834 нашъ домъ, такъ засталъ его въ 1840 и такъ все продолжалось до его кончины въ 1846 году.

Лѣтъ тридцати, возвратившись изъ ссылки, я понялъ, что въ многомъ мой отецъ былъ правъ, что онъ по несчастію оскорбительно хорошо зналъ людей. Но моя-ли была вина, что онъ и самую истину проповѣдывалъ такимъ возмутительнымъ образомъ для юнаго сердца. Его умъ, охлажденный длинной жизнію въ кругѣ людей испорченныхъ, поставилъ его en garde противу всѣхъ, а равнодушное сердце не требовало примиренія, онъ такъ и остался въ враждебномъ отношеніи со всѣми на свѣтѣ.

Я его засталъ въ 1839, а еще больше въ 1842 слабымъ и уже дѣйствительно больнымъ, Сенаторъ умеръ, пустота около него была еще больше, даже и камердинеръ былъ другой, но онъ самъ былъ тотъ-же, однѣ физическія силы измѣнили, тотъ-же злой умъ, та-же память, онъ такъ-же всѣхъ тѣснилъ мелочами и непзмѣнный Зоненбергъ имѣлъ свое прежнее кочевье въ старомъ домѣ и дѣлалъ коммиссіи.

Тогда только оцѣнилъ я все печальное и безотрадное этой жизни; съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я на грустный смыслъ этого одинокаго, оставленнаго существованія потухавшаго на сухомъ, жесткомъ, каменистомъ пустырѣ, который онъ самъ создалъ возлѣ себя, но который измѣнить было не въ его волѣ; онъ зналъ это, видѣлъ приближающуюся смерть и переламывая слабость и дряхлость, ревниво и упорно выдерживалъ себя. Мнѣ бывало ужасно жаль старика, но дѣлать было нечего, онъ былъ неприступенъ.

...Тихо проходилъ я иногда мимо его кабинета, когда онъ сидя въ глубокихъ креслахъ жесткихъ и неловкихъ, окружен-

ный своими собаченками одинъ одинехонекъ игралъ съ моимъ трехлѣтнимъ сыномъ. Казалось сжавшіяся руки и окоченѣвшіе первы старика распускались при видѣ ребенка и онъ отдыхалъ отъ безпрерывной тревоги, борьбы и досады, въ которой поддерживалъ себя, дотрогиваясь умирающей рукой до колыбели.

ГЛАВА VI.

Кремлевская экспедиція — Комитетскіе экзамены—Московскій университетъ — Химикъ—Профессора изъ Нѣмцевъ и профессора изъ Не-Нѣмцевъ— Маловская исторія—Холера—Фларетъ—Сунгоровское дѣло.

О годы вольныхъ, свѣтлыхъ думъ
И безпредѣльныхъ упованій,
Гдѣ смѣхъ безъ желчи, пира шумъ?
Гдѣ трудъ столь полный ожиданій?

(ЮМОРЪ).

Не смотря на зловѣщія пророчества хромаго генерала, отецъ мой опредѣлилъ таки меня на службу къ князю Н. Б. Юсупову въ кремлевскую экспедицію. Я подписалъ бумагу, тѣмъ дѣло и кончилось; больше я о службѣ ничего не слыхалъ кромѣ того что года черезъ три Юсуповъ прислалъ дворцоваго архитектора, который всегда кричалъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ стоялъ на стропилахъ пятаго этажа и оттуда что-нибудь приказывалъ работникамъ въ подвалѣ, извѣстить что я получилъ первый офицерскій чинъ. Всѣ эти чудеса, замѣтимъ мимоходомъ, были непужны, чины полученные службой я разомъ наверсталъ выдержавши экзаменъ на кандидата — изъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ годовъ старшинства не стоило хлопотать. А между тѣмъ эта мнимая служба чуть не помѣшала мнѣ вступить въ Университетъ. Совѣтъ видя, что я числюсь въ канцеляріи кремлевской экспедиціи, отказалъ мнѣ въ правѣ держать экзаменъ.

Для служащихъ были особые курсы послѣ обѣда, чрезвычайно ограниченные и дававшіе право на такъ называемые "Комитетскіе экзамены". Всѣ лѣнтяи съ деньгами, барчи ничему неучившіеся, все что нехотѣло служить въ военной службѣ и торопилось получить чинъ ассесора, держало комитетскіе экзамены; это было нѣчто въ родѣ з о л о т ы х ъ пріисковъ уступленныхъ старымъ професорамъ дававшимъ privatissima по двадцати рублей за урокъ.

Начать мою жизнь этими каудинскими фуркулами науки, далеко несогласовалось съ моими мыслями. Я сказалъ рѣшительно моему отцу, что если онъ не найдетъ другаго средства, я подамъ въ оставку.

Отецъ мой сердился, говорилъ что я своими капризами мѣшаю ему устроить мою карьеру, бранилъ учителей, которые натолковали мнѣ этотъ вздоръ — но видя, что все это очень мало меня трогаетъ, рѣшился ѣхать къ Юсупову.

Юсуповъ разсудилъ дѣло въ мигъ, отчасти по барски и отчасти по татарски. Онъ позвалъ секретаря и велѣлъ ему написать отпускъ на три года. Секретарь помялся, помялся и доложилъ со страхомъ пополамъ, что отпускъ болѣе нежели на четыре мѣсяца, нельзя давать безъ высочайшаго разрѣшенія.

— Какой вздоръ, братецъ — сказалъ ему князь, что тутъ затрудняться; ну въ отпускъ нельзя, пиши что я командирую его для усовершенствованія въ наукахъ — слушать университетскій курсъ.

Секретарь написалъ и на другой день я уже сидѣлъ въ амфитеатрѣ физико-математической аудиторіи.

Въ исторіи русскаго образованія и въ жизни двухъ послѣднихъ поколѣній, Московскій Университетъ и Царкосельской Лицей играютъ значительную роль.

Московскій Университетъ выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ, (сколько волею, а вдвое того неволею) въ столицы народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о

своей кровной связи съ Москвой. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха. Въ ней Университетъ больше и больше становится средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены — историческое значеніе, географическое положеніе и отсутствіе царя.

Сильно возбужденная дѣятельность ума въ Петербургѣ послѣ Павла, мрачно замкнулась 14 Декабремъ. Явился Николай съ Карамзинскимъ манифестомъ, съ пятью висѣлицами, съ каторжной работой, бѣлымъ ремнемъ и голубымъ Бенкендорфомъ.

Все пошло назадъ, кровь бросилась къ сердцу, дѣятельность скрытая наружи, закипала таясь внутри. Московскій Университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана. Государь его возненавидѣлъ съ Полежаевской исторіи. Онъ прислалъ генералъ-маіора "Калужскихъ вечеровъ" попечителемъ, велѣлъ студентовъ одѣть въ мундирные сертуки, велѣлъ имъ носить шпагу, потомъ запретилъ носить шпагу; отдалъ Полежаева въ солдаты за стихи, Костенецкаго съ товарищами за прозу, уничтожилъ Критскихъ за бюстъ, отправилъ насъ въ ссылку за Сен-Симонизмъ, посадилъ князя Сергѣя Михайловича Голицына попечителемъ и не занимался больше "этимъ разсадникомъ разврата", благочестиво совѣтуя молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ Лицеи и въ Школѣ правовѣдія, не вступать въ него.

Голицынъ былъ удивительный человѣкъ, онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда професоръ боленъ, то и лекцій нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій поочереди долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, и т. п.

Но не смотря на это, опальный университетъ росъ вліяніемъ, въ него какъ въ общій резервуаръ вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ они очищались отъ предразсудковъ захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой, и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея.

До 1848 года устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ не уволеннымъ своей общиной. Николай все это исказилъ, онъ ограничилъ пріемъ студентовъ, увеличилъ плату своекоштныхъ и дозволилъ избавлять отъ нея только бѣдныхъ дворянъ. Все это принадлежитъ къ ряду безумныхъ мѣръ, которыя изчезнутъ съ послѣднимъ дыханіемъ этаго тормаза попавшагося на русское колесо—вмѣстѣ съ закономъ о пассахъ, о религіозной нетерпимости и пр. (*)

Пестрая молодежъ пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я и не говорю, они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который вздумалъ бы у насъ хвастаться

(*) Кстати вотъ еще одна изъ отеческихъ мѣръ "незабвеннаго" Николая. Воспитательные домы и приказы общественнаго призрѣнія, составляютъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ екатерининскаго времени. Самая мысль учрежденія больницъ, богадѣленъ и воспитательныхъ домовъ на процентахъ, которые ссудные банки получаютъ отъ оборотовъ капиталами, замѣчательно умна.

Учрежденія эти принялись, ломбарты и приказы богатѣли, воспитательные домы и богоугодныя заведѣнія цвѣли, на столько, на сколько допускало ихъ всеобщее воровство чиновниковъ. Дѣти, приносимыя въ воспитательный домъ, частію оставались тамъ, частію раздавались крестьянкамъ въ деревни; послѣдніе оставались крестьянами, первые воспитывались въ самомъ заведеніи. Изъ нихъ сортировали наиболѣе способныхъ для продолженія гимназическаго курса, отдавая менѣе способныхъ въ ученіе ремесламъ или въ технологической институтъ. Тоже съ дѣвочками; однѣ приготовлялись къ рукодѣльямъ, другія къ должности нянюшекъ и наконецъ способнѣйшія въ классныя дамы и въ гувернанты. Все шло какъ нельзя лучше. Но Николай и этому учрежденію панесъ страшный ударъ. Говорятъ, что императрица встрѣтивъ разъ въ домѣ у одного изъ своихъ приближенныхъ воспитательницу его дѣтей, вступила съ ней въ разговоръ, и будучи очень довольна ею, спросила гдѣ она воспитывалась; та сказала ей что она изъ "пансіонерокъ воспитательнаго дома". Всякой подумаетъ что императрица поблагодарила за это начальство. Нѣтъ; это ей подало поводъ подумать о неприличіи давать такое воспитаніе подкинутымъ дѣтямъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Николай произвелъ высшіе классы воспитательныхъ домовъ въ оберъ-офицерскій институтъ т. е. не велѣлъ болѣе помѣщать питомцевъ въ эти классы, а замѣнилъ ихъ оберъ-офицерскими дѣтьми. Онъ даже подумалъ о мѣрѣ болѣе радикальной, онъ не велѣлъ въ губернскихъ заведеніяхъ въ приказахъ принимать новорожденныхъ дѣтей. Лучшая комментарія на эту умную мѣру въ отчетѣ министра Юстиціи въ графѣ "Дѣтоубійство".

своею бѣлой костью или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ " воды и огня ", замученъ товарищами .

Внѣшнія различія и то не глубокія, дѣлившія студентовъ, шли изъ другихъ источниковъ. Такъ на пр. Медицинское отдѣленіе, находившееся по другую сторону сада, не было съ нами такъ близко, какъ прочіе факультеты; къ тому-же его большинство состояло изъ семинаристовъ и Нѣмцевъ. Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя нежели у насъ, мы говорили разными языками; они выросшіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей риторикой и теологіей, завидовали нашей развязности, мы досадовали на ихъ христіанское смиреніе.

Я вступилъ въ физико-математическое отдѣленіе, не смотря на то, что никогда не имѣлъ ни большой способности, ни большой любви къ математикѣ. Учились ей мы съ Н. у одного учителя, котораго мы любили за его анекдоты и разсказы; при всей своей занимательности, онъ врядъ могъ-ли развить особую страсть къ своей наукѣ. Онъ зналъ математику включительно до коническихъ сѣченій т. е. ровно столько, сколько было нужно для приготовленія гимназистовъ къ Университету; настоящій философъ, онъ никогда не полюбопытствовалъ заглянуть въ "университетскія части" математики. Особенно замѣчательно при этомъ что онъ только одну книгу и читалъ, и читалъ ее постоянно лѣтъ десять, это Франкеровъ курсъ; но воздержный по характеру и не любившій роскоши, онъ не переходилъ извѣстной страницы.

Я избралъ физико-математическій факультетъ потому, что въ немъ-же преподавались естественныя науки, а къ нимъ именно въ это время развивалась у меня сильная страсть.

Довольно странная встрѣча навела меня на эти занятія.

Послѣ знаменитаго раздѣла имѣнья въ 1822 году, о которомъ я разсказывалъ, "старшій братецъ" переѣхалъ на житье въ Петербургъ. Долго объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ разнесся слухъ, что онъ женился. Ему было за

шестьдесятъ лѣтъ тогда и всѣ знали что сверхъ совершеннолѣтняго сына, у него были другіе дѣти. Онъ именно женился на матери старшаго сына; "молодой" тоже было за пятьдесятъ. Этимъ бракомъ онъ "привѣнчалъ", какъ говорили встарь своего сына. Отчего-же не всѣхъ дѣтей? Мудрено было бы сказать отъ чего, еслибъ главная цѣль съ которой онъ все это дѣлалъ была неизвѣстна; онъ хотѣлъ одного—лишить своихъ братьевъ наслѣдства и этого достигалъ вполнѣ "привѣнчиваніемъ" сына. Въ извѣстное наводненіе 1824 года, старика залило водой въ каретѣ, онъ до того простудился, что слегъ и въ началѣ 1825 года умеръ.

О сынѣ носились странные слухи, говорили что онъ былъ нелюдимъ, ни съ кѣмъ не зналася, вѣчно сидѣлъ одинъ, занимаясь химіей, проводилъ жизнь за микроскопомъ, читалъ даже за обѣдомъ и ненавидѣлъ женское общество. Объ немъ сказалъ Грибоѣдовъ въ своей геніальной комедіи:

— Онъ химикъ, онъ ботаникъ
Князь Ѳедоръ, нашъ племянникъ,
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня.

Дяди перенесшіе на него зубъ, который имѣли противъ отца, не называли его иначе какъ "Химикъ" придавая этому слову порицательный смыслъ и подразумѣвая что химія вовсе не можетъ быть занятіемъ порядочнаго человѣка.

Отецъ его передъ смертію страшно тѣснилъ сына, онъ не только оскорблялъ его зрѣлищемъ сѣдаго отцовскаго разврата, разврата циническаго, но просто ревновалъ его къ своей серали. Химикъ послѣ смерти отца далъ отпускную несчастнымъ одалискамъ, уменьшилъ на половину тяжелый оброкъ положенный отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты.

Года черезъ полтора онъ пріѣхалъ въ Москву, мнѣ хотѣлось его видѣть, я его любилъ за крестьянъ и за несправедливое недоброжелательство къ нему его дядей.

Однимъ утромъ явился къ моему отцу небольшой человѣкъ,

въ золотыхъ очкахъ, съ большимъ носомъ, съ полупотерянными волосами, съ пальцами обожженными химическими реагенціями. Отецъ мой встрѣтилъ его холодно, колко; племянникъ отвѣчалъ той-же монетой и не хуже чеканеной; помѣрившись, они стали говорить о постороннихъ предметахъ съ наружнымъ равнодушіемъ и разстались учтиво, но съ затаенной злобой другъ противъ друга. Отецъ мой увидѣлъ что боецъ ему не уступитъ.

Они никогда не сближались потомъ. Химикъ ѣздилъ очень рѣдко къ дядямъ; въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ моимъ отцомъ послѣ смерти Сенатора, онъ пріѣзжалъ просить у него тысячъ тридцать рублей въ займы на покупку земли. Отецъ мой не далъ; Химикъ разсердился и потирая рукою носъ, съ улыбкой ему замѣтилъ: "Какой-же тутъ рискъ, у меня имѣнье родовое, я беру деньги для его усовершенствованія, дѣтей у меня нѣтъ и мы другъ послѣ друга наслѣдники". Старикъ 75 лѣтъ никогда не прощалъ племяннику эту выходку.

Я сталъ время отъ времени навѣщать его. Жилъ онъ чрезвычайно своеобычно; въ большомъ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ, занималъ онъ одну крошечную комнату для себя и одну для лабораторіи. Старуха мать его жила черезъ коридоръ въ другой комнаткѣ, остальное было запущено и оставалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при отъѣздѣ его отца въ Петербургъ. Почернѣвшіе канделабры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, стѣнные часы будто бы купленные Петромъ I въ Амстердамѣ, креслы будто бы изъ дома Станислава Лещинскаго, рамы безъ картинъ, картины оборочепныя къ стѣнѣ — все это поставленное кой-какъ, наполняло три большія залы нетопленныя и неосвѣщенныя. Въ передней люди играли обыкновенно на торбанѣ и курили (въ той самой въ которой прежде едва смѣли дышать и молиться). Человѣкъ зажигалъ свѣчку и провожалъ этой оружейной палатой, замѣчая всякой разъ, что плаща снимать не надобно, что въ залахъ очень холодно; густые слои пыли покрывали рогатыя и курьезныя вещи, отражавшіяся и двигавшіяся вмѣстѣ со свѣчей въ вычурныхъ зеркалахъ, солома

остававшаяся отъ укладки спокойно лежала тамъ-сямъ, вмѣстѣ съ стриженой бумагой и бичевками.

Рядомъ этихъ комнатъ достигалась наконецъ дверь завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Въ немъ "Химикъ" въ замараномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, сидѣлъ безвыходно обложенный книгами, обстановленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами. Въ этомъ кабинетѣ гдѣ теперь царилъ микроскопъ Шевалье, пахло хлоромъ и гдѣ совершались за нѣсколько лѣтъ страшные вопіющіе дѣла—въ этомъ кабинетѣ я родился. Отецъ мой возвратившись изъ чужихъ краевъ, до ссоры съ братомъ, останавливался на нѣсколько мѣсяцевъ въ его домѣ и въ этомъ-же домѣ родилась моя жена въ 1817 году. Химикъ года черезъ два продалъ свой домъ и мнѣ опять случалось бывать въ немъ на вечерахъ у С., спорить тамъ о панславизмѣ и сердиться на Х., который никогда, ни начто не сердился.—Комнаты были перестроены, но подъѣздъ, сѣни, лѣстница, передняя — все осталось такъ-же и маленкій кабинетъ остался.

Хозяйство Химика было еще менѣе сложно, особенно когда мать его уѣзжала на лѣто въ подмосковную, а съ нею и поваръ. Камердинеръ его являлся часа въ четыре съ кофейникомъ, распускалъ въ немъ немного крѣпкаго бульену и пользуясь химическимъ горномъ ставилъ его къ огню вмѣстѣ съ всякими ядами. Потомъ онъ приносилъ изъ трахтира полрябчика и хлѣбъ, въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. По окончаніи его камердинеръ мылъ кофейникъ и онъ входилъ въ свои естественныя права. Вечеромъ снова являлся камердинеръ, снималъ съ дивана тигровую шкуру, доставшуюся по наслѣдству отъ отца и груду книгъ, стлалъ простыню, приносилъ подушки и одѣяло, и кабинетъ такъ- же легко превращался въ спальню, какъ въ кухню и столовую.

Съ самаго начала нашего знакомства, Химикъ увидѣлъ, что я серьезно занимаюсь и сталъ уговаривать чтобъ я бросилъ "пустыя" занятія литературой и "опасныя безъ всякой пользы" политикой—а принялся бы за естественныя науки. Онъ далъ мнѣ рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и Декан-

долеву растительную органографію. Видя что чтеніе идетъ на пользу, онъ предложилъ свои превосходныя собранія, снаряды, гербаріи и даже свое руководство. Онъ на своей почвѣ былъ очень занимателенъ, чрезвычайно ученъ, остеръ и даже любезенъ; но для этаго не надобно было ходить дальше обезьянъ, отъ камней до орангъ-утанга, его все интересовало, далѣе онъ не охотно пускался, особенно въ философію, которую считалъ болтовней. Онъ не былъ ни консерваторъ, ни отсталой человѣкъ, онъ просто не вѣрилъ въ людей, т. е. вѣрилъ, что эгоизмъ исключительное начало всѣхъ дѣйствій и находилъ, что его сдерживаетъ только безуміе однихъ и невѣжество другихъ.

Меня возмущалъ его матеріализмъ. Поверхностный и со страхомъ по поламъ Вольтеріанизмъ нашихъ отцовъ, нисколько не былъ похожъ на матеріализмъ Химика. Его взглядъ былъ спокойный, послѣдовательный, окончанный; онъ напоминалъ извѣстный отвѣтъ Лаланда Наполеону; "Кантъ принимаетъ гипотезу Бога," сказалъ ему Бонапартъ. — "Sire, возразилъ астрономъ, мнѣ въ моихъ занятіяхъ никогда не случалось нуждаться въ этой гипотезѣ."

Атеизмъ Химика шелъ далѣе теологическихъ сферъ. Онъ считалъ Жофруа Сент-Илера мистикомъ, а Окена просто поврежденнымъ. Онъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ мой отецъ сложилъ исторію Карамзина, закрылъ сочиненія патуръ-философовъ. "Сами выдумали первыя причины, духовныя силы, да и удивляются потомъ что ихъ ни найти, ни понять нельзя." Это былъ мой отецъ въ другомъ изданіи, въ иномъ вѣкѣ и иначе воспитанный.

Взглядъ его становился еще безотраднѣе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ. Онъ находилъ, что на человѣкѣ также мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой больше ждутъ, нежели она въ состояніи дать. Семейную жизнь онъ не любилъ, говорилъ съ ужасомъ о бракѣ и наивно признавался, что онъ пережилъ тридцать лѣтъ, не любя ни одной женщины. Впрочемъ одна

теплая струйка въ этомъ охлажденномъ человѣкѣ еще оставалась, она была видна въ его отношеніяхъ къ старушкѣ матери, они много страдали вмѣстѣ отъ отца, бѣдствія сильно сплавили ихъ; онъ трогательно окружалъ одинокую и болѣзненную старость ея насколько умѣлъ покоемъ и вниманіемъ.

Теорій своихъ, кромѣ химическихъ, онъ никогда не проповѣдывалъ, онѣ высказывались случайно, вызывались мною. Онъ даже не хотя отвѣчалъ на мои романтическія и философскія возраженія; его отвѣты были коротки, онъ ихъ дѣлалъ улыбаясь и съ той деликатностью, съ которой большой, старый мастифъ играетъ съ шпицомъ, позволяя ему себя теребить, и только легко отгоняя лапой. Но это-то меня и дразнило всего больше и я неутомимо возвращался à la charge, не выигрывая впрочемъ ни одного пальца почвы. Въ послѣдствіи т. е. лѣтъ черезъ двѣнадцать, я много разъ поминалъ Химика, такъ какъ поминалъ замѣчанія моего отца; разумѣется онъ былъ правъ въ трехъ-четвертяхъ всего на что я возражалъ. Но вѣдь и я былъ правъ. Есть истины, мы уже говорили объ этомъ, которыя какъ политическія права, не передаются раньше извѣстнаго возраста.

Вліяніе Химика заставило меня избрать физико-математическое отдѣленіе, можетъ еще лучше было бы вступить въ медицинское, но бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сперва посредственно выучилъ, потомъ основательно забылъ дифференціальныя и интегральныя исчисленія.

Безъ естественныхъ наукъ нѣтъ спасенія современному человѣку, безъ этой здоровой пищи, безъ этаго строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью — гдѣ нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнью.

Передъ окончаніемъ моего курса, Химикъ уѣхалъ въ Петербургъ и я не видался съ нимъ до возвращенія изъ Вятки. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моей женитьбы, я ѣздилъ полутайкомъ на нѣсколько дней въ подмосковную гдѣ тогда

жилъ мой отецъ. Цѣль этой поѣздки состояла въ окончательномъ примиреніи съ нимъ, онъ все еще сердился на меня за мой бракъ.

По дорогѣ я остановился въ Перхушковѣ, тамъ гдѣ мы столько разъ останавливались; Химикъ меня ожидалъ и даже приготовилъ обѣдъ и двѣ бутылки шампанскаго. Онъ черезъ четыре или пять лѣтъ былъ неизмѣнно тотъ-же только немного постарѣлъ. Передъ обѣдомъ онъ спросилъ меня совершенно серьезно. — "Скажите пожалуста, откровенно, ну какъ вы находите семейную жизнь, бракъ? Что хорошо что-ли или не очень?—Я смѣялся. — Какая смѣлость съ вашей стороны, продолжалъ онъ, я удивляюсь вамъ; въ нормальномъ состояніи никогда человѣкъ не можетъ рѣшиться на такой страшный шагъ. Мнѣ предлагали двѣ, три партіи очень хорошія, но какъ я вздумаю, что у меня въ комнатѣ будетъ распоряжаться женщина, будетъ все приводить по своему въ порядокъ, пожалуй будетъ мнѣ запрещать курить мой табакъ (онъ курилъ пѣжинскіе корешки); поднимитъ шумъ, сумбуръ, тогда на меня находитъ такой страхъ, что я предпочитаю умереть въ одиночествѣ."

— Остаться мнѣ у васъ ночевать или ѣхать въ Покровское, спросилъ я его послѣ обѣда.

— Недостатка въ мѣстѣ у меня нѣтъ, отвѣтилъ онъ, но для васъ я думаю лучше ѣхать, вы пріѣдите часовъ въ десять къ вашему батюшкѣ. Вы вѣдь знаете, что онъ еще сердитъ на васъ; ну вечеромъ, передъ сномъ у старыхъ людей обыкновенно нервы ослаблены и вялы, онъ васъ приметъ вѣроятно гораздо лучше нынѣче, нежели завтра; утромъ вы его найдете совсѣмъ готовымъ для сраженія.

— Ха, ха, ха — какъ я узнаю моего учителя физіологіи и матеріализма, сказалъ я ему смѣясь отъ души, ваше замѣчаніе такъ и напомнило мнѣ тѣ блаженныя времена, когда я приходилъ къ вамъ въ родѣ Гетевскаго Вагнера надоѣдать моимъ идеализмомъ и выслушивать не безъ негодованія ваши сентенціи въ этомъ родѣ.

— Вы съ тѣхъ поръ довольно жили, отвѣтилъ онъ то-же

смѣясь, чтобъ знать, что всѣ дѣла человѣческія зависятъ просто на просто отъ нервовъ и отъ химическаго состава.

Послѣ мы какъ-то разошлись съ нимъ; вѣроятно мы оба были неправы . . . тѣмъ неменѣе въ 1846, онъ написалъ мнѣ письмо. Я начиналъ тогда входить въ моду послѣ первой части "Кто виноватъ?" Химикъ писалъ мнѣ, что онъ съ грустью видитъ что я употребляю на пустыя занятія мой талантъ. "Я съ вами примирился за ваши письма объ изученіи природы, въ нихъ я понялъ (на сколько человѣческому уму можно понимать) нѣмецкую философію, зачѣмъ-же вмѣсто продолженія серьезнаго труда, вы пишете сказки?" Я отвѣчалъ ему нѣсколькими дружескими строками, тѣмъ наши сношенія и окончились.

Если эти строки попадутся на глаза самому Химику, я попрошу его—ихъ прочесть ложась въ постель, когда нервы ослаблены, и я увѣренъ, что онъ проститъ мнѣ тогда дружескую болтовню, тѣмъ болѣе, что я храню серьезную и добрую память о немъ.

— Подробностей курса я не стану разсказывать, мы не Нѣмцы,

Мы всѣ учились по немногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Мнѣ университетское время принесло величайшую пользу и каѳедрой и аудиторіей. Кряжъ молодежи бывшей съ нами, былъ необыкновенно благороденъ, строгое общественное мнѣніе держало самыхъ слабыхъ въ уздѣ, я не помню ни въ какомъ случаѣ ни доноса, ни предательства; мало-ли что случалось при спорахъ юношей, вовсе не пріученыхъ еще къ осторожности—ничего не переходило стѣнъ аудиторіи. Одинъ пустой мальчишка, допрашиваемый своей матерью о Маловскомъ дѣлѣ подъ аристократической угрозой прута, разсказалъ ей всѣ подробности ... нѣжная мать бросилась къ ректору и привезла доносъ сына какъ доказательство его раскаянія. Мы какъ-то узнали это, и домучили его до того, что онъ не кончивши курса вышелъ изъ Университета.

Маловская исторія, за которую и я посидѣлъ въ карцерѣ, стоитъ того чтобъ объ ней сказать нѣсколько словъ.

Маловъ былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. "Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?" спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политическомъ аудиторіи. "Безъ Малого девять" отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надобно было вычесть для того чтобъ осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ, студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая меня придти съ вспомагателнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ кличь идти войной на Малаго, нѣсколько человѣкъ пошли со мной; когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на лице и видѣлъ насъ.

У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ, ну какъ онъ въ этотъ денъ не сдѣлаетъ никакаго грубаго замѣчанія. Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. "Вы выражаете ваши мысли какъ лошади ногами", замѣтилъ Маловъ, воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась—свистъ, шиканье, крикъ "вонъ его, вонъ его, pereat!" Маловъ блѣдный какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ, и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и съежившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши. Послѣднее обстоятельство было важно, на улицѣ дѣло получило совсѣмъ иной характеръ; но будто есть на свѣтѣ молодые люди 17,18 лѣтъ, которые думаютъ объ этомъ.

Университетскій совѣтъ перепугался и убѣдилъ попечителя представить дѣло окончаннымъ и для того виновныхъ или такъ кого-нибудь посадить въ карцеръ. Это было не глупо. Легко можетъ быть что въ противномъ случаѣ государь прислалъ бы

флигель-адъютанта, который для полученія креста, сдѣлалъ бы изъ этаго дѣла заговоръ, возстаніе, бунтъ и предложилъ бы всѣхъ отправить на каторжную работу, а государь помиловалъ бы въ солдаты. Видя что порокъ наказанъ и нравственность торжествуетъ, государь ограничился тѣмъ, что высочайше соизволилъ утвердить волю студентовъ и отставилъ профессора. Мы Малова прогнали до университетскихъ воротъ, а онъ его выгналъ за ворота. Væ victis съ Николаемъ ; но на этотъ разъ не намъ пѣнять на него !

И такъ дѣло закипѣло; на другой день послѣ обѣда приплелся ко мнѣ сторожъ изъ правленія, сѣдой старикъ, который добросовѣстно принималъ à la lettre, что студенты ему давали деньги на водку и потому постоянно поддерживалъ себя въ состояніи болѣе близкомъ къ пьяному, нежели къ трезвому. Онъ въ обшлагѣ шинели принесъ отъ "Лехтора" записочку, мнѣ было велѣно явиться къ нему въ семъ часовъ вечера. Вслѣдъ за нимъ явился блѣдный и испуганный студентъ изъ остзейскихъ бароновъ, получившій такое-же приглашеніе и принадлежавшій къ несчастнымъ жертвамъ приведеннымъ мною. Онъ началъ съ того, что осыпалъ меня упреками, потомъ спрашивалъ совѣта что ему говорить. "Лгать отчаянно, запираться во всемъ, кромѣ того что шумъ былъ и что вы были въ аудиторіи," отвѣчалъ я ему.

— А ректоръ спроситъ, зачѣмъ я былъ въ политической аудиторіи, а не въ нашей?

— Какъ зачѣмъ? Да развѣ вы не знаете что Родіонъ Гейманъ не приходилъ на лекцію, вы не желая потерять времени по пустому, пошли слушать другую.

— Онъ ни повѣритъ.

— Это ужъ его дѣло.

Когда мы входили на университетскій дворъ, я посмотрѣлъ на моего барона, пухленькія щечки его были очень блѣдны и вообще ему было плохо. "Слушайте, сказалъ я, вы можете быть увѣрены, что ректоръ начнетъ не съ васъ, а съ меня, говорите тоже самое съ варіаціями, вы-же и въ самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не сдѣлали. Не забудьте одно, за то что

вы шумѣли и за то что лжете, — много, много васъ посадятъ въ карцеръ; а если вы проболтаетесь, да кого-нибудь при мнѣ запутаете, я разскажу въ аудиторіи и мы отравимъ вамъ ваше существованіе." Баронъ обѣщалъ и честно сдержалъ слово.

Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ или лучше сказать до пожарныхъ, т. е. до 1812 г. Они вывелись теперь; съ попечительствомъ князя Оболенскаго вообще оканчивается патріархальный періодъ Московскаго Университета. Въ тѣ времена начальство Университетомъ не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сертукахъ ad instar конногвардейскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга, одинъ состоялъ исключительно изъ Нѣмцевъ, другой изъ Не-Нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильдебрантъ и самъ Геймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго кліентизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-Нѣмцы съ своей стороны, не знали ни одного (живаго) языка кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Гетингена, Не-Нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей.

Двигубскій былъ изъ Не-Нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его "Отецъ-Ректоръ." Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда онъ бывало приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ

Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью Materia Medica, неизвѣстно зачѣмъ проживавшемъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо зналъ химію, съ Рейсомъ, который читая по французски называлъ свѣтильню — baton de coton, ядъ — рыбой (poisson), а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что многіе думали что онъ бранится,—мы смотрѣли на нихъ большими глазами какъ на собраніе ископаемыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсераговъ, представителей инаго времени не столько близкаго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову, времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго профессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно лаявшая, другая никогда нелаявшая, за что онъ очень справедливо прозвалъ одну Баваркой, а другую Пруденкой.

Но Двигубскій былъ вовсе не добрый профессоръ, онъ принялъ насъ чрезвычайно круто и былъ грубъ; я поролъ страшную дичь и былъ неучтивъ, баронъ разогрѣвалъ тоже самое. Раздраженный Двигубскій, велѣлъ явиться на другое утро въ совѣтъ, тамъ въ полчаса времени насъ допросили, осудили, приговорили и послали сентенцію на утвержденіе князя Голицына.

Едва я успѣлъ, въ аудиторіи, пять или шесть разъ въ лицахъ представить студентамъ судъ и разправу университетскаго сената, какъ вдругъ въ началѣ лекціи явился инспекторъ, русской службы маіоръ и французской танцмейстеръ, съ унтеръ-офицеромъ и съ приказомъ въ рукѣ—меня взять и свести въ карцеръ. Часть студентовъ пошла провожать, на дворѣ тоже толпилась молодежь; видно меня не перваго вели, когда мы проходили всѣ махали фуражками, руками; университетскіе солдаты двигали ихъ назадъ, студенты не шли.

Въ грязномъ подвалѣ служившемъ карцеромъ, я уже нашелъ двухъ арестантовъ, трехъ посадили въ другую комнату, всего было шесть человѣкъ наказанныхъ по Маловскому дѣлу. Насъ было велѣно содержать на хлѣбѣ и водѣ, ректоръ прислалъ какой-то супъ, мы отказались и хорошо слѣдали; какъ только

смерклось и Университетъ опустѣлъ, товарищи принесли намъ сыру, дичи, сигаръ, вина и ликеру. Солдатъ сердился, ворчалъ, бралъ двугривенные и послѣ припасы. Послѣ полуночи, онъ пошелъ далѣе и пустилъ къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей. Такъ проводили мы время пируя ночью и ложась спать днемъ.

Разъ какъ-то товарищъ попечителя Панинъ, вѣрный своимъ конногвардейскимъ привычкамъ, вздумалъ обойти ночью рундомъ государственную тюрьму въ подвалѣ. Только что мы зажгли свѣчу подъ стуломъ, чтобъ снаружи не было видно и принялись за нашъ ночной завтракъ, раздался стукъ въ наружную дверь; не тотъ стукъ, который своей слабостью проситъ солдата отпереть, который больше боится что его услышатъ, нежели то что неуслышатъ; нѣтъ, это былъ стукъ съ авторитетомъ, приказывающій. Солдатъ обмеръ, мы спрятали бутылки и студентовъ въ небольшой чуланъ, задули свѣчу и бросились на наши койки. Взошелъ Панинъ. "Вы кажется курите," сказалъ онъ едва вырѣзываясь съ инспекторомъ, который несъ фонарь, изъ-за густыхъ облаковъ дыма. "Откуда это они берутъ огонь, ты даешь?" Солдатъ клялся что не даетъ. Мы отвѣчали что у насъ былъ съ собою трутъ. Инспекторъ обѣщалъ его отнять и обобрать сигары, и Панинъ удалился, не замѣтивъ что количество фуражекъ было вдвое больше количества головъ.

Въ субботу вечеромъ явился инспекторъ и объявилъ, что я и еще одинъ изъ насъ можетъ идти домой, но что остальные посидятъ до понедѣльника. Это предложеніе показалось мнѣ обиднымъ и я спросилъ инспектора могу-ли остаться; онъ отступилъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ грозно-граціознымъ видомъ, съ которымъ въ балетахъ цари и герои пляшутъ гнѣвъ и сказавши "сидите пожалуй" вышелъ вонъ. За послѣднюю выходку досталось мнѣ дома больше, нежели за всю исторію.

И такъ первыя ночи, которыя я не спалъ въ родительскомъ домѣ, были проведены въ карцерѣ. Вскорѣ мнѣ приходилось испытать другую тюрьму и тамъ я просидѣлъ не восемь дней, а девять мѣсяцевъ, послѣ которыхъ поѣхалъ не домой, а въ ссылку. Но до этаго далеко.

Къ чрезвычайнымъ происшествіямъ нашего курса, длившагося четыре года, потому что во время холеры Университетъ былъ съ полгода закрытъ, сверхъ самой холеры, принадлежитъ пріѣздъ Гумбольта и посѣщеніе Уварова.

Мы вообще смотримъ на Европейцовъ и Европу въ томъ родѣ какъ провинціалы смотрятъ на столичныхъ жителей, съ подобострастіемъ и чувствомъ собственной вины—принимая каждую разницу за недостатокъ, краснѣя своихъ особенностей, скрывая ихъ, подчиняясь и подражая. Дѣло въ томъ, что мы были застращены и не оправились отъ насмѣшекъ Петра I, отъ оскорбленій Бирона, отъ высокомѣрія служебныхъ Нѣмцевъ и воспитателей Французовъ. Западные люди толкуютъ о нашемъ двоедушіи и лукавомъ коварствѣ, они принимаютъ за желаніе обмануть—желаніе выказатся и похвастатся. У насъ тотъ-же человѣкъ готовъ наивно либеральничать съ либераломъ, прикинутся легитимистомъ, и это безъ всякихъ заднихъ мыслей, просто изъ учтивости и изъ кокетства; бугоръ de l'approbativité сильно развитъ въ нашемъ черепѣ.

"Князь Дмитрій Голицынъ, сказалъ какъ-то лордъ Дюргамъ, настоящій вигъ, вигъ въ душѣ."

Князь Д. В. Голицынъ былъ почтенный русскій баринъ, но почему онъ былъ "вигъ", съ чего онъ былъ "вигъ", не понимаю. Будьте увѣрены, князь на старости лѣтъ хотѣлъ понравится Дюргаму и прикинулся вигомъ.

Пріемъ Гумбольдта въ Москвѣ и въ Университетѣ, было дѣло не шуточное. Генералъ-губернаторъ, разные вое-и градоначальники, сенатъ—все явилось лента черезъ плечо, въ полномъ мундирѣ, профессора вопиственно при шпагахъ и съ трехугольными шляпами подъ рукой. Гумбольдтъ, ничего не подозрѣвая, пріѣхалъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и разумѣется былъ сконфуженъ. Отъ сѣней до залы общества естествоиспытателей, вездѣ были приготовлены засады; тутъ ректоръ, тамъ деканъ, тутъ начинающій профессоръ, тамъ ветеранъ оканчивающій свое поприще и именно потому говорящій очень медленно, каждый привѣтствовалъ

его по латынѣ, по нѣмецки, по французски, и все это въ этихъ страшныхъ каменныхъ трубахъ называемыхъ корридорами, въ которыхъ нельзя остановиться на минуту, чтобъ не простудиться на мѣсяцъ. Гумбольдтъ все слушалъ безъ шляпы и на все отвѣчалъ . . . я увѣренъ, что всѣ дикіе, у которыхъ онъ былъ, краснокожіе и мѣднаго цвѣта, сдѣлали ему меньше непріятностей, нежели московскій пріемъ.

Когда онъ дошелъ наконецъ до залы и усѣлся, тогда надобно было встать. Попечитель Писаревъ счелъ нужнымъ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ отдать приказъ по русски о заслугахъ Его Превосходительства и знаменитаго путешественника, послѣ чего, Сергѣй Глинка "офицеръ", голосомъ тысяча восьмисотъ двѣнадцатаго года, густо сиплымъ, прочелъ свое стихотвореніе, начинавшееся:

Humboldt—Prométhée de nos jours!

А Гумбольдту хотѣлось потолковать о наблюденіяхъ надъ магнитной стрѣлкой, сличить свои метеорологическія замѣтки на Уралѣ съ московскими; вмѣсто этого, ректоръ пошелъ ему показывать что-то сплетенное изъ высочайшихъ волосъ Петра I . . . насилу Эренбергъ и Роза нашли случай кой-что разсказать о своихъ открытіяхъ. (*)

У насъ и въ неоффиціальномъ мірѣ дѣла идутъ не много лучше; десять лѣтъ спустя точно такъ-же принимали Листа въ московскомъ обществѣ. Глупостей довольно дѣлали для него и въ Германіи, но тутъ совсѣмъ не тотъ характеръ; въ Германіи это все стародѣвическая экзальтація, сентиментальность, все Blumenstreuen; у насъ подчиненіе, признаніе власти, вытяжка, у насъ все "честь имѣю явиться къ вашему превосхо-

(*) Какъ розно было понято въ Россіи путешествіе Гумбольдта, можно судить изъ повѣствованія уральскаго казака, служившаго при канцеляріи пермскаго губернатора; онъ любилъ разсказывать какъ онъ провожалъ "Сумашедшаго прусскаго принца Гумплота."—Что-же онъ дѣлалъ?—"Такъ самое т. е. пустое, травы наберетъ, песокъ смотритъ; какъ-то въ Солончакахъ говоритъ мнѣ черезъ толмача,—полезай въ воду, достань что на днѣ,—ну я досталъ, обыкновенно что на днѣ бываетъ, а онъ спрашиваетъ, что внизу очень холодна вода? Думаю, нѣтъ братъ, меня не проведешь, сдѣлалъ фрунтъ и отвѣтилъ: "Того молъ, ваша свѣтлость служба требуетъ—все равно, мы ради стараться."

дительству". Тутъ-же по несчастію прибавилась слава Листа какъ извѣстнаго Ловласа, дамы толпились около него, такъ какъ крестьянскіе мальчики на проселочныхъ дорогахъ толпятся около проѣзжаго, пока закладываютъ лошадей, любознательно разсматривая его самаго, его колязку, шапку . . . все слушало одинаго Листа, все говорило только съ нимъ однимъ, отвѣчало только ему. Я помню что на одномъ вечерѣ Хомяковъ краснѣя за почтенную публику, сказалъ мнѣ: "Поспоримте пожалуста о чемъ-нибудь, чтобъ Листъ видѣлъ, что есть здѣсь въ комнатѣ люди не исключительно занятые имъ." Въ утѣшеніе нашимъ дамамъ, я могу только одно сказать, что Англичанки точно такъ-же мѣтались, толпились, тормошились, не давали проходу другимъ знаменитостямъ Кошуту, потомъ Гарибальди и пр., но горе тѣмъ, кто хочетъ учиться хорошимъ манерамъ у Англичанокъ и ихъ мужей!

Второй "знаменитый" путешественникъ былъ тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ "Промиѳей нашихъ дней" только что онъ свѣтъ кралъ не у Юпитера, а у людей. Этотъ Промиѳей воспѣтый не Глинкой, а самимъ Пушкинымъ въ посланіи къ Лукуллу, былъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. (еще не графъ) Уваровъ. Онъ удивлялъ насъ своимъ многоязычіемъ и разнообразіемъ всякой всячины которую зналъ; настоящій сидѣлецъ за прилавкомъ просвѣщенія, онъ берегъ въ памяти обращики всѣхъ наукъ, ихъ казовые концы или лучше начала. При Александрѣ онъ писалъ либеральныя брошюрки по французски, потомъ переписывался съ Гёте по нѣмецки о греческихъ предметахъ. Сдѣлавшись министромъ онъ толковалъ о славянской поэзіи IV столѣтія, на что Качеповскій ему замѣтилъ, что тогда впору было съ медвѣдями сражаться нашимъ праотцамъ, а не то что пѣснопѣть о самоѳракійскихъ богахъ и самодержавномъ милосердіи. Въ родѣ патента онъ носилъ въ карманѣ письмо отъ Гёте, въ которомъ Гёте ему сдѣлалъ прекурьезный комплиментъ, говоря: "Напрасно извиняетесь вы въ вашемъ слогѣ; вы достигли до того, до чего я не могъ достигнуть, вы забыли нѣмецкую грамматику."

Вотъ этотъ-то дѣйствительный тайный Пикъ де ла Миран-

доль завелъ новаго рода испытанія. Онъ велѣлъ отобрать лучшихъ студентовъ для того, чтобъ каждый изъ нихъ прочелъ по лекціи изъ своихъ предметовъ вмѣсто профессора. Деканы разумѣется выбрали самыхъ бойкихъ.

Лекціи эти продолжались цѣлую недѣлю. Студенты должны были приготовляться на всѣ темы своего курса, деканъ вынималъ билетъ и имя. Уваровъ созвалъ всю московскую знать. Архимандриты и сенаторы, генералъ-губернаторъ и Ив. Ив. Дмитріевъ всѣ были на лицо.

Мнѣ пришлось читать у Ловецкаго изъ Минералогіи—и онъ уже умеръ!

Гдѣ нашъ старецъ Лапжеронъ?
Гдѣ нашъ старецъ Бенингсонъ?
И тебя уже не стало,
И тебя какъ не бывало!

Алексѣй Левонтьевичъ Ловецкій былъ высокій, тяжело двигавшійся, топорной работы мущина съ большимъ ртомъ и большимъ лицемъ совершенно ничего невыражавшимъ. Снимая въ корридорѣ свою гороховую шинель, украшенную воротниками разнаго роста, какъ носили во время перваго консулата; онъ еще не входя въ аудиторію, начиналъ ровнымъ и безстрастнымъ (что очень хорошо шло къ каменному предмету его) голосомъ: "Мы заключили прошедшую лекцію, сказавъ все что слѣдуетъ о кремнеземи", потомъ онъ садился и продолжалъ "о глиноземи . . ." У него были созданы неизмѣнныя рубрики для формулярныхъ списковъ каждаго минерала, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ; случалось что характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно "кристализація—не кристализуется, употребленіе—никуда не употребляется, польза—вредъ приносимый организму . . . . ."

Впрочемъ онъ не бѣжалъ ни поэзіи, ни нравственныхъ отмѣтокъ и всякій разъ когда показывалъ поддѣльные камни и разсказывалъ какъ ихъ дѣлаютъ, онъ прибавлялъ "Господа, это обманъ." Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ находилъ моральными качествами хорошаго пѣтуха, если онъ "охотникъ пѣть

и до куръ" и отличительнымъ свойствомъ аристократическаго барана Алексѣй Левонтьевичъ находилъ "плѣшивыя колѣнки". Онъ умѣлъ тоже трогательно повѣствовать, какъ мушки разсказывали какъ онѣ въ прекрасный лѣтній день гуляли по дереву и были залиты смолой, сдѣлавшейся янтаремъ, и всякій разъ добавлялъ "Господа, это прозопопея."

Когда деканъ вызвалъ меня, публика была нѣсколько утомлена, двѣ математическія лекціи распространили уныніе и грусть на людей не понявшихъ ни одного слова. Уваровъ требовалъ что-нибудь поживѣе и студента съ "хорошо повѣшаннымъ языкомъ", Щепкинъ указалъ на меня.

Я взошелъ на каѳедру. Ловецкій сидѣлъ возлѣ неподвижно, положа руки на ноги какъ Мемнонъ или Озирисъ и боялся... Я шепнулъ ему, "экое счастье, что мнѣ пришлось у васъ читать, я васъ не выдамъ."—"Не хвались идучи на рать..." отпечаталъ едва шевеля губами и не смотря на меня почтенный профессоръ. Я чуть не захохоталъ, но когда я взглянулъ передъ собой, у меня заряблю въ глазахъ, я чувствовалъ что я поблѣднѣлъ и какая-то сухость покрыла языкъ. Я никогда прежде не говорилъ публично, аудиторія была полна студентами—они надѣялись на меня; подъ каѳедрой за столомъ "сильные міра сего" и всѣ профессора нашего отдѣленія. Я взялъ вопросъ и прочелъ не своимъ голосомъ "о кристализаціи, ея условіяхъ, законахъ, формахъ".

Пока я придумывалъ съ чего начать, мнѣ пришла счастливая мысль въ голову, если я и ошибусь, замѣтятъ можетъ профессора, но ни слова не скажутъ, другіе-же сами ничего не смыслятъ, а студенты—лишь бы я не срѣзался на полдорогѣ, будутъ довольны, потому что я у нихъ въ фаворѣ. И такъ во имя Гайю, Вернера и Мичерлиха, я прочелъ свою лекцію—заключилъ ее философскими разсужденіями и все время относился и обращался къ студентамъ, а не къ министру. Студенты и профессора жали мнѣ руки и благодарили, Уваровъ водилъ представлять князю Голицыну — онъ сказалъ что-то одними гласными, такъ что я не понялъ. Уваровъ обѣщалъ мнѣ книгу въ знакъ памяти и никогда не прислалъ.

Второй разъ и третій я совсѣмъ иначе выходилъ на сцену. Въ 1836 году я представлялъ "Угара", а жена жандармскаго полковника "Марѳу", при всемъ вятскомъ бо-мондѣ и при Тюфяевѣ. Съ мѣсяцъ времени мы дѣлали репетицію, а все таки сердце сильно билось и руки дрожали, когда мертвая тишина вдругъ замѣнила увертюру и занавѣсь стала какъ-то страшно пошевеливаясь подниматься, мы съ Марѳой ожидали за кулисами начала. Ей было меня до того жаль, или до того она боялась что я испорчу дѣло, что она мнѣ подала огромный стаканъ шампанскаго, но и съ нимъ я былъ едва живъ.

Съ легкой руки министра народнаго просвѣщенія и жандармскаго полковника, я уже безъ нервныхъ явленій и самолюбивой застѣнчивости явился на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ, это былъ мой третій публичный дебютъ. Отставной министръ Уваровъ, былъ замѣненъ отставнымъ министромъ Ледрю-Ролленемъ.

Но не довольно-ли студентскихъ воспоминаній? я боюсь не старчество-ли это останавливатся на нихъ такъ долго; прибавлю только нѣсколько подробностей о холерѣ 1831 года.

Холера, это слово такъ знакомое теперь въ Европѣ, домашнее въ Россіи до того, что какой-то патріотическій поэтъ называетъ холеру, единственной вѣрной союзницей Николая, раздалось тогда въ первой разъ на Сѣверѣ. Все трепетало страшной заразы, подвигавшейся по Волгѣ къ Москвѣ. Преувеличенные слухи наполняли ужасомъ воображеніе. Болѣзнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось обошла Москву и вдругъ грозная вѣсть "Холера въ Москвѣ!"— разнеслась по городу.

Утромъ одинъ студентъ политическаго отдѣленія, почувствовалъ дурноту, на другой день онъ умеръ въ университетской больницѣ. Мы бросились смотрѣть его тѣло. Онъ исхудалъ какъ въ длинную болѣзнь, глаза ввалились, черты были искажены, возлѣ него лежалъ сторожъ занемогшій въ ночь.

Намъ объявили что Университетъ велѣно закрыть. Въ нашемъ отдѣленіи этотъ приказъ былъ прочтенъ профессоромъ

технологіи Денисовымъ; онъ былъ грустенъ, можетъ быть испуганъ. На другой день къ вечеру умеръ и онъ.

Мы собрались изъ всѣхъ отдѣленій на большой университетскій дворъ; что-то трогательное было въ этой толпящейся молодежи, которой велѣно было разстаться передъ заразой. Лица были блѣдны, особенно одушевлены, многіе думали о родныхъ, друзьяхъ, мы простились съ казеннокоштными, которыхъ отъ насъ отдѣляли карантинными мѣрами и разбрелись небольшими кучками по домамъ. А дома всѣхъ встрѣтили вонючей хлористовой известью, уксусомъ четырехъ разбойниковъ, и такой діэтой, которая одна безъ хлору и холеры могла свести человѣка въ постель.

Странное дѣло, это печальное время осталось какимъ-то торжественнымъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Москва приняла совсѣмъ иной видъ. Публичность, непзвѣстная въ обыкновенное время, давала новую жизнь. Экипажей было меньше, мрачныя толпы народа стояли на перекресткахъ и толковали объ отравителяхъ; кареты, возившія больныхъ, шагомъ двигались сопровождаемыя полицейскими; люди сторонились отъ черныхъ фуръ съ трупами. Бюльтени о болѣзни печатались два раза въ день. Городъ былъ оцѣпленъ какъ въ военное время и солдаты пристрѣлили какаго-то бѣднаго дьячка, пробиравшагося черезъ рѣку. Все это сильно занимало умы, страхъ передъ болѣзнію отнялъ страхъ передъ властями, жители роптали, а тутъ вѣсть за вѣстью—что тотъ-то занемогъ, что такой-то умеръ . . .

Митрополитъ устроилъ общее молебствіе. Въ одинъ день и въ одно время священники съ хоругвями обходили свои приходы. Испуганные жители выходили изъ домовъ и бросались на колѣни во время шествія, прося со слезами отпущенія грѣховъ; самые священники, привыкшіе обращаться съ Богомъ за панибрата, были серьезны и тропуты. Доля ихъ шла въ Кремль; тамъ на чистомъ воздухѣ, окруженный высшимъ духовенствомъ, стоялъ колѣно-преклоненный митрополитъ и молился—да мимо идетъ чаша сія. На томъ-же мѣстѣ онъ молился объ убіеніи Декабристовъ шесть лѣтъ тому назадъ.

Филаретъ представлялъ какаго-то опозиціоннаго Іерарха, во имя чего онъ дѣлалъ опозицію, я никогда не могъ понять. Развѣ во имя своей личности. Онъ былъ человѣкъ умный и ученый, владѣлъ мастерски русскимъ языкомъ, удачно вводя въ него церковно-славянскій, все это вмѣстѣ не давало ему никакихъ правъ на опозицію. Народъ его не любилъ и называлъ масономъ, потому что онъ былъ въ близости съ княземъ А. Н. Голицынымъ и проповѣдывалъ въ Петербургѣ въ самой разгаръ библейскаго общества. Синодъ запретилъ учить по его катихизису. Подчиненное ему духовенство трепетало его деспотизма; можетъ именно по соперничеству они ненавидѣли другъ друга съ Николаемъ.

Филаретъ умѣлъ хитро и ловко унижать временную власть, въ его проповѣдяхъ просвѣчивалъ тотъ христіянскій, неопредѣленный соціализмъ, которымъ блистали Лакордеръ и другіе дальновидные католики. Филаретъ съ высоты своего первосвятительнаго амвона говорилъ о томъ, что человѣкъ никогда не можетъ быть законно орудіемъ другаго, что между людьми можетъ только быть обмѣна услугъ, и это говорилъ онъ въ государствѣ гдѣ полнаселенія рабы.

Онъ говорилъ колодникамъ въ пересыльномъ острогѣ на Воробьевыхъ горахъ: "Гражданскій законъ васъ осудилъ и гонитъ, а церковь гонится за вами, хочетъ сказать еще слово еще помолиться объ васъ и благословить на путь. Потомъ утѣшая ихъ онъ прибавлялъ, что они, наказанные, покончили съ своимъ прошедшимъ, что имъ предстоитъ новая жизнь, въ то время какъ между другими (вѣроятно другихъ кромѣ чиновниковъ не было на лицѣ) есть еще большіе преступники", и онъ ставилъ въ примѣръ разбойника распятаго вмѣстѣ съ Христомъ.

Проповѣдь Филарета на молебствіи по случаю холеры превзошла всѣ остальныя; онъ взялъ текстомъ, какъ ангелъ предложилъ въ наказаніе Давиду избрать войну, голодъ или чуму; давидъ избралъ чуму. Государь пріѣхалъ въ Москву взбѣшенный, послалъ министра двора князя Волхонскаго намылить Филарету голову и грозился его отправить митропо-

лтомъ въ Грузію. Митрополитъ смиренно покорился и разослалъ новое слово по всѣмъ церквамъ, въ которомъ пояснялъ, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложеніе въ текстѣ первой проповѣди къ благочестивѣйшему императору, что Давидъ это мы сами, погрязнувшіе въ грѣхахъ. Разумѣется тогда и тѣ поняли первую проповѣдь, которые не добрались до ея смысла сразу.

Такъ игралъ въ опозицію московскій митрополитъ.

Молебствіе такъ-же мало помогло отъ заразы, какъ хлористая известь; болѣзнь увеличивалась.

Я былъ все время жесточайшей холеры въ 1849 въ Парижѣ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно. Іюньскіе жары ей помогали, бѣдные люди мерли какъ мухи; мѣщане бѣжали изъ Парижа, другіе сидѣли на запертн. Правительство, исключительно занятое своей борьбой противъ революціонеровъ, не думало брать дѣятельныхъ мѣръ. Тщедушныя колекты были несоразмѣрны требованіямъ. Бѣдные работники оставались покинутыми на произволъ судьбы, въ больницахъ не было довольно кроватей, у полиціи не было достаточно гробовъ, и въ домахъ, биткомъ набитыхъ разными семьями, тѣла оставались дни по два во внутреннихъ комнатахъ.

Въ Москвѣ было не такъ.

Князь Д. В. Голицынъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, человѣкъ слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлекъ московское общество и какъ-то все уладилось по домашнему, т. е. безъ особеннаго вмѣшательства правительства. Составился комитетъ изъ почетныхъ жителей — богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ. Каждый членъ взялъ себѣ одну изъ частей Москвы. Въ нѣсколько дней было открыто двадцать, больницъ, они не стоили правительству ни копѣйки, все было сдѣлано на пожертвованные деньги. Купцы давали даромъ все что нужно для больницъ—одѣяла, бѣлье и теплую одежду, которую оставляли выздоровливавшимъ. Молодые люди шли даромъ въ смотрители больницъ, для того чтобъ приношенія не были на половину украдены служащими.

Университетъ не отсталъ. Весь медицинскій факультетъ,

студенты и лекаря en masse привели себя въ распоряженіе холернаго комитета; ихъ разослали по больницамъ и они остались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежъ прожила въ больницахъ ординаторами, фельдшерами, сидѣлками, письмоводителями — и все это безъ всякаго вознагражденія и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы. Я помню одного студента Малороссіянина, кажется Фицхелаурова, который въ началѣ холеры просился въ отпускъ по важнымъ семейнымъ дѣламъ. Отпускъ во время курса даютъ рѣдко, онъ наконецъ получилъ его; въ самое то время, какъ онъ собирался ѣхать, студенты отправлялись по больницамъ; Малороссіянинъ положилъ свой отпускъ въ карманъ и пошелъ съ ними. Когда онъ вышелъ изъ больницы, отпускъ былъ давно просроченъ— и онъ первый отъ души хохоталъ надъ своей поѣздкой.

Москва, по видимому сонная и вялая, занимающаяся сплетнями и богомольемъ, свадьбами и пичѣмъ — просыпается всякій разъ когда надобно и становится въ уровень съ обстоятельствами, когда надъ Русью гремитъ гроза.

Она въ 1612 г. кроваво обвѣнчалась съ Россіей и сплавилась съ нею огнемъ 1812.

Она склонила голову передъ Петромъ, потому что въ звѣриной лапѣ его была будущность Россіи. Но она съ ропотомъ и презрѣніемъ приняла въ своихъ стѣнахъ женщину обагренную кровью своего мужа, эту Леди Макбетъ безъ раскаянія, эту Лукрецію Борджію безъ итальянской крови, русскую царицу нѣмецкаго происхожденія—и она тихо удалилась изъ Москвы, хмуря брови и надувая губы.

Хмуря брови и надувая губы, ждалъ Наполеонъ ключей Москвы у Драгомиловской заставы, нетерпѣливо играя мундштукомъ и теребя перчатку. Онъ не привыкъ одинъ входить въ чужіе города.

“ Но не пошла Москва моя,”

Какъ говоритъ Пушкинъ—а зажгла самое себя.

Явилась холера, и снова народный городъ показался полнымъ сердца и энергіи!

Въ Москвѣ не царь—въ Москвѣ Россія !

ГЛАВА VII.

Молодая юность и артистическая жизнь — Шиллеровскій періодъ — Семья героевъ—Три гроба—Сен-Симонизмъ и Н. Полевой.

Послѣ окончательнаго экзамена, профессора заперлись для счета баловъ, а мы волнуемые надеждами и сомнѣніями, бродили маленькими кучками по коридору и по сѣнямъ. Иногда кто-нибудь выходилъ изъ совѣта, мы бросались узнать судьбу, но долго еще не было ничего рѣшено; наконецъ вышелъ Гейманъ. — "Поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ—вы кандидатъ." Кто еще, кто еще?—Такой-то и такой-то.—Мнѣ разомъ сдѣлалось грустно и весело; выходя изъ-за университетскихъ воротъ я чувствовалъ, что не такъ выхожу какъ вчера, какъ всякой день, я отчуждался отъ Университета, отъ этаго общаго родительскаго дома, въ которомъ провелъ такъ юно-хорошо четыре года; а съ другой стороны меня тѣшило чувство признаннаго совершеннолѣтія и, отчего-же не признаться, и названіе кандидата полученное сразу.

Alma Mater! Я такъ много обязанъ Университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнію, съ нимъ, что не могу вспоминать о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ по-крайней мѣрѣ, хотя вообще я ненавижу благодарность, она лишаетъ человѣка свободы, подчиняетъ его; благодарность начало рабства, начало неравенства. Но въ отношеніи къ Университету это чувство мнѣ легко, оно нераздѣльно съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодаго развитія . . . . . и я благославляю его изъ дальней чужбины!

Годъ проведенный нами послѣ курса, торжественно заклю-

чилъ первую юность. Это былъ продолжительный пиръ дружбы, обмѣна идей, вдохновенья, разгула.

Небольшая кучка университетскихъ друзей, пережившая курсъ, представляла удивительное явленіе. Всѣ жили еще общими симпатіями и фантазіями, никто не думалъ о матеріальномъ положеніи, объ устройствѣ будущаго. Я не похвалилъ бы этаго въ людяхъ совершеннолѣтнихъ, но дорого цѣню въ юношахъ. Юность, гдѣ только она не изсякла отъ нравственнаго растлѣнія мѣщанствомъ, вездѣ непрактична, тѣмъ больше она должна быть такою въ странѣ молодой, имѣющей много стремленій и мало достигнутаго. Сверхъ того быть непрактическимъ далеко не значитъ быть во лжи, все обращенное къ будущему имѣетъ непремѣнно долю идеализма. Безъ непрактическихъ натуръ всѣ практики остановились бы на скучномъ повторяющемся одномъ и томъ-же.

Наконецъ идеальная восторженность, лучше всякихъ правоученій, хранитъ отъ истинныхъ паденій. Я помню юношескія оргіи, разгульныя минуты хватавшія иногда черезъ край, я не помню ни одной безнравственной исторіи въ нашемъ кругу, ничего такого, отъ чего человѣкъ серьезно долженъ былъ краснѣть, что старался бы забыть, скрыть. Все дѣлалось открыто, открыто рѣдко дѣлается дурное. Половина, больше половины сердца, была не туда направлена гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и троятъ пороки.

Многочисленнымъ нашъ кругъ никогда не былъ, не смотря на то что мы сближались быстро и горячо.

— Хочешъ познакомится съ К., о которомъ ты столько слышалъ, говоритъ мнѣ одинъ изъ нашихъ друзей.

— Непремѣнно хочу.

— Приходи завтра въ семь часовъ вечера, да не опоздай, онъ будетъ у меня.

Я прихожу, моего пріятеля нѣтъ дома. Высокій мущина съ выразительнымъ лицемъ и добродушно свирѣпымъ взглядомъ изъ подъ очковъ дожидается его. Я беру книгу, онъ береть книгу.—Позвольте, говоритъ онъ, да вы Г?

— Да, а вы К?

— Да, очень радъ.

Начинается разговоръ... живѣй, живѣй.—Позвольте, грубо перебиваетъ меня К., позвольте, сдѣлайте одолженіе говорите мнѣ ты.

— Будемте говорить Ты.

И съ этой минуты, которая могла быть въ 1831 году, мы съ К. были друзьями черезъ всю жизнь.

Я считаю большимъ несчастіемъ положеніе народа, котораго молодое поколѣніе не имѣетъ юности, мы уже замѣтили, что одной молодости на это недостаточно. Самый уродливый періодъ нѣмецкаго студенства во сто разъ лучше мѣщанскаго совершеннолѣтія молодежи во Франціи и Англіи; для меня американскіе пожилые люди лѣтъ въ пятнадцать отроду — просто противны.

Во Франціи нѣкогда была блестящая аристократическая юность, потомъ революціонная. Всѣ эти С. Жюсты и Гоши, Марсо и Демулен', героическіе дѣти выросченные на мрачной поэзіи Жан-Жака, были настоящіе юноши. Революція была сдѣлана молодыми людьми; ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни самъ Людовикъ XVI не пережили своихъ тридцати пяти лѣтъ. Съ Наполеономъ изъ юношей дѣлаются ординарцы, съ реставраціей, "съ воскресеніемъ старости", юность вовсе несовмѣстна, — все становится совершеннолѣтнимъ, дѣловымъ, т. е. мѣщанскимъ.

Послѣдніе юноши Франціи были — Сен-Симонисты и Фаланга. Нѣсколько исключеній не могутъ измѣнить прозаически-плоской характеръ французской молодежи. Деку и Лебра застрѣлились оттого, что они были юны въ обществѣ стариковъ. Другіе бились какъ рыба выкинутая изъ воды на грязномъ берегу, пока одни не попались на барикаду, другіе на іезуитскую уду.

По такъ какъ возрастъ беретъ свое, то большая часть французской молодежи отбываетъ юность артистическимъ періодомъ т. е. живетъ, если нѣтъ денегъ, въ маленькихъ кафе, съ маленькими гризетками въ quartier Latin, и въ большихъ

кафе съ большими Лоретками, если есть деньги. Вмѣсто Шиллеровскаго періода, это періодъ Поль-де-Коковскій; въ немъ наскоро и довольно мизерно тратится сила, энергія, все молодое и человѣкъ готовъ—въ commis торговыхъ домовъ. Артистическій періодъ оставляетъ на днѣ души одну страсть — жажду денегъ и ей жертвуется вся будущая жизнь, другихъ интересовъ нѣтъ; практическіе люди эти смѣются надъ общими вопросами, презираютъ женщинъ (слѣдствіе многочисленныхъ побѣдъ надъ побѣжденными по ремеслу). Обыкновенно артистическій періодъ дѣлается подъ руководствомъ какаго-нибудь истасканаго грѣшника, изъ увядшихъ знаменитостей, d'un vieux prostitué, живущаго на чужой счетъ, какаго-нибудь актера, потерявшаго голосъ, живописца, у котораго трясутся руки; ему подражаютъ въ произношеніи, въ питьѣ, а главное въ гордомъ взглядѣ на людскія дѣла и въ основательномъ знаніи блюдъ.

Въ Англіи артистическій періодъ замѣненъ пароксизмомъ милыхъ оригинальностей и эксцентрическихъ любезностей, т. е. безумныхъ продѣлокъ, нелѣпыхъ тратъ, тяжелыхъ шалостей, увѣнчаннаго, но тщательно скрытаго, разврата, безплодныхъ, поѣздокъ въ Калабрію или Квито, на Югъ, на Сѣверъ—по дорогѣ лошади, собаки, скачки, глупые обѣды, а тутъ и жена съ неимовѣрнымъ количествомъ румяныхъ и дебѣлыхъ baby, обороты, Times, Парламентъ, и придавливающій къ землѣ Ольдъ-Портъ.

Дѣлали шалости и мы, пировали и мы, но основной тонъ былъ не тотъ.

Всего чаще собирались мы у Н.; больной отецъ его уѣхалъ на житье въ свое Пензенское имѣнье; Н. жилъ одинъ, у него была довольно большая квартира, а главное онъ принадлежалъ къ тѣмъ симпатическимъ натурамъ, которыя образуютъ первую стрѣлку кристализаціи во всякой массѣ безпорядочно встрѣчающихся атомовъ. Брошенные куда бы то ни было, они дѣлаются сердцемъ организма, если только онъ возможенъ.

Но рядомъ съ его свѣтлой, веселой комнатой, обитой кра-

синими обоями съ золотыми полосками, гдѣ мы шумно и сердце настежь приходили отдыхать отъ домашнихъ непріятностей и правительственныхъ гадостей, спорить цѣлыя ночи на пролетъ, а иногда и цѣлыя ночи кутить—посѣщали мы тихой кровъ одного изъ нашихъ друзей, въ которомъ чуть-ли не впервые научились уважать семейную жизнь.

Вадимъ часто оставлялъ наши бесѣды и уходилъ домой, ему было скучно, когда онъ не видалъ долго сестеръ и матери. Намъ жившимъ всей душою въ товариществѣ, было странно, какъ онъ могъ предпочитать свою семью—нашей.

Онъ познакомилъ насъ съ нею. Въ этой семьѣ все носило слѣды царскаго посѣщенія, она вчера пришла изъ Сибири, она была раззорена, замучена и вмѣстѣ съ тѣмъ полна того величія, которое кладетъ несчастіе не на каждаго страдальца, а на чело тѣхъ, которые умѣли вынести.

Ихъ отецъ былъ схваченъ при Павлѣ въ слѣдствіе какого-то политическаго доноса, брошенъ въ Шлюсельбургъ и потомъ сосланъ въ Сибирь на поселенье. Александръ возвратилъ тысячи сосланныхъ безумнымъ отцомъ его, но П. былъ забытъ. Онъ былъ племянникъ того П., который участвовалъ въ убійствѣ Петра III и потомъ былъ генералъ-губернаторомъ въ польскихъ провинціяхъ; онъ могъ требовать долю наслѣдства уже перешедшаго въ другія руки, эти-то другія руки и задержали его въ Сибири.

Содержась въ Шлюсельбургѣ, П. женился на дочери одного изъ офицеровъ тамошняго гарнизона. Молодая дѣвушка знала что дѣло кончится дурно, но не остановилась устрашенная ссылкой. Сначала они въ Сибири кой-какъ перебивались, продавая послѣднія вещи, но страшная бѣдность шла неотразимо и тѣмъ скорѣе, что семья росла числомъ. Въ нуждѣ, въ работѣ, лишенные теплой одежды, а иногда насущнаго хлѣба, они умѣли выходить, вскормить цѣлую семью львенковъ; отецъ передалъ имъ неукротимый и гордый духъ свой, вѣру въ себя, тайну великихъ несчастій, онъ воспиталъ ихъ примѣромъ; мать самоотверженіемъ и горькими слезами. Сестры не уступали братьямъ въ героической твердости. Да,

чего бояться словъ—это была семья героевъ. Что они всѣ вынесли другъ для друга, что они дѣлали для семьи—невѣроятно, и все съ поднятой головой, нисколько не сломившись.

Въ Сибири у трехъ сестеръ была какъ-то одна пара башмаковъ; онѣ ее берегли для прогулки, чтобъ посторонніе не видали крайности.

Въ началѣ 1826 года, П. было разрѣшено возвратиться въ Россію. Дѣло было зимой; шутка-ли поднятся съ такой семьей безъ шубъ, безъ денегъ, изъ Тобольской губерніи, а съ другой стороны сердце рвалось, ссылка всего невыносимѣе послѣ ея окончанія. Поплелись наши страдальцы кой-какъ; кормилица крестьянка, кормившая кого-то изъ дѣтей во время болѣзни матери, принесла свои деньги кой-какъ сколоченныя ею, имъ на дорогу, прося только, чтобъ и ее взяли; ямщики провезли ихъ до русской границы за безцѣнокъ или даромъ; часть семьи шла, другая ѣхала, молодежъ смѣялась, такъ они перешли дальній зимній путь отъ Уральскаго хребта до Москвы. Москва была мечтою молодежи, ихъ надеждой—тамъ ихъ ждалъ голодъ.

Правительство прощая П. и не думало имъ возвратить какую-нибудь долю имѣнья. Истощенный усиліями и лишеніями старикъ слегъ въ постель; не знали чѣмъ будутъ обѣдать завтра.

Въ это время Николай праздновалъ свою коронацію, пиры слѣдовали за пирами, Москва была похожа на тяжело убранную бальную залу, вездѣ огни, щиты, наряды . . . Двѣ старшихъ сестры, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, пишутъ просьбу Николаю, разсказываютъ о положеніи семьи, просятъ пересмотръ дѣла и возвращеніе имѣнья. Утромъ, онѣ тайкомъ оставляютъ домъ, идутъ въ Кремль, пробиваются впередъ и ждутъ "вѣнчанаго и превознесеннаго" царя. Когда Николай сходилъ со ступеней краснаго крыльца, двѣ дѣвушки тихо выступили впередъ и подняли просьбу. Онъ прошелъ мимо, сдѣлавъ видъ что незамѣчаетъ ихъ; какой-то флигель-адъютантъ взялъ бумагу, полиція повела ихъ на съѣзжую.

Николаю тогда было около тридцати лѣтъ и онъ уже былъ способенъ къ такому бездушію. Этотъ холодъ, эта выдержка принадлежать патурамъ рядовымъ, мелкимъ, кассирамъ, экзекуторамъ. Я часто замѣчалъ эту непоколебимую твердость характера у почтовыхъ экспедиторовъ, у продавцевъ театральныхъ мѣстъ, билетовъ на желѣзной дорогѣ, у людей которыхъ беспрестанно тормашать и которымъ ежеминутно мѣшаютъ; они умѣютъ не видѣтъ человѣка глядя на него, и не слушать его стоя возлѣ. А этотъ самодержавный экспедиторъ съ чего выучился не смотрѣть и какая необходимость не опоздать минутой на разводъ?

Дѣвушекъ продержали въ Части до вечера. Испуганныя, оскорбленныя, онѣ слезами убѣдили частнаго пристава отпустить ихъ домой, гдѣ отсутствіе ихъ должно было переполошить всю семью. По просьбѣ ничего не было сдѣлано.

Не вынесъ больше отецъ, съ него было довольно, онъ умеръ. Остались дѣти одни съ матерью, кой-какъ перебиваясь съ дня на день. Чѣмъ больше было нуждъ, тѣмъ больше работали сыновья; трое блестящимъ образомъ окончили курсъ въ Университетѣ и вышли кандидатами. Старшіе уѣхали въ Петербургъ, оба отличные математики, они сверхъ службы, (одинъ во флотѣ, другой въ инженерахъ), давали уроки и отказывая себѣ во всемъ, посылали въ семью вырученныя деньги.

Живо помню я старушку мать въ ея темномъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ; худое блѣдное лицо ея было покрыто морщинами, она казалась съ виду гораздо старше нежели была, одни глаза нѣсколько отстали, въ нихъ было видно столько кротости, любви, заботы и столько прошлыхъ слезъ. Она была влюблена въ своихъ дѣтей, она была ими богата, знатна, молода ... она читала и перечитывала намъ ихъ письма, она съ такимъ свято глубокимъ чувствомъ говорила о нихъ своимъ слабымъ голосомъ, который иногда измѣнялся и дрожалъ отъ удержаныхъ слезъ.

Когда они всѣ бывали въ сборѣ въ Москвѣ и садились за свой простой обѣдъ, старушка была внѣ себя отъ радости,

ходила около стола, хлопотала и вдругъ останавливаясь, смотрѣла на свою молодежъ съ такою гордостью, съ такимъ счастіемъ и потомъ подняла на меня глаза какъ будто спрашивая "не правда-ли какъ они хороши?" — Какъ въ эти минуты мнѣ хотѣлось бросится ей на шею, поцаловать ея руку. И къ тому же они дѣйствительно всѣ были даже наружно очень красивы.

Она была счастлива тогда . . . Зачѣмъ она не умерла за однимъ изъ этихъ обѣдовъ?

Въ два года она лишилась трехъ старшихъ сыновей. Одинъ умеръ блестяще, окруженный признаніемъ враговъ, середь успѣховъ, славы, хотя и не за свое дѣло сложилъ голову. Это былъ молодой генералъ, убитый Черкесами подъ Дарго. Лавры не лечатъ сердца матери . . . Другимъ даже не удалось хорошо погибнуть; тяжелая русская жизнь давила ихъ, давила—пока продавила грудь.

Бѣдная мать! И бѣдная Россія!

Вадимъ умеръ въ Февралѣ 1843 г., я былъ при его кончинѣ и тутъ въ первый разъ видѣлъ смерть близкаго человѣка и притомъ во всемъ не смягченномъ ужасѣ ея, во всей безсмысленной случайности, во всей тупой, безнравственной несправедливости.

Десять лѣтъ передъ своей смертью, Вадимъ женился на моей кузинѣ и я былъ шаферомъ на свадьбѣ. Семейная жизнь и перемѣна быта развели насъ нѣсколько. Онъ былъ счастливъ въ своемъ aparte, но внѣшняя сторона жизни не давалась ему, его предпріятія не шли. Не за долго до нашего ареста онъ поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ ему была обѣщана каѳедра въ Университетѣ. Его поѣздка хотя и спасла его отъ тюрьмы, но имя его не ускользнуло отъ полицейскихъ ушей. Вадиму отказали въ мѣстѣ. Товарищъ попечителя признался ему, что они получили бумагу, въ силу которой, имъ не велѣно ему давать каѳедры, за извѣстные правительству связи его съ злоумышленными людьми.

Вадимъ остался безъ мѣста, т. е. безъ хлѣба—вотъ его Вятка.

Насъ сослали. Сношенія съ нами были опасны. Черные

годы нужды наступили для него, въ семилѣтней борьбѣ съ добываніемъ скудныхъ средствъ, въ оскорбительныхъ столкновеніяхъ съ людьми грубыми и черствыми, вдали отъ друзей, безъ возможности перекликнуться съ ними; здоровые мышцы его износились.

— Разъ, сказывала мнѣ его жена потомъ,—у насъ вышли всѣ деньги до послѣдней копѣйки; на канунѣ я старалась достать гдѣ-нибудь рублей десять, нигдѣ не нашла, у кого можно было занять нѣсколько, я уже заняла.—Въ лавочкахъ отказались давать припасы, иначе какъ на чистыя деньги; мы думали объ одномъ — что-же завтра будутъ ѣсть дѣти? Печально сидѣлъ Вадимъ у окна, потомъ всталъ взялъ шляпу и сказалъ что хочетъ пройтиться. Я видѣла что ему очень тяжело, мнѣ было страшно, но все-же я радовалась что онъ нѣсколько разсѣется. Когда онъ ушелъ, я бросилась на постель, и горько, горько плакала, потомъ стала думать что дѣлать—всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи, кольцы, ложки давно были заложены; я видѣла одинъ выходъ, приходилось идти къ нашимъ, и просить ихъ тяжелой, холодной помощи. Между тѣмъ Вадимъ бродилъ безъ опредѣленной цѣли по улицамъ и такъ дошелъ до Петровскаго бульвара, проходя мимо лавки Ширяева, ему пришло въ голову спросить не продалъ-ли онъ хоть одинъ экземпляръ его книги; онъ былъ дней пять передъ тѣмъ, но ничего не нашелъ, съ страхомъ взошелъ онъ въ его лавку. "Очень радъ васъ видѣть, сказалъ ему Ширяевъ, отъ петербургскаго кореспондента письмо, онъ продалъ на 300 рублей вашихъ книгъ, желаете получить?"— И Ширяевъ отсчиталъ ему пятнадцать золотыхъ. Вадимъ потерялъ голову отъ радости, бросился въ первый трахтиръ за съѣстными припасами, купилъ бутылку вина, фруктъ и торжественно прискакалъ на извощикѣ домой. Я въ это время разбавила водой остатокъ бульона для дѣтей, и думала удѣлить ему немного, увѣривши его что я уже ѣла, какъ вдругъ онъ входитъ съ кулькомъ и бутылкой, веселый и радостый какъ бывало.—И она рыдала и не могла выговорить ни слова...

Послѣ ссылки я его мелькомъ встрѣтилъ въ Петербургѣ и нашелъ его очень измѣнившимся. Убѣжденія свои онъ сохранилъ, но онъ ихъ сохранилъ какъ воинъ не выпускаетъ меча изъ руки, чувствуя что самъ раненъ на вылетъ. Онъ былъ задумчивъ, изнуренъ и сухо смотрѣлъ впередъ. Такимъ я его засталъ въ Москвѣ въ 1842 году, обстоятельства его нѣсколько поправились, труды его были оцѣнены, но все это пришло поздно — это эполеты Полежаева, это прощеніе Кольрейфа— сдѣланное не русскимъ царемъ, а русской жизнію.

Вадимъ таялъ, туберкулозная чахотка открылась осенью 1842 года, страшная болѣзнь, которую мнѣ привелось еще разъ видѣть.

За мѣсяцъ до его смерти я съ ужасомъ сталъ примѣчать, что умственныя способности его тухнутъ, слабѣютъ точно догорающія свѣчи, въ комнатѣ становилось темнѣе, смутнѣе. Онъ вскорѣ сталъ съ трудомъ и усиліемъ пріискивать слово для нескладной рѣчи, останавливался на внѣшнихъ созвучіяхъ, потомъ онъ почти и не говорилъ, а только заботливо спрашивалъ свои лекарства и не пора-ли принять.

Одной февральской ночью часа въ три, жена Вадима прислала за мной; больному было тяжело, онъ спрашивалъ меня, я подошелъ къ нему и тихо взялъ его за руку, его жена назвала меня, онъ посмотрѣлъ долго, устало, не узналъ и закрылъ глаза. Привели дѣтей, онъ посмотрѣлъ на нихъ, но тоже кажется не узналъ. Стонъ его становился тяжеле, онъ утихалъ минутами и вдругъ продолжительно вздыхалъ съ крикомъ; тутъ въ ближней церкви ударили въ колоколъ; Вадимъ прислушался и сказалъ "Это Заутреня". Больше онъ не произнесъ ни одного слова... Жена рыдала на колѣнахъ у кровати возлѣ покойника; добрый, милый молодой человѣкъ изъ университетскихъ товарищей, ходившій послѣднее время за нимъ, суетился, отодвигалъ столъ съ лекарствами, поднималъ сторы... я вышелъ вонъ, на дворѣ было морозно и свѣтло, восходящее солнце ярко свѣтило на снѣгъ, точно будто сдѣлалось что-нибудь хорошее, я отправился заказывать гробъ.

Когда я возвратился, въ маленькомъ домѣ царила мертвая

тишина, покойникъ по русскому обычаю лежалъ на столѣ въ залѣ, поодаль сидѣлъ живописецъ Рабусъ, его пріятель и карандашомъ сквозь слезъ снималъ его портретъ; возлѣ покойника, молча, сложа руки съ выраженіемъ безконечной грусти стояла высокая женская фигура; ни одинъ артистъ не съумѣлъ бы изваять такую благородную и глубокую "Скорбь". Женщина эта была не молода, но слѣды строгой, величавой красоты остались; завернутая въ длинную черную бархатную мантилью на гарнастаевомъ мѣху, она стояла неподвижно.

Я остановился въ дверяхъ.

Прошли двѣ-три минуты, та-же тишина, но вдругъ она поклонилась, крѣпко поцаловала покойника въ лобъ и сказавъ "Прощай! прощай другъ Вадимъ", твердыми шагами пошла во внутреннія комнаты. Рабусъ все рисовалъ, онъ кивнулъ мнѣ головой, говорить намъ не хотѣлось, я молча сѣлъ у окна.

Женщина эта была сестра графа Захара Чернышева, сосланнаго за 14 Декабря, Е. Черткова.

Симоновскій архимандритъ Мелхиседекъ самъ предложилъ мѣсто въ своемъ монастырѣ. Мелхиседекъ былъ нѣкогда простой плотникъ и отчаянный раскольникъ, потомъ обратился къ православію, пошелъ въ монахи, сдѣлялся игумномъ и наконецъ архимандритомъ. При этомъ онъ остался плотникомъ, т. е. не потерялъ ни сердца, ни широкихъ плечь, ни краснаго, здороваго лица. Онъ зналъ Вадима и уважалъ его за его историческія изысканія о Москвѣ.

Когда тѣло покойника явилось передъ монастырскими воротами, онѣ отворились и вышелъ Мелхиседекъ со всѣми монахами встрѣтить тихимъ, грустнымъ пѣніемъ бѣдный гробъ страдальца и проводить до могилы. Недалеко отъ могилы Вадима покоится другой прахъ дорогой намъ, прахъ Веневитинова съ надписью "Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!" Много зналъ и Вадимъ жизнь!

Судьбѣ и этаго было маго. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ долго зажилась старушка мать? Видѣла конецъ ссылки, видѣла своихъ дѣтей во всей красотѣ юности, во всемъ блескѣ таланта, чего было жить еще! Кто дорожитъ счастіемъ, тотъ долженъ

искать ранней смерти. Хронического счастья также нѣтъ, какъ нетающаго льда.

Старшій братъ Вадима умеръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того какъ Діомидъ былъ убитъ, онъ простудился, запустилъ болѣзнь, подточенный организмъ не выпесъ. Врядъ было-ли ему сорокъ лѣтъ, а онъ былъ старшій.

Эти три гроба, трехъ друзей, отбрасываютъ назадъ длинныя черныя тѣни и даже послѣдніе мѣсяцы юности виднѣются сквозь погребальный крепъ и дымъ кадилъ . . .

Этимъ окончивается первая часть нашей юности, вторая начинается тюрьмой. Но прежде нежели мы взойдемъ въ нее, надобно упомянуть въ какомъ направленіи, съ какими думами она застала насъ.

Годы слѣдовавшіе за усмиреніемъ польскаго возстанія были страшны, Николай выросъ и осѣлся въ строгости; на всемъ чувствовался его тяжелой каблукъ. Но насъ уже не это одно мучило; мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль и лозунгъ, дѣла идутъ не ладно; самыя либеральныя теоріи становились намъ подозрительны.

Дѣтскій либерализмъ 1826 года сложившійся мало по малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжаменъ' Констан', пѣли Беранже, терялъ для насъ послѣ гибели Польши свою чарующую силу.

Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросились на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи.

Другая въ изученіе нѣмецкой философіи.

Нашъ небольшой кружокъ съ П., не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ ихними идеями, чтобъ скоро поступиться ими; вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была потрясена. Но мы искали чего то другаго, чего не могли найти ни въ Несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга.

Середь этаго броженія, середь догадокъ, усилій понять

сомнѣній пугавшихъ насъ попались въ наши руки Сен-Симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ.

Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Енфантен' и надъ его Апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечь соціализма.

Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отросченными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать, и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

Съ одной стороны освобожденіе женщины, призваніе ее на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею какъ съ ровнымъ.

Съ другой оправданіе, искупленіе плоти, Réhabilitation de la chair!

Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа—но и міръ красоты, міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное крещеніе плоти есть отходная христіанства: развѣ это не религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы? Распятое тѣло воскресало въ свою очередь, и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался что онъ существо цѣлое, а не составленъ какъ маятникъ изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ спаянный съ нимъ изчезъ.

Какое мужество надобно было имѣть, чтобъ произнести всенародно во Франціи эти слова освобожденія отъ спиритуализма, который такъ силенъ въ понятіяхъ Французовъ и такъ вовсе не существуетъ въ ихъ поведеніи.

Старый міръ, осмѣянный Вольтеромъ, подшибленный революціей, но закрепленный, перешитый и упроченный мѣщанствомъ для своего обихода, этаго еще не испыталъ. Онъ хотѣлъ судить отщепленцевъ на основаніи своего тайно соглашеннаго лицемѣрія, а люди эти обличили его. Ихъ обвиняли въ отступничествѣ отъ христіанства, а они указали надъ головой судьи образъ завѣшанный послѣ революціи 1830 г. Ихъ обвиняли въ оправданіи чувственности, а они спросили у судьи, цѣломудренно-ли онъ живетъ?

Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-Симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ.

Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду — черезъ море!

Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки. Группы пловцовъ, прибитые волнами событій или мышленіемъ къ этимъ скаламъ, немедленно разстаются и составляютъ двѣ вѣчныя партіи, которыя мѣняя одежду проходятъ черезо всю исторію, черезъ всѣ перевороты, черезъ многочисленныя партіи и кружки состоящіе изъ десяти юношей. Одна представляетъ—логику, другая—исторію, одна—діалектику, другая — ембріогенію. Одна изъ нихъ правѣе, другая — возможнѣе.

О выборѣ не можетъ быть и рѣчи, обуздать мысль труднѣе нежели всякую страсть, она влечетъ невольно, кто можетъ ее затормозить чувствомъ, мечтой, страхомъ послѣдствій, тотъ и затормозитъ ее; но не всѣ могутъ. У кого мысль береть верхъ, у того вопросъ не о прилагаемости, не о томъ — легче или тяжеле будетъ, тотъ ищетъ истину и неумолимо, нелицепріятно проводитъ начала какъ С. Симонисты нѣкогда, какъ Прудонъ до сихъ поръ.

Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда въ 1833 г.,

либералы смотрѣли на насъ изъ-подлобья, какъ на сбившихся съ дороги. Передъ самой тюрьмой Сен-Симонизмъ поставилъ рубежъ между мной и П. А. Полевымъ. Полевой былъ человѣкъ необыкновенно ловкаго ума, дѣятельнаго, легко претворяющаго всякую пищу; онъ родился быть журналистомъ, лѣтописцемъ успѣховъ, открытій, политической и ученой борьбы. Я познакомился съ нимъ въ концѣ курса—и бывалъ иногда у него и у его брата Ксенофонта. Это было время его пущей славы, время предшествовавшее запрещенію "Телеграфа".

Этотъ-то человѣкъ жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и въ событіяхъ, мѣнявшійся какъ хамелеонъ, при всей живости ума не могъ понять Сен-Симонизма. Для насъ Сен-Симонизмъ былъ откровеніемъ, для него безуміемъ, пустой утопіей мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно досадна опозиція, дѣлаемая студентомъ, онъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ на молодежъ и въ этомъ пренін видѣлъ что она ускользаетъ отъ него.

Одинъ разъ, оскорбленный нелѣпостью его возраженій, я ему замѣтилъ, что онъ такой-же отсталый консерваторъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ всю жизнь сражался. Полевой глубоко обидѣлся моими словами и качая головой сказалъ мнѣ "Придетъ время, и вамъ въ награду за цѣлую жизнь усилій, и трудовъ, какой-нибудь молодой человѣкъ улыбаясь скажетъ —Ступайте прочь, вы отсталый человѣкъ." Мнѣ было жаль его, мнѣ было стыдно что я его огорчилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что въ его грустныхъ словахъ звучалъ его приговоръ. Въ нихъ слышался уже не сильный боецъ, а отжившій, устарѣлый гладіаторъ. Я понялъ тогда, что впередъ онъ не двинется, а на мѣстѣ устоять не съумѣетъ съ такимъ дѣятельнымъ умомъ и съ такимъ непрочнымъ грунтомъ.

Вы знаете что съ нимъ было потомъ—онъ припялся за Парашу Сибирячку . . .

Какое счастіе во время умереть для человѣка неумѣющаго въ свой часъ ни сойти со сцены, ни идти впередъ. Это я думалъ глядя на Полеваго, глядя на Пія IX и на многихъ другихъ....!

III.

ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ

(Изъ четвертой части Записокъ Искандера")

(1847 — 1852)

I.

СОНЪ

Помните-ли, друзья, какъ хорошъ былъ тотъ зимній день, солнечный, ясный, когда шесть-семъ троекъ провожали насъ до Черной Грязи, когда мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и рыдая разстались?

Былъ уже вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу, вы смотрѣли печально вслѣдъ и недогадывались, что это были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были на лицо, одного только недоставало, ближайшаго изъ близкихъ, онъ одинъ былъ далекъ и какъ будто своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ.

Это было 21 Января 1857 года.

Съ тѣхъ поръ прошли семь лѣтъ (*) и *какіе семь лѣтъ*! Въ ихъ числѣ 1848 и 1852.

Чего и чего не было въ это время, и все — все рухнуло — Общее и Частное, европейская революція и домашній кровъ, свобода міра и личное счастіе.

(*) Писано въ концѣ 1853 года.

Камня на камнѣ не осталось отъ прежней жизни. Тогда я былъ во всей силѣ развитія, моя предшествовавшая жизнь дала мнѣ залоги. Я смѣло шелъ отъ васъ съ опрометчивой самонадѣянностью, съ надменнымъ довѣріемъ къ жизни. Я торопился оторваться отъ маленькой кучки людей, тѣсно сжившихся, близко подошедшихъ другъ къ другу, связанныхъ глубокой любовью и общимъ горемъ. Меня манила даль, ширь, открытая борьба и вольная рѣчь, я искалъ независимой арены мнѣ хотѣлось попробывать свои силы на волѣ . . .

Теперь, я ужъ и не жду ничего, ничто послѣ видѣннаго и испытаннаго мною не удивитъ меня особенно, и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніями былаго, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ также случайно и бзсмысленно какъ начало.

А вѣдь я нашелъ все чего искалъ, даже признаніе со стороны стараго, себядовольнаго міра—да рядомъ съ этимъ утрату всѣхъ вѣрованій, всѣхъ благъ, предательство, коварные удары изъ-за угла и вообще такое нравственное растлѣніе, о которомъ вы не имѣете и понятія.

Трудно, очень трудно мнѣ начать эту часть разсказа; отступая отъ нея я написалъ три предшествующія части, но наконецъ мы съ нею лицомъ къ лицу. Въ сторону слабость, кто могъ пережить, тотъ долженъ имѣть силу помнить.

Съ половины 1848 года мнѣ нечего разсказывать, кромѣ мучительныхъ испытаній, неотомщенныхъ оскорбленій, незаслуженныхъ ударовъ. Въ памяти одни печальные образы, собственныя и чужія ошибки; ошибки лицъ, ошибки цѣлыхъ народовъ. Тамъ гдѣ была возможность спасенія, тамъ смерть переѣхала дорогу . . .

— Послѣдними днями нашей жизни въ Римѣ, заключается свѣтлая часть воспоминаній, начавшихся съ дѣтскаго пробужденія мысли, съ отроческаго обрученія на Воробьевыхъ горахъ.

Испуганный Парижемъ 1847 г., я было раньше раскрылъ глаза, но снова увлекся событіями кипѣвшими возлѣ меня. Вся Италія "просыпалась" на моихъ глазахъ; я видѣлъ Неаполитанскаго короля сдѣланнаго ручнымъ и Папу смиренно просящаго милостыню народной любви — я снова вѣрилъ, вихрь поднявшій все, унесъ и меня, вся Европа взяла одръ свой и пошла . . . въ припадкѣ лунатизма, принятаго нами за пробужденіе. Когда я пришелъ въ себя, все изчезло — la Sonnambula испуганная полиціей упала съ крыши, друзья разсѣялись или съ ожесточеніемъ добивали другъ друга . . . И я очутился одинъ одинехонекъ между гробовъ и колыбылей— сторожемъ, защитникомъ, мстителемъ и ничего не съумѣлъ сдѣлать, потому что хотѣлъ сдѣлать больше обыкновеннаго.

И теперь я сижу въ Лондонѣ, куда меня случайно забросило и остаюсь здѣсь, потому что не знаю что изъ себя дѣлать. — Чужая порода людей кишитъ, метется около меня, объятая тяжелымъ дыханьемъ океана, міръ распускающійся въ хаосъ, теряющійся въ туманѣ, въ которомъ очертанія смутились, въ которомъ огонь дѣлаетъ только тусклыя пятна.

. . . А та страна обмытая темно-синимъ моремъ, накрытая темно-синимъ небомъ . . . Она одна осталась свѣтлой полоской — по ту сторону кладбища.

О Римъ, какъ люблю я возвращаться къ твоимъ обманамъ, какъ охотно перебираю я день за день время, въ которое я былъ пьянъ Тобою!

. . . Темная ночь. Корсо покрыто народомъ, кое-гдѣ факелы. Въ Парижѣ уже съ мѣсяцъ провозглашена республика. Новости пришли изъ Милана, тамъ дерутся, народъ требуетъ войны, носится слухъ что Карлъ Альбертъ идетъ съ войскомъ. Говоръ недовольной толпы похожъ на перемѣжающійся ревъ волны, которая то приливаетъ съ шумомъ, то тихо переводитъ духъ.

Толпы строются, опѣ идутъ къ піэмонтскому послу узнать объявлена-ли война.

— Въ ряды, въ ряды, съ нами—кричатъ десятки голосовъ.

— Мы иностранцы.

— Тѣмъ лучше, Santo dio, вы наши гости.

Пошли и мы,

Впередъ гостей, впередъ дамъ, впередъ le donne forestière!

И толпа съ страстнымъ крикомъ одобрѣнія разступилась. Чичероваккіо и съ нимъ молодой Римлянинъ, поэтъ народныхъ пѣсенъ, продираются съ знаменемъ, трибунъ жметъ руки дамамъ и становится съ ними въ главѣ десяти, двѣнадцати тысячь человѣкъ—и все двинулось въ томъ величавомъ и стройномъ порядкѣ, который только свойственъ одному римскому народу.

Передовые взошли въ Палаццо и черезъ нѣсколько минутъ двери залы разстворились на балконъ. Посолъ явился успокоить народъ и подтвердить вѣсть о войнѣ, слова его приняты съ изступленной радостью. Чичероваккіо былъ на балконѣ, сильно освѣщенный факелами и канделабрами и возлѣ него осѣненныя знаменемъ Италіи четыре молодыя женщины, всѣ четыре русскія—не странно-ли? Я какъ теперь ихъ вижу на этой каменной трибунѣ и внизу колыхающійся, безчисленный народъ, мѣшавшій съ криками войны и проклятіями іезуитамъ, привѣтливое Evviva le donne forestiere.

Въ Англіи ихъ и насъ освистали бы, осыпали бы грубостями, а можетъ и каменьями. Во Франціи приняли бы за подкупныхъ агентовъ. А здѣсь аристократическій пролетарій потомокъ Марія и древнихъ трибуновъ, горячо и искренно привѣтствовалъ насъ. Мы имъ были приняты въ европейскую борьбу ... и съ одной Италіей не прервалась еще связь любви, по-крайней мѣрѣ сердечной памяти.

— И будто все это было .... опьяненіе, горячка? Но я незавидую тѣмъ, которые не увлеклись тогда изящнымъ сновидѣніемъ. Долго спать все-же нельзя было, неумолимый Макбетъ дѣйствительной жизни, заносилъ уже свою руку чтобъ убить "сонъ" ... и

My dream was past—it has no further change!

II.

ВЪ ГРОЗУ.

. . . Вечеромъ 24 возвращаясь съ place Maubert, я взошелъ въ кафе на набережной Orsay. Черезъ нѣсколько минутъ раздался нестройный крикъ и все ближе и ближе; я подошелъ къ окну, уродливая, комическая banlieu шла изъ окрестностей на помощь порядку; неуклюжіе, плутовскіе полумужики и полулавочники, нѣсколько на веселѣ, въ скверныхъ мундирахъ и старинныхъ киверахъ шли быстрымъ, но безпорядочнымъ шагомъ съ крикомъ "Да здравствуетъ Людовикъ Наполеонъ!"

Этотъ зловѣщій крикъ я тутъ услышалъ въ первый разъ. Я не могъ выдержать и когда они поравнялись, закричалъ изо всѣхъ силъ "Да здравствуетъ республика!" Ближніе къ окну показали мнѣ кулаки, офицеръ пробормоталъ какое-то ругательство, грозя шпагой; и долго еще слышался ихъ привѣтственный крикъ человѣку шедшему казнить половинную революцію, убить половинную республику, наказать собою — Францію, забывшую въ своей кичливости другіе народы и свой собственной пролетаріатъ.

Двадцать пятаго или шестаго Іюня, въ 8 часовъ утра мы вышли съ А. на Елисейскія поля; канонада которую мы слышали ночью умолкла, по временамъ только трещала ружейная перестрѣлка и раздавался барабанъ. Улицы были пусты, по обѣимъ сторонамъ стояла національная гвардія. На Place de la Concorde былъ отрядъ Мобили; около нихъ стояло нѣсколько бѣдныхъ женщинъ съ метлами, нѣсколько тряпичниковъ и дворниковъ изъ ближнихъ домовъ, у всѣхъ лица были мрачны и поражены ужасомъ. Мальчикъ лѣтъ 17, опираясь на ружье

что-то разказывалъ, подошли и мы. Онъ и всѣ его товарищи, такіе-же мальчики были въ полпьяна, съ лицами запачканными порохомъ, съ глазами воспаленными отъ неспаныхъ ночей и водки; многіе дремали упирая подбородокъ на ружейное дуло. "Ну ужъ тутъ что было, этаго и описать нельзя, онъ помолчалъ—да, и они таки хорошо дрались, ну только и мы за нашихъ товарищей заплатили! сколько ихъ попадало! я самъ до дула всадилъ штыкъ пяти или шести человѣкамъ; попомнятъ"! добавилъ онъ, желая себя выдать за закоснѣлаго злодѣя. Женщины были блѣдны и молчали, какой-то дворникъ замѣтилъ "по дѣломъ мерзавцамъ!..." но дикое замѣчаніе не нашло ни малѣйшаго отзыва. Это было слишкомъ низкое общество, чтобъ сочувствовать рѣзнѣ и несчастному мальчишкѣ, изъ котораго сдѣлали убійцу.

Мы молча и печально пошли къ Маделенѣ. Тутъ насъ остановилъ кордонъ національной гвардіи. Сначала пошарили въ карманахъ, спросили куда мы идемъ и пропустили; но слѣдующій кордонъ, за Маделеной отказалъ въ пропускѣ и отослалъ насъ назадъ; когда мы возвратились къ первому, насъ снова остановили, "да вѣдь вы видѣли что мы сейчасъ тутъ шли?" — Не пропускайте, закричалъ офицеръ.—"Что вы смѣетесь надъ нами, что-ли?" спросилъ я его. — Тутъ нечего толковать, грубо отвѣтилъ лавочникъ въ мундирѣ, — берите ихъ и въ полицію, одного я знаю (онъ указалъ на меня) я его не разъ видѣлъ въ емётахъ, съ толпой работниковъ, другой такой-же долженъ быть, они оба не Французы, я отвѣчаю за все—впередъ." Два солдата съ ружьями впереди, два за нами, по солдату съ каждой стороны—повели насъ. Первый встрѣтившійся человѣкъ былъ представитель съ глупой воронкой въ петлицѣ; это былъ Токвиль, писавшій объ Америкѣ. Я обратился къ нему и разсказалъ въ чемъ дѣло, шутить было нечего, они безъ всякаго суда держали людей въ тюрьмѣ, бросали въ Тюльрійскіе подвалы, разстрѣливали. Токвиль даже не спросилъ кто мы, онъ весьма учтиво раскланялся и отпустилъ нижеслѣдующую пошлость "законодательная власть не имѣетъ никакаго права вступать въ распоряженія исполни-

тельной." Какъ-же ему было не быть потомъ министромъ при Бонапартѣ?

"Исполнительная власть" повела насъ по бульвару въ улицу Шосе д'Антин' къ комиссару полиціи. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что ни при арестѣ, ни при обыскѣ, ни во время пути я не видѣлъ ни одного полицейскаго, все дѣлали мѣщане-воины. Бульваръ былъ совершенно пустъ, всѣ лавки заперты, жители бросались къ окнамъ и дверямъ, услышавъ наши шаги и спрашивали что мы за люди, des émeutiers étrangers, отвѣчалъ нашъ конвой, и добрые мѣщане смотрѣли на насъ со скрежетомъ зубовъ.

Изъ полиціи насъ отослали въ hôtel des Capucines; тамъ было министерство иностранныхъ дѣлъ, но на это время какая-то временная полицейская комиссія. Мы съ конвоемъ взошли въ обширный кабинетъ. Плѣшивой старикъ въ очкахъ и весь въ черномъ, сидѣлъ одинъ за столомъ, онъ снова спросилъ насъ все то что спрашивалъ комисаръ—гдѣ ваши виды? —Мы ихъ никогда не носимъ ходя гулять..... Онъ взялъ какую-то тетрадь, долго просмотрѣвалъ ее, по видимому ничего не нашелъ и спросилъ провожатаго : "Почему вы захватили ихъ?"—Офицеръ велѣлъ, онъ говоритъ, что это очень подозрительные люди.—"Хорошо, сказалъ старикъ, я разберу дѣло, вы можете идти."

Когда наши провожатые ушли, старикъ просилъ насъ объяснить причину ареста. Я ему разсказалъ и прибавилъ что офицеръ можетъ меня видѣлъ 15 Мая у Собранья и что вчера было со мной слѣдующее : я былъ въ кафе Комартин', вдругъ сдѣлалась фальшивая тревога, эскадронъ драгуновъ пронесся во весь опоръ, національная гвардія стала строиться, я и человѣкъ пять бывшихъ въ кафе, подошли къ окну; національной гвардеецъ стоявшій внизу грубо закричалъ : Слышали что-ли, чтобъ окна были затворены? Тонъ его далъ мнѣ право думать что онъ не со мной говоритъ, и я не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на его слова, къ тому-же я былъ не одинъ, а случайно стоялъ впереди. Тогда защитникъ порядка поднялъ ружье и такъ какъ дѣло было въ rez

de chaussée, хотѣлъ пырнуть штыкомъ, но я замѣтилъ его движеніе, отступилъ и сказалъ другимъ: "Господа, вы свидѣтели, что я ему ничего не сдѣлалъ, или это такой обычай у національной гвардіи—колоть иностранцевъ!"—Mais c'est indigne, mais cela n'a pas de nom! Подхватили мои сосѣди. Испуганный трахтирщикъ бросился закрывать окна, сержантъ съ подлой наружностью явился съ приказомъ гнать всѣхъ изъ кофейной, мнѣ казалось, что это былъ тотъ самый господинъ, который велѣлъ насъ остановить. Къ тому-же кафе Комартин' два шага отъ Маделены. Я все это разсказалъ старику,

— Вотъ тото господа, видите что значитъ неосторожность, зачѣмъ въ такое время выходить со двора, умы раздражены, кровь течетъ . . .

Въ это время національный гвардеецъ привелъ какую-то служанку, говоря что офицеръ ее схватилъ въ то самое время какъ она хотѣла бросить въ ящикъ письмо адресованное въ Берлинъ. Старикъ взялъ пакетъ и велѣлъ солдату идти.

— Вы можете отправляться домой, сказалъ онъ намъ, только пожалуста не ходите прежними улицами, особенно мимо кордона, который васъ схватилъ. Да постойте, я вамъ дамъ провожатаго, онъ васъ выведетъ на Елисейскія поля, тамъ можете пройти.

— Ну и вы, замѣтилъ онъ служанкѣ, отдавая письмо, до котораго не дотронулся, бросьте ваше письмо въ другой ящикъ гдѣ-нибудь подальше.

И такъ полиція защищала отъ вооруженныхъ мѣщанъ!

Ночью съ 26 на 27 Іюня, разсказываетъ Пьеръ Леру, онъ былъ у Сенара, прося его распорядиться на счетъ плѣнныхъ, которые задыхались въ подвалахъ Тьюльри. Сенаръ человѣкъ извѣстный своимъ отчаяннымъ консерватизмомъ, сказалъ Пьеру Леру "а кто будетъ отвѣчать за ихъ жизнь на дорогѣ, ихъ перебьетъ національная гвардія? Еслибъ вы пришли часомъ раньше, вы застали бы здѣсь двухъ полковниковъ, я на силу ихъ унялъ, и кончилъ тѣмъ, что сказалъ имъ, если эти ужасы будутъ продолжатся, то я вмѣсто президентскаго стула въ собраніи, займу мѣсто за баррикадой."

Часа черезъ два послѣ того какъ я пришелъ домой, явился дворникъ, незнакомый человѣкъ во фракѣ и человѣка четыре въ блузахъ, дурно скрывавшихъ муниципальные усы и жандармскую выправку. Незнакомецъ растегнулъ фракъ и жилетъ, и съ достоинствомъ указывая на трехцвѣтный шарфъ, сказалъ что онъ комисаръ полиціи Барле (тотъ самый, который въ народномъ собраніи втораго Декабря взялъ за шиворотъ человѣка взявшаго въ свою очередь Римъ—генерала Удино), и что ему велѣно у меня сдѣлать обыскъ. Я подалъ ему ключи и онъ принялся за дѣло точно такъ какъ Миллеръ въ 1834 г.

Взошла моя жена; комисаръ сталъ извиняться, какъ жандармскій офицеръ пріѣзжавшій отъ Дуббельта. Жена моя спокойно и прямо глядя на него сказала, когда онъ въ заключеніи рѣчи просилъ быть снисходительной. "Это была бы жестокость съ моей стороны, не понять вашего положенія, вы довольно наказаны обязанностью дѣлать то что вы дѣлаете."

Комисаръ покраснѣлъ до ушей, но не сказалъ ни слова. Порывшись въ бумагахъ и отложивъ цѣлый ворохъ, онъ вдругъ подошелъ къ камину, понюхалъ, потрогалъ золу и важно обращаясь ко мнѣ спросилъ. "Съ какой цѣлью вы жгли бумаги?"

— Я не жегъ бумаги.

— Помилуйте зола еще теплая.

— Нѣтъ, она не теплая.

— Monsieur, vous parlez à un magistrat?

— А зола все-же холодная, сказалъ я вспыхнувъ въ лицѣ и поднявъ голосъ.

— Что-же я солгалъ?

— Отчего-же вы имѣете право сомнѣваться въ моихъ словахъ . . . вотъ съ вами, какіе-то честные работники, пусть попробуютъ. Ну да еслибъ я и жегъ бумагу, во-первыхъ, я въ правѣ жечь, а во-вторыхъ что-же вы сдѣлаете?

— Больше у васъ нѣтъ бумагъ?

— Нѣтъ.

— У меня есть еще нѣсколько писемъ и презанимательныхъ, пойдемте ко мнѣ, сказала моя жена.

— Помилуйте, ваши письма.

— Пожалуста не церемонтесь . . . вѣдь вы исполняете вашъ долгъ, пойдемте. Комисаръ таки пошелъ, слегка взглянулъ на письма большей частію изъ Италіи и хотѣлъ выйти.

— А вотъ вы и не видали что тутъ внизу—письмо изъ консьержри, видите, не хотите-ли взять съ собой.

— Помилуйте сударыня, отвѣчалъ квартальной республики—вы такъ предубѣждены, мнѣ этаго письма вовсе ненужно.

— Что вы намѣрены сдѣлать съ русскими бумагами?—спросилъ я.

— Ихъ переведутъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, откуда вы возмете переводчика, если изъ русскаго посольства, то это равняется доносу; вы погубите пять, шесть человѣкъ. Вы меня искренно обяжете, если упомянете въ procès verbal, что я настоятельно прошу взять переводчика изъ польской централизаціи.

— Я думаю что это можно.

— Благодарю васъ; да вотъ еще просьба, понимаете вы сколько-нибудь по итальянски.

— Немного.

— Я вамъ покажу два письма, въ нихъ слово Франція не упомянуто, писавшій ихъ въ рукахъ папской полиціи, вы увидите по содержанію, что ему плохо будетъ если письма дойдутъ до Нунція.

— Mais ah ça! замѣтилъ комисаръ, начинавшій входить въ человѣческое достоинство, вы кажется думаете, что мы въ связи со всѣми деспотическими полиціями. Намъ дѣла нѣтъ до чужихъ. Поневолѣ мы должны брать мѣры у себя, когда на улицахъ льется кровь и когда иностранцы мѣшаются въ наши дѣла.

— Очень хорошо, стало вы письма можете оставить.

Комисаръ не солгалъ, онъ дѣйствительно немного зналъ по итальянски и потому повертѣвши письма положилъ ихъ въ карманъ, обѣщаясь ихъ возвратить.

Тѣмъ его визитъ и кончился. Письма Итальянца онъ отдалъ на другой день, но мои бумаги канули какъ въ воду; прошелъ мѣсяцъ, я написалъ письмо къ Каваньяку, спрашивая его отчего полиція не возвращаетъ моихъ бумагъ и не говоритъ о томъ что нашла въ нихъ, вещь можетъ очень неважная для нея, но чрезвычайно важная для моей чести.

Послѣднее было вотъ на чемъ основано. Нѣсколько знакомыхъ вступились за меня, находя безобразнымъ визитъ комисара и задерживаніе бумагъ. "Мы желали удостовѣриться, сказалъ префектъ полиціи или Ламорисьеръ, не а г е н т ъ - л и о н ъ р у с с к а г о п р а в и т е л ь с т в а." Это гнусное подозрѣніе я услышалъ тутъ въ первый разъ. Я остолбенѣлъ отъ удивленія для меня это было совершенно ново; моя жизнь шла такъ публично, такъ открыто какъ въ хрустальномъ ульѣ, и вдругъ сальное обвиненіе и отъ кого—отъ республиканскаго правительства, этаго нельзя было такъ оставить.

Черезъ недѣлю меня потребовали въ префектуру, Барле былъ со мною; насъ принялъ въ кабинетѣ Дюку, молодой чиновникъ, очень похожій на петербуржскаго начальника отдѣленія изъ развязныхъ. "Генералъ Каваньякъ, сказалъ онъ мнѣ, поручилъ префекту возвратить ваши бумаги безъ малѣйшаго разбора. Свѣдѣнія собранныя объ васъ дѣлаютъ его совершенно излишнимъ, на васъ не падаетъ никакаго рода подозрѣніе, вотъ ваша портфель, неугодно-ли вамъ подписать предварительно эту бумагу."

Это была росписка въ томъ, что"бумаги в с ѣ сполна мнѣ возвращены."

Я пріостановился и спросилъ не будетъ-ли правильнѣе, если я взгляну на бумаги.

— До нихъ не дотрогивались. Впрочемъ вотъ печать.

— Печать цѣла, замѣтилъ успокоительно Барле.

— Моей печати тутъ нѣтъ, Да ее и не прикладывали.

— Это моя печать, да вѣдь у васъ былъ ключикъ.

Не желая отвѣтить грубостью, я улыбнулся. Это взбѣсило обоихъ, начальникъ отдѣленія сдѣлался начальникомъ департамента, схватилъ ножикъ и взрѣзывая печать сказалъ довольно

грубымъ тономъ: "Пожалуй, смотрите коли невѣрите, только мнѣ нѣтъ столько свободнаго времени," при этомъ съ важностью кланяясь, онъ вышелъ вонъ. То, что они разсердились, убѣдило меня что бумагъ дѣйствительно не смотрѣли и потому я едва бросивъ взглядъ, далъ росписку и отправился домой.

III.

ПРИМѢТЫ

. . . Но не хорошо было и дома; мы слишкомъ настрадались, слишкомъ много видѣли, тишина и подавленность наступившія послѣ битвы и ужасовъ перваго гоненія, дали назрѣть всему черному и грустному запавшему въ душу.

Черезъ мѣсяцъ я писалъ "Вечеромъ 26 Іюня послѣ побѣды мы услышали правильные залпы съ небольшими разстановками и съ барабаннымъ боемъ, — вѣдь это разстрѣливаютъ! сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь. — Горе людямъ забывающимъ такія минуты!"

А жена моя около того-же времени писала въ Москву: "Я смотрю на дѣтей и плачу, мнѣ становится страшно, я не смѣю больше желать чтобъ они были живы, можетъ и ихъ ждетъ такая-же ужасная доля." Какъ много надобно было пострадать, чтобъ мысль эта могла явиться въ сердцѣ матери, страстно любившей дѣтей, и насколько больше чтобъ найти силу высказать ее да еще письменно. Въ этихъ словахъ отголосокъ всѣго пережитаго, послѣдній слѣдъ потерянныхъ вѣрованій, замѣненыхъ страшными воспоминіями. Въ нихъ виднѣются и омнибусы набитые трупами, и плѣнные съ связанными руками, провожаемые ругательствомъ и бѣдный глухонѣмой мальчикъ подстрѣленный въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ воротъ...за то что не слышалъ "Passez au large!"

— Реакція торжествовала; сквозь блѣдно-синюю республику виднѣлись черты претендентовъ; національная гвардія ходила

на охоту по блузамъ, префектъ полиціи дѣлалъ облавы по рощамъ и катакомбамъ отыскивая скрывавшихся. Люди менѣе воинственные доносили, подслушивали.

До осени мы были окружены своими, сердились и грустили на родномъ языкѣ; Т. жили въ томъ-же домѣ, М. Ѳ. у насъ, А. и Т.р приходили всякой день; но все глядѣло вдаль, кружокъ нашъ расходился. Парижъ, вымытый кровью, не удерживалъ больше; всѣ собирались ѣхать безъ особенной необходимости, вѣроятно думая спастись отъ внутренной тягости, отъ Іюньскихъ дней взошедшихъ въ кровь, и которые они везли съ собой.

Зачѣмъ не уѣхалъ и я? Многое было бы спасено и мнѣ не пришлось бы принесть столько человѣческихъ жертвъ и столько самаго себя на закланіе богу жестокому и безпощадному.

День нашей разлуки съ Т-ми и съ М. Ѳ., какъ-то особо каркнулъ ворономъ въ моей жизни, я и этотъ сторожевой крикъ пропустилъ безъ вниманія, какъ сотни другихъ.

Всякій человѣкъ много испытавшій припомнитъ себѣ дни, часы, рядъ едва замѣтныхъ точекъ, съ которыхъ начинается переломъ, съ которыхъ вѣтеръ тянетъ съ другой стороны; эти знаменія или предостереженія вовсе не случайны, они послѣдствія, начальныя воплощенія готоваго вступить въ жизнь, обличенія тайно бродящаго и уже существующаго. Мы не замѣчаемъ эти психическія примѣты, смѣемся надъ ними какъ надъ просыпанной солонкой и потушеной свѣчей, потому что считаемъ себя несравненно независимѣе, нежели на дѣлѣ и гордо хотимъ сами управлять своей жизнію.

На канунѣ отъѣзда нашихъ друзей, они и еще человѣка три, четыре близкихъ знакомыхъ собрались у насъ. Путешественники должны были быть на желѣзной дорогѣ въ 7 часовъ утра; ложится спать не стоило труда, всѣмъ хотѣлось лучше вмѣстѣ провести послѣдніе часы. Сначала все шло живо, съ тѣмъ нервнымъ раздраженіемъ которое всегда бываетъ при разлукѣ, но мало по малу темное облако стало заволакивать всѣхъ . . . разговоръ не клеился, всѣмъ сдѣлалось не по-себѣ, налитое вино выдыхалось, натянутыя шутки не веселили. Кто-то увидя

разсвѣтъ отдернулъ занавесь и лица освѣтились синевато-блѣднымъ цвѣтомъ какъ на римской оргіи Кутюра.

Всѣ были печальны; я задыхался отъ грусти.

Жена моя сидѣла на небольшомъ диванѣ, передъ ней на колѣняхъ и скрывая лице на ея груди, стояла младшая дочь Т. "Consuelo di sua alma" какъ она ее звала. Она любила страстно мою жену и ѣхала отъ нея поневолѣ, въ глушь деревенской жизни; ея сестра грустно стояла возлѣ. Консуела шептала что-то сквозь слезъ, а въ двухъ шагахъ молча и мрачно сидѣла М. Ѳ.; она давно свыклась съ покорностью судьбѣ, она знала жизнь и въ ея глазахъ было просто "Прощайте", въ то время какъ сквозь слезы молодыхъ дѣвушекъ все-таки просвѣчивало "До свиданья."

Потомъ мы поѣхали ихъ провожать. Въ высокомъ, пустомъ, каменномъ амбаркадерѣ было пронзительно холодно, двери хлопали неистово и сквозный вѣтеръ дулъ со всѣхъ сторонъ. Мы усѣлись въ углу на лавкѣ; Т. пошелъ хлопотать съ чемоданами. Вдругъ дверь отворилась и два пьяныхъ старика шумно взошли въ залу. Платья ихъ были замараны, лица искажены, отъ нихъ несло дикимъ развратомъ. Они взошли ругаясь, одинъ хотѣлъ ударить другого, тотъ посторонился и размахнувшись что есть силы ударилъ его самаго въ лице, пьяный старикъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ. Голова его съ какимъ-то дребезжащимъ, пронзительнымъ звукомъ щелкнулась о каменной полъ; онъ вскрикнулъ, приподнялъ голову, кровь лилась ручьями по сѣдымъ волосамъ и камнямъ. Полиція и пасажиры съ неистовствомъ бросились на другаго старика.

Съ вечера раздраженные, взволнованные въ натянутомъ состояніи, мы крѣпились, но страшное эхо раздавшееся въ огромной залѣ отъ костянаго звука ударившагося черепа, произвело во всѣхъ что-то истерическое. Нашъ домъ и весь нашъ кругъ былъ во всѣ времена чисть и свободенъ отъ "траги-первическихъ явленій", но это было сверхъ силъ, я чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, жена моя была близка къ обмороку, а тутъ звонокъ—пора, пора! и мы остались вдругъ за рѣшеткой—одни.

Ничего нѣтъ грубѣе и оскорбительнѣе для разстающагося, какъ полицейскія мѣры во Франціи на желѣзныхъ дорогахъ; онѣ крадутъ у остающагося послѣднія двѣ-три минуты . . . они еще тутъ, машина не свиснула еще, поѣздъ не отошелъ, но между вами загородка, стѣна и рука полицейскаго— а вамъ хочется видѣть какъ сядутъ, какъ тронутся съ мѣста, потомъ слѣдить за отдаленіемъ, за пылью, дымомъ, точкой, слѣдить когда уже ничего не видать . . .

. . . Молча пріѣхали мы домой. Жена моя тихо проплакала всю дорогу, жаль ей было своей Консуело; по временамъ завертываясь въ шаль, она спрашивала меня, "Помнишь этотъ звукъ, онъ у меня въ ушахъ."

Дома я уговорилъ ее прилечь, а самъ сѣлъ читать газеты; читалъ, читалъ и premier Paris и фельетоны и смѣсь, взглянулъ на часы—еще не было двѣнадцати . . . вотъ день! Я пошелъ къ А., онъ тоже ѣхалъ на дняхъ; съ нимъ отправились мы гулять, улицы были скучнѣе чтенія, такая тоска . . . точно угрызенія совѣсти томили меня, "пойдемте ко мнѣ обѣдать," сказалъ я, и мы пошли. Жена моя была рѣшительно больна.

Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ. "И такъ рѣшено, спросилъ я А., прощаясь—вы ѣдите въ концѣ недѣли?

— Рѣшено.

— Жутко будетъ вамъ въ Россіи.

— Что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо, въ Петербургѣ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь и здѣсь теперь не богъ знаетъ какъ хорошо, какъ бы вамъ не пришлось раскаяться что остаетесь.

Я тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, Ребильо и Карлье не писали еще своихъ доносовъ, но внутри дѣло было рѣшено. Слова А. между тѣмъ все-таки непріятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервъ, я подумалъ и отвѣчалъ "Нѣтъ, для меня выбора нѣтъ, я долженъ остаться —и если раскаюсь, то скорѣе въ томъ, что не взялъ ружье когда мнѣ его подавалъ работникъ за барикадой на Place Maubert."

Много разъ въ минуты отчаянія и слабости, когда горечь переполняла мѣру, когда вся моя жизнь казалась мнѣ одной продолжительной ошибкой, когда я сомнѣвался въ самомъ себѣ, въ послѣднемъ, въ остальномъ—приходили мнѣ въ голову эти слова: "Зачѣмъ не взялъ я ружья у работника, и не остался за баррикадой." Невзначай сраженный пулей, я унесъ бы съ собой въ могилу еще два-три вѣрованія . . . .

. . . . . .

И опять потянулось время . . . день за день . . . сѣрое, скучное . . . Мелькали люди, сближались на день, проходили мимо, изчезали, гибли. Къ зимѣ стали являться изгнанники другихъ странъ, спасшіеся матросы другихъ кораблекрушеній; полные самоувѣренности, надеждъ, они принимали реакцію подымавшуюся во всей Европѣ, за мимолетный вѣтеръ, за легкую неудачу, они ждали завтра, черезъ недѣлю, свой чередъ . . .

Я чувствовалъ что они ошибаются, но мнѣ нравилась ихъ ошибка, я старался быть непослѣдовательнымъ, боролся съ собой, и жилъ въ какомъ-то тревожномъ раздраженіи. Время это осталось у меня въ памяти какъ чадной, угарной день . . . я метался отъ тоски туда, сюда, искалъ разсѣянія...въ книгахъ, въ шумѣ, въ домашнемъ отшельничествѣ, на людяхъ, но все чего-то недоставало, смѣхъ не веселилъ, тяжело пьянило вино, музыка рѣзала по сердцу и веселая бесѣда оканчивалась почти всегда мрачнымъ молчаніемъ.

Внутри все было оскорблено, все опрокинуто, очевидныя противурѣчія, хаосъ; снова ломка, снова ничего нѣтъ. Давно оконченныя основы нравственнаго быта превращались опять въ вопросы; факты сурово подымались со всѣхъ сторонъ и опровергали ихъ. Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія, оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантіи, а революціонныя знамена . . . изъ общихъ идей оно пробиралось въ жизнь. Пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и сомнѣніемъ переходящимъ въ поведеніе; мысль смѣла, языкъ дерзокъ, онъ легко произноситъ слова, которыхъ сердце

боится, въ груди еще тлѣютъ вѣрованія и надежды, тогда когда забѣжавшій умъ качаетъ головой. Сердце отстаетъ, потому что любитъ—и когда умъ приговариваетъ и казнитъ, оно еще прощается.

Можетъ въ юности, когда все кипитъ и несется, когда такъ много будущаго, когда потеря однихъ вѣрованій расчищаетъ мѣсто другимъ; можетъ въ старости когда все становится безразлично отъ устали, эти переломы дѣлаются легче;—но nel mezzo del camin di nostra vita, они достаются не даромъ.

Что-же наконецъ все это—шутка? Все завѣтное что мы любили, къ чему стремились, чему жертвовали. Жизнь обманула, исторія обманула, обманула въ свою пользу; ей нужны для закваски сумашедшіе, и дѣла нѣтъ что съ ними будетъ когда они придутъ въ себя, она ихъ употребила—пусть доживаютъ свой вѣкъ въ инвалидномъ домѣ. Стыдъ, досада! А тутъ возлѣ простосердечные друзья жмутъ плечами, удивляются вашему малодушію, вашему нетерпѣнію, ждутъ завтряшняго дня и вѣчно озабоченные, вѣчно занятые однимъ и тѣмъ же, ничего не понимаютъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, вѣчно идутъ—и все ни съмѣста...Они васъ судятъ, утѣшаютъ, журятъ — какая скука, какое наказанье!

"Люди вѣры, люди любви", какъ они называютъ себя въ противуположность намъ людямъ "сомнѣнья и отрицанья" не знаютъ что такое полоть съ корнемъ упованія взлѣлѣянныя цѣлой жизнію, они не знаютъ б о л ѣ з н и и с т и н ы, они не отдавали никакаго сокровища съ тѣмъ "громкимъ воплемъ" о которомъ говоритъ поэтъ:

Jch riss sie blutend aus dem wunden Herzen
Und weinte laut und gab sie hin.

Счастливые безумцы, никогда не трезвѣющіе, имъ незнакома внутренная борьбра, они страдаютъ отъ внѣшнихъ причинъ, отъ злыхъ людей и случайностей, внутри все цѣло, совѣсть покойна, они довольны. Оттого-то червь точащій другихъ имъ кажется капризомъ, эпикурезмомъ сытаго ума, праздной ироніей. Они видятъ что раненый смѣется надъ

своей деревяшкой и заключаютъ что ему операція ничего не стоила, имъ въ голову не приходитъ отъ чего онъ состарился не по лѣтамъ и какъ ноетъ отнятая нога при перемѣнѣ погоды при дуновеніи вѣтра.

Моя логическая исповѣдь, исторія недуга черезъ который пробивалась оскорбленная мысль, осталась въ рядѣ статей, составившихъ "Съ того берега". Я въ себѣ преслѣдовалъ ими послѣдніе идолы, я ироніей мстилъ имъ за боль и за обманъ; я не надъ ближнимъ издѣвался, а надъ самимъ собой и снова увлеченный мечталъ уже быть свободнымъ, но тутъ и запнулся. Утративъ вѣру въ слова и знамена, въ канонизированное человѣчество и единую спасающую церковь западной цивилизаціи, я вѣрилъ въ нѣсколько человѣкъ, вѣрилъ въ себя.

Видя что все рушится, я хотѣлъ спастись, начать новую жизнь, отойти съ двумя, тремя въ сторону, бѣжать, скрыться отъ . . . лишнихъ. И надменное поставилъ заглавіемъ послѣдней статьи : Omnia mea mecum porto !

Жизнь разпущенная, опаленная, полуувядшая въ омутѣ событій, въ круговоротѣ общихъ интересовъ—обособлялась, снова сводилась на періодъ юнаго лиризма, безъ юности, безъ вѣры. Съ этимъ fara da me, моя лодка должна была разбиться о подводные камни и разбилась. Правда я уцѣлѣлъ, но безъ всего . . .

IV.

ТИФОИДНАЯ ГОРЯЧКА.

Зимой 1848 года была больна моя маленькая дочь. Она долго разнемогалась, потомъ сдѣлалась небольшая лихорадка и казалось прошла; Райе, извѣстный докторъ, совѣтывалъ ее прокатить не смотря на зимній день. Погода была прекрасная, но не теплая. Когда ее привезли домой, она была необыкновенно блѣдна, просила ѣсть и недождавшись бульона уснула возлѣ насъ на диванѣ; прошло нѣсколько часовъ сонъ продолжался. Фохтъ, братъ натуралиста, студентъ медицины, случился у насъ. "Посмотрите, сказалъ онъ, на ребенка, вѣдь это вовсе не естественный сонъ." Мертвая, слегка синеватая блѣдность лица испугала меня, я положилъ руку на лобъ, лобъ былъ совершенно холодный. Я бросился самъ къ Райе, по счастью засталъ его дома и привезъ съ собой. Малютка не просыпалась; Райе приподнялъ ее, сильно потрёсъ и заставилъ меня громко звать ее по имени . . . она раскрыла глаза, сказала слова два и снова заснула тѣмъ-же сномъ, тяжелымъ, мертвымъ, дыханіе едва, едва было замѣтно; она въ этомъ состояніи, съ небольшими перемѣнами, оставалась нѣсколько дней, безъ пищи и почти безъ питья; губы почернѣли, ногти сдѣлались синіе, на тѣлѣ показались пятны, это была тифоидная горячка. Райе почти ничего не дѣлалъ, ждалъ, слѣдилъ за болѣзнью и не слишкомъ обнадеживалъ.

Видъ ребенка былъ страшенъ, я ждалъ съ часа на часъ кончины. Блѣдная и молчащая сидѣла моя жена, день и ночь

у кроватки, глаза ея покрылись тѣмъ жемчужнымъ отливомъ, которымъ высказывается усталь, страданіе, истощеніе силъ и неестественное напряженіе нервъ. Разъ часу во второмъ ночи мнѣ показалось что Тата не дышитъ, я смотрѣлъ на нее скрывая ужасъ, жена моя догадалась, "У меня кружится въ головѣ, сказала она мнѣ, дай воды." Когда я подалъ стаканъ, она была безъ чувствъ. И. Т. приходившій дѣлить мрачные часы наши, побѣжалъ въ аптеку за аммоніакомъ, — я стоялъ неподвижно между двумя обмершими тѣлами, смотрѣлъ на нихъ и ничего не дѣлалъ. Горничная терла руки, мочила виски моей женѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя. —Что? спросила она.—"Кажется Тата открывала глаза", сказала наша добрая, милая Луиза. Я посмотрѣлъ—будто просыпается; я назвалъ ее шопотомъ по имени, она раскрыла глаза и улыбнулась черными, сухими и растреснувшими губами. Съ этой минуты здоровье стало возвращаться.

Есть яды которые злѣе, мучительнѣе разлагаютъ человѣка, нежели дѣтскія болѣзни, я и ихъ знаю, но тупаго яда, берущаго истомой, обезсиливающаго въ тиши, оскорбляющаго страшной ролей празднаго свидѣтеля—хуже нѣтъ.

Тотъ кто разъ на своихъ рукахъ держалъ младенца и чувствовалъ какъ онъ холодѣлъ, тяжелѣлъ, становился каменнымъ; кто слышалъ послѣдній стонъ, которымъ тщедушный организмъ умоляетъ о пощадѣ, о спасеніи, просится остаться на свѣтѣ; кто видѣлъ на своемъ столѣ красивый гробикъ обитый розовымъ атласомъ и бѣленькое платьице съ кружевами такъ отличающееся отъ желтаго личика, тотъ при каждой дѣтской болѣзни будетъ думать—отчего-же не быть и другому гробику—вотъ на этомъ столѣ?

Несчастіе самая плохая школа! Конечно человѣкъ много испытавшій выносливѣе, но вѣдь это оттого что душа его помята, ослаблена. Человѣкъ изнашивается и становится трусливѣе отъ перенесеннаго. Онъ теряетъ ту увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, безъ которой ничего дѣлать нельзя; онъ становится равнодушнѣе, потому что свыкается съ страшными мыслями, наконецъ онъ боится несчастій эгоистически т. е. боится снова

перечувствовать рядъ щемящихъ страданій, рядъ замираній сердца, которыхъ память—не разносится съ тучами.

Стонъ больнаго ребенка наводитъ на меня такой внутренній ужасъ, обдаетъ такимъ холодомъ, что я долженъ дѣлать большія усилія, чтобъ побѣдить эту чисто п е р в ую память.

На другое утро той-же ночи, я въ первый разъ пошелъ пройтиться; на дворѣ было холодно, тротуары были слегка посыпаны инѣемъ, но не смотря ни на холодъ, ни на ранній часъ, толпы народа покрывали бульвары, мальчишки съ крикомъ продавали бюльтени — слишкомъ пять мильоновъ голосовъ клали связанную Францію къ ногамъ Людовика Наполеона.

Осиротѣвшая передняя, наконецъ нашла своего барина!

V.

ОТЪѢЗДЪ.

. . . Оставаться въ Парижѣ было безумно; я взялъ пассъ у одного Валаха и отправился въ Женеву. (*)

Тогда еще возили Францію Lafitte и Calliard, дилижансы ставили на желѣзную дорогу, потомъ снимали помнится въ Шалонѣ и опять гдѣ-то ставили. Со мной въ купѣ сѣлъ худощавый мущина, загорѣлый съ подстриженными усами, довольно непріятной наружности и подозрительно посматривавшій на меня, съ нимъ былъ небольшой сакъ и шпага завернутая въ клеенку. Очевидно что это былъ переодѣтый городской сержантъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, потомъ уткнулся въ уголъ и не произнесъ ни одного слова. На первой станціи онъ подозвалъ кондуктора и сказалъ ему что онъ забылъ превосходную карту, что онъ его обяжетъ давши ключекъ бумаги и пакетъ. Кондукторъ замѣтилъ, что онъ имѣетъ минуты три времени до звонка, сержантъ выпрыгнулъ и возвратившись, еще подозрительнѣе осматривалъ меня. Часа четыре продолжалось молчаніе, даже позволеніе курить онъ у меня спросилъ молча и я отвѣчалъ также головой и глазами и вынулъ самъ сигару, Къ вечеру онъ спросилъ меня: "Вы въ Женеву?"—"Нѣтъ, въ Ліонъ," отвѣчалъ я. — "А!" — Тѣмъ разговоръ и кончился. Черезъ нѣсколько времени отворилась дверь и кондукторъ съ затру-

(*) Какъ справедливы были мои опасенія, доказалъ полицейской обыскъ, сдѣланный дня три послѣ моего отъѣзда въ домѣ моей матери въ Ville d'Avray. У нея захватили всѣ бумаги, даже переписку ея горничной съ моимъ поваромъ. Разсказъ о 13 Іюнѣ, я не счелъ своевременнымъ печатать теперь.

дненіемъ всунулъ плѣшивую фигуру, въ пространномъ гороховомъ пальто, въ цвѣтномъ жилетѣ, съ толстой тростью, мѣшкомъ, зонтикомъ и огромнымъ животомъ. Когда этотъ типъ добродѣтельнаго дяди, усѣлся между мной и сержантомъ, я его спросилъ не давши ему придти въ себя отъ одышки, Monsieur, vous n'avez pas d'objection? Онъ кашляя, обтирая потъ и повязывая фуляромъ голову, отвѣчалъ мнѣ: "Сдѣлайте одолженіе, помилуйте, мой сынъ который теперь въ Алжирѣ, всегда куритъ, il fume tojours" и потомъ съ легкой руки пошелъ разсказывать и болтать; черезъ полчаса онъ уже допросилъ меня откуда я и куда ѣду, услышавъ что я изъ Валахіи, онъ съ свойственной Французу учтивостью прибавилъ: "Ah! c'est un beau pays," хотя и не зналъ навѣрно въ Турціи она или въ Венгріи.

Сосѣдъ мой отвѣчалъ на его вопросы очень лаконически. —Monsieur est militaire ?—Oui, monsieur. — Monsieur a été en Algérie?—Oui, Monsieur. —Мой сынъ тоже, старшій, онъ и теперь тамъ. — Вы вѣрно въ Оранъ? —Non, monsieur.—А въ вашихъ странахъ есть дилижансы?—Между Ясами и Бухарестомъ, отвѣчалъ я съ неподражаемой самоувѣренностью. Только у насъ дилижансы ходятъ на волахъ. — Это привело въ крайнее удивленіе моего сосѣда и онъ навѣрно присягнулъ бы что я Валахъ; послѣ этой счастливой подробности, даже сержантъ смягчился и сталъ разговорчивѣе.

Въ Ліонѣ я взялъ свой чемоданъ и тотчасъ поѣхалъ въ другую дилижансъ-контору, вскарабкался на имперіалъ и черезъ пять минутъ скакалъ уже по женевской дорогѣ. Въ послѣднемъ большомъ городѣ, на площадкѣ передъ полицейскимъ домомъ сидѣлъ за столомъ комисаръ полиціи съ писаремъ, около стояли жандармы, тутъ свидѣтельствовали предварительно пассы. Примѣты не совсѣмъ шли ко мнѣ, а потому слѣзая съ имперіала, я сказалъ жандарму — Mon brave, пожалуста гдѣ бы на скорую руку выпить стаканъ вина съ вами, укажите, такой жаръ мочи нѣтъ.

— Да вотъ тутъ два шага кафе моей родной сестры.

— А какъ-же быть съ пассомъ?

— Давайте сюда, я отдамъ моему товарищу, онъ принесетъ.

Черезъ минуту мы осушали съ жандармомъ бутылку Бонъ въ кафѣ его родной сестры, а черезъ пять его пріятель принесъ пассъ, я ему поднесъ стаканъ, онъ приложилъ руку къ киверу и мы отправились друзьями къ дилижансу. Первой разъ сошло хорошо съ рукъ. Пріѣзжаемъ на границу—рѣка, на рѣкѣ мостъ, за мостомъ піэмонтская таможня. Французскіе жандармы на берегу таскаются во всѣхъ направленіяхъ, ищутъ Ледрю-Роллена, который давно проѣхалъ или покрайней мѣрѣ Феликса Пья, который все-таки проѣдетъ, и также какъ я съ валахскимъ пассомъ.

Кондукторъ замѣтилъ намъ, что здѣсь окончательно смотрятъ виды, что это продолжается довольно долго, съ полчаса, въ силу чего совѣтывалъ поѣсть въ почтовомъ трахтирѣ. Мы взошли и только усѣлись, прикатилъ другой ліонской дилижансъ; входятъ пасажиры и первой—мой сержантъ; фу пропасть какая, я-же ему сказалъ что ѣду въ Ліонъ. Мы съ нимъ сухо поклонились, онъ также кажется удивился, однако не сказалъ ни слова.

Пришелъ жандармъ роздалъ пассы, дилижансы были уже на той сторонѣ; "извольте господа отправляться пѣшкомъ черезъ мостъ." Вотъ тутъ-то думаю и пойдетъ исторія. Вышли мы . . . вотъ и на мосту—исторіи нѣтъ, вотъ и за мостомъ—исторіи нѣтъ.

— Ха, ха, ха, сказалъ нервно смѣясь сержантъ, переѣхали таки, фу, какъ будто какая-нибудь тяжесть свалилась.

— Какъ, сказалъ я, да вы?

— Да вѣдь и вы кажется?

— Помилуйте, отвѣчалъ я, смѣясь отъ души, прямо изъ Бухареста, чуть не на волахъ.

— Ваше счастье, сказалъ мнѣ кондукторъ грозя пальцемъ, а впередъ будьте осторожнѣе, зачѣмъ вы мальчику который васъ привелъ въ контору, дали два франка на водку. Хорошо что онъ тоже нашъ, онъ мнѣ тотчасъ сказалъ, должно быть

красный, ни минуты не остался въ Ліонѣ, и такъ обрадовался мѣсту, что мнѣ далъ два франка на водку. Ну молчи, не твое дѣло, сказалъ я ему, а то услышитъ бестія какая-нибудь полицейская пожалуй и остановитъ.

На другой день мы пріѣали въ Женеву, эту старинную гавань гонимыхъ .... "Во время смерти короля сто пятдесятъ семействъ, говоритъ Мишле въ своей исторіи XVI столѣтія, бѣжали въ Женеву; спустя нѣкоторое время еще тысяча четыреста. Выходцы французскіе и выходцы изъ Италіи основали истинную Женеву, это удивительное убѣжище между тремя націями; безъ всякой опоры, боясь самихъ Швейцарцевъ, оно держалось одной нравственной силой."

Швейцарія была тогда сборнымъ мѣстомъ куда сходились со всѣхъ сторонъ уцѣлѣвшіе остатки европейскихъ движеній. Представители всѣхъ неудавшихся революцій, кочевали между Женевой и Базелемъ, толпы ополченцевъ переходили Рейнъ, другіе спускались съ С. Готара или шли изъ-за Юры. Трусливое федеральное правительство еще не смѣло открыто ихъ гнать, кантоны еще держались за свое старинное, святое право убѣжища.

Точно на смотру, церемоніяльнымъ маршемъ проходили по Женевѣ, останавливались, отдыхали и шли дальше, всѣ эти люди, которыми была полна молва, которыхъ я любилъ за очно и къ которымъ теперь торопился на встрѣчу ...

VI.

IL PIANTO

Послѣ Іюньскихъ дней я видѣлъ что революція побѣждена; но вѣрилъ еще въ побѣжденныхъ, въ падшихъ, вѣрилъ въ чудотворную силу мощей, въ ихъ нравственную могучесть; въ Женевѣ я сталъ понимать яснѣе и яснѣе, что революція не только побѣждена, но что она должна была быть побѣжденной.

У меня кружилась голова отъ моихъ открытій, пропасть открывалась передъ глазами и я чувствовалъ какъ почва изчезала подъ ногами.

Не реакція побѣдила революцію. Реакція вездѣ оказалась тупой, трусливой, выжившей изъ ума, она вездѣ позорно отступила за уголъ передъ напоромъ народной волны и воровски выжидала времени въ Парижѣ и въ Неаполѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Революція пала какъ Агрипина подъ ударами своихъ дѣтей и что всего хуже безъ ихъ сознанія; геройзма, юношескаго самоотверженія было больше нежели разумѣнія, и чистыя, благородныя жертвы пали, не зная за что. Судьба остальныхъ врядъ не была-ли печальнѣе. Они въ раздорѣ между собой, въ личныхъ спорахъ, въ печальномъ самообольщеніи, разъѣдаемые необузданнымъ самолюбіемъ, останавливались на своихъ неожиданныхъ дняхъ торжества и не хотѣли ни снять увядшихъ вѣнковъ, ни вѣнчальнаго наряда, не смотря на то что невѣста обманула.

Несчастія, праздность и нужда внесли нетѣрпимость, упрямство, раздраженіе . . . эмиграціи разбивались на меленькія

кучки, которыхъ средоточіемъ дѣлались имена, ненависти, а не начала. Взглядъ постоянно обращенный назадъ и исключительное, замкнутое общество—начало выражаться въ рѣчахъ и мысляхъ, въ пріемахъ и одеждѣ; новый цѣхъ складывался и костѣнѣлъ рядомъ съ другими, цѣхъ выходцевъ. И такъ какъ Василій великій писалъ Григорію Назіанзину, что онъ "утопаетъ въ постѣ и наслаждается лишеніями", такъ явились теперь добровольные мученики, страдавшіе по званію, несчастные по ремеслу, и въ ихъ числѣ добросовѣстнѣйшіе люди; да и Василій великій откровенно писалъ своему другу объ оргіяхъ плотоумерщвленіяхъ и о нѣгѣ гоненія! Но при всемъ этомъ, сознаніе не двигалось ни на шагъ, мысль дремала... И еслибъ эти люди были призваны звукомъ новой трубы и поваго набата, они какъ девять спящихъ дѣвъ, продолжали бы тотъ день въ который заснули.

—Сердце изнывало отъ этихъ тяжелыхъ истинъ, трудную страницу воспитанія приходилось пережить.

...Печально сидѣлъ я разъ въ мрачномъ, непріятномъ Цюрихѣ, въ столовой у моей матери; это было въ концѣ Декабря 1849. Я ѣхалъ на другой день въ Парижъ; день былъ холодный, снѣжный, два-три полѣна нехотя, дымясь и треща, горѣли въ каминѣ, всѣ были заняты укладкой, я сидѣлъ одинъ одинехонекъ: женевская жизнь носилась передъ глазами, впереди все казалось темно, я чего-то боялся и мнѣ было такъ невыносимо, что еслибъ я могъ, я бросился бы на колѣна и плакалъ бы, и молился бы, но я не могъ и вмѣсто молитвы написалъ проклятіе—мой эпилогъ къ 1849. (*)

"Разочарованіе, усталь, Blasirtheit!" сказали объ этихъ выболѣвшихъ строкахъ демократическіе рецензенты. Да, разочарованіе! Да, усталь!... Разочарованіе, слово битое, пошлое, дымка подъ которой скрывается лѣнь сердца, эгоизмъ придающій себѣ видъ любви, звучная пустота самолюбія, имѣющаго притязаніе на все, силы — ни на что. Давно надоѣли намъ всѣ эти высшія, неузнанныя натуры, исхудалыя

(*) См. "Съ того берега" страницу 151.

отъ зависти и несчастный отъ высокомѣрія—въ жизни и въ романахъ. Все это совершенно такъ, а врядъ нѣтъ-ли чего либо истиннаго, особенно принадлежащаго нашему времени на днѣ этихъ страшныхъ психическихъ болей, вырождающихся въ смѣшныя пародіи и въ пошлой маскарадъ.

Поэтъ нашедшій слово и голосъ для этой боли, былъ слишкомъ гордъ чтобъ притворяться, чтобъ страдать для рукоплесканій, напротивъ онъ часто свою горькую мысль высказывалъ съ такимъ юморомъ, что добрые люди помирали со смѣха. Разочарованіе Байрона больше нежели капризъ, больше нежели личное настроеніе. Байронъ сломился оттого, что его жизнь обманула. А жизнь обманула не потому что требованія его были ложны, а потому что Англія и Байронъ были двухъ розныхъ возрастовъ, двухъ розныхъ воспитаній и встрѣтились именно въ ту эпоху, въ которую туманъ разсѣялся.

Разрывъ этотъ существовалъ и прежде, но въ нашъ вѣкъ онъ пришелъ къ сознанію, въ нашъ вѣкъ больше и больше обличается невозможность посредства какимъ-нибудь вѣрованіемъ. За римскимъ разрывомъ шло Христіанство, за Христіанствомъ вѣра въ цивилизацію, въ человѣчество. Либерализмъ составляетъ послѣднюю религію, но его церковь не другаго міра, а этаго, его теодиція—политическое ученіе; онъ стоитъ на землѣ и не имѣетъ мистическихъ примиреній, ему надобно мириться въ самомъдѣлѣ. Торжествующій и потомъ побитый либерализмъ раскрылъ разрывъ во всей наготѣ; болѣзненное сознаніе этаго выражается ироніей современнаго человѣка, его скептицизмомъ, которымъ онъ мететъ осколки разбитыхъ кумировъ.

Ироніей высказывается досада, что истина логическая не одно и тоже съ истиной исторической, что сверхъ діалектическаго развитія, она имѣетъ свое страстное и случайное развитіе, что сверхъ своего разума, она имѣетъ свой романъ.

Разочарованья (*) въ нашемъ смыслѣ слова, до революціи

(*) Вообще "нашъ" скептицизмъ не былъ извѣстенъ въ прошломъ вѣкѣ, одинъ Дидро и Англія дѣлаютъ исключеніе. Въ Англіи скептицизмъ былъ съ давнихъ временъ дома и Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ.

не знали; XVIII столѣтіе было одно изъ самыхъ религіозныхъ временъ исторіи. Я уже не говорю о великомученикѣ С. Жюстѣ или объ апостолѣ Жан-Жакѣ, но развѣ Папа Вольтеръ, благославлявшій Франклинова внука во имя Бога и Свободы, не былъ піэтистъ своей человѣческой религіей?

Скептицизмъ провозглашенъ вмѣстѣ съ республикой 22 Сентября 1792 года.

Якобинцы и вообще революціонеры принадлежали къ меньшинству отдѣлившемуся отъ народной жизни развитіемъ, они составляли нѣчто въ родѣ свѣтскаго духовенства, готоваго пасти стада людскія. Они представляли в ы с ш у ю мысль своего времени, его в ы с ш е е, но не о б щ е е сознаніе, не м ы с л ь всѣхъ.

У новаго духовенства не было понудительныхъ средствъ, ни фантастическихъ, ни насильственныхъ — съ той минуты какъ власть выпала изъ ихъ рукъ, у нихъ было одно орудіе, убѣжденіе, но для убѣжденія недостаточно п р а в о т ы, въ этомъ вся ошибка, а необходимо еще одно—м о з г о в о е р а в е н с т в о!

Пока длилась отчаянная борьба, при звукахъ святой пѣсни Гугенотовъ и святой Марсельезы, пока костры горѣли и кровь лилась, этого неравенства не замѣчали; но наконецъ тяжелое зданіе феодальной монархіи рухнулось, долго ломали стѣны, отбивали замки . . . . . еще ударъ — еще проломъ сдѣланъ, храбрые впередъ, вороты отперты—и толпа хлынула, только не та которую ждали. Кто это такіе? Изъ какого вѣка? Это не Спартанцы, не великій populus Romanus. Davus sum non Œdipus! Неотразимая волна грязи залила все. Въ террорѣ 93, 94 года выразился внутренній ужасъ Якобинцевъ, они увидѣли страшную ошибку, хотѣли ее поправить гильотиной, но сколько ни рубили головъ, все-таки склонили свою собственную передъ силою восходящаго общественнаго слоя. Все ему покорилось, онъ пересилилъ революцію и реакцію, онъ затопилъ старыя формы и наполнилъ ихъ собой, потому что онъ составлялъ единственно дѣятельное и современное большинство, Сіэсъ былъ больше правъ нежели думалъ, говоря что мѣщане — "все."

Мѣщане не были произведены революціей, они были готовы съ своими преданіями, и нравами, чуждыми на другой ладъ революціонной идеи. Ихъ держала аристократія въ черномъ тѣлѣ и на третьемъ планѣ; освобожденные, они прошли по трупамъ освободителей и ввели свой порядокъ. Меньшинство было или раздавлено или распустилось въ мѣщанство.

Нѣсколько человѣкъ каждаго поколѣнія оставались упорными хранителями идеи вопреки событіямъ; эти Левиты ея, а можетъ Астеки, несутъ несправедливую казнь за монополъ исключительнаго развитія, за мозговое превосходство сытыхъ кастъ, кастъ досужихъ, имѣвшихъ время работать не одними мышцами.

Насъ сердитъ, выводитъ изъ себя нелѣпость несправедливость этаго факта. Какъ будто кто-нибудь (кромѣ насъ самихъ) обѣщалъ, что все въ мірѣ будетъ изящно, справедливо и идти какъ по маслу. Довольно удивлялись мы отвлеченной премудрости природы и историческаго развитія, пора догадаться что въ природѣ и исторіи много случайнаго, глупаго, неудавшагося, спутаннаго. Разумъ, мысль всегда на концѣ, это заключеніе; все начинается тупостью новорожденнаго; возможность и стремленіе лежатъ въ немъ, но прежде нежели онъ дойдетъ до развитія, и сознанія, онъ подвергается ряду внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, отклоненій, остановокъ; у одного вода размягчитъ мозгъ, другой падая сплюснетъ его, оба останутся идіотами, третій не упадетъ, не умретъ скарлатиной — и сдѣлается поэтомъ, военачальникомъ, бандитомъ, судьей. Мы вообще въ природѣ, въ исторіи и въ жизни, всего больше знаемъ удачи и успѣхи; мы теперь только начинаемъ чувствовать, что не все такъ хорошо подтасовано, какъ казалось, потому что мы сами неудача, проигранная карта.

Сознаніе безсилія идеи, отсутствія обязательной силы истины надъ дѣйствительнымъ міромъ, огорчаетъ насъ. Новаго рода манихеизмъ овладѣваетъ нами, мы готовы par dépit вѣрить въ разумное (т. е. намѣренное) зло, какъ вѣрили въ разумное добро, это послѣдняя дань которую мы платимъ идеализму.

Боль эта пройдетъ со временемъ, трагической и страстный характеръ уляжется; ее почти нѣтъ въ Новомъ Свѣтѣ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ народъ молодой, предпріимчивый, болѣе дѣловой нежели умный, до того занятъ устройствомъ своего жилья, что вовсе не знаетъ нашихъ мучительныхъ болей. Тамъ сверхъ того нѣтъ и двухъ образованій. Лица, составляющіе слои въ тамошнемъ обществѣ, безпрестанно мѣняются, они подымаются, опускаются съ итогомъ credit и debit каждаго. Дюжая порода англійскихъ колонистовъ, разростается страшно; если она возметъ верхъ, люди съ ней не сдѣлаются счастливѣе, но будутъ довольнѣе. Довольство это будетъ пошлѣе, бѣднѣе, суше того, которое носилось въ идеалахъ романской Европы, но съ нимъ не будетъ ни царей, ни централизаціи, а можетъ не будетъ и голода. Кто можетъ совлечь съ себя стараго европейскаго Адама и переродиться въ новаго Іонатана, тотъ пусть ѣдитъ съ первымъ пароходомъ куда-нибудь въ Висконсинъ или Канзасъ, тамъ навѣрно ему будетъ лучше нежели въ европейскомъ разложеніи.

Тѣ которые не могутъ, тѣ останутся доживать свой вѣкъ какъ обращики прекраснаго сна, которымъ дремало человѣчество. Они слишкомъ жили фантазіей и идеалами, чтобъ войти въ разумной американской возрастъ.

Большой бѣды въ этомъ нѣтъ, насъ не много и мы скоро вымремъ!

Но какъ люди такъ развиваются вонъ изъ своей среды? . .

Представьте себѣ оранжерейнаго юношу, хоть того, который описалъ себя въ the Dream, представьте его себѣ лицемъ къ лицу съ самымъ скучнымъ, съ самымъ тяжелымъ обществомъ, лицемъ къ лицу съ уродливымъ минотавромъ англійской жизни, неловко спасеннымъ изъ двухъ животныхъ, одного дряхлаго, другаго по колѣна въ топкомъ болотѣ, раздавленнаго какъ Каріатида, котораго постоянно натянутые мышцы не даютъ ни капли крови мозгу. Еслибъ онъ умѣлъ приладиться къ этой жизни, онъ вмѣсто того чтобъ умереть за тридцать лѣтъ въ Греціи, былъ бы теперь Лордъ Пальмерстонъ или Сиръ Джонъ Россель. Но такъ какъ онъ не могъ, то ничего

нѣтъ удивительнаго, это онъ съ своимъ Чайльдомъ говоритъ кораблю: — "Неси меня куда хочешь — только вдаль отъ родины."

Но что-же ждало его въ этой дали? Испанія вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Грецiя, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 года; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равенѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетвориться по нѣмецки теоріями sub species eternitatis, ни по французски политической болтовней, и онъ сломился, но сломился какъ грозный Титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе, не золотя пилюли.

Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ какъ поэтъ и геній сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода отъ 1830 къ 1848 г. и гнуснаго отъ 48 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ. И мы какъ Байронъ не знаемъ куда дѣться, куда преклонить голову.

Реалисть Гёте такъ-же какъ романтикъ Шиллеръ, этой разорванности не знали. Одинъ былъ слишкомъ религіозенъ, другой слишкомъ философъ. Оба могли примиряться въ отвлеченныхъ сферахъ. Когда "духъ отрицанья" является такимъ шутникомъ какъ Мефистофель, тогда разрывъ еще не страшенъ; насмѣшливая и вѣчно противурѣчащая натура его, еще расплывется въ высшей гармоніи и въ свое время прозвучитъ всѣму—sie ist gerettet. Не таковъ Люциферъ въ Каинѣ; это печальный Ангелъ тьмы, на его лбу тускло мерцаетъ звѣзда горькой думы, полнаго внутренняго распаденія, котораго концы не сведешь. Онъ не остритъ отрицаніемъ, не смѣшитъ дерзостью невѣрія, не манитъ чувственностью, не достаетъ ни наивныхъ дѣвочекъ, ни вина, ни брильянтовъ, а спокойно влечетъ къ убійству, тянетъ къ себѣ, къ преступленью—той непонятой силой, которой зоветъ человѣка въ иныя минуты стоячая вода, освѣщенная мѣсяцемъ—ничего не обѣщая въ безотрадныхъ, холодныхъ, мерцающихъ объятіяхъ своихъ, кромѣ смерти.

Ни Каинъ, ни Манфредъ, ни Донъ-Жуанъ, ни Байронъ, не имѣютъ никакаго заключенія, никакаго вывода, никакой раз-

вязки, никакаго "правоученія." Можетъ съ точки зрѣнія драматическаго искуства это и не идетъ, но въ этомъ-то и печать искренности и глубины разрыва. Эпилогъ Байрона, его послѣднее слово, если вы хотите, это the Darkness, вотъ результатъ жизни начавшейся со "Сна". Дорисуйте картину сами: Два врага, обезображенные голодомъ умерли, ихъ съѣли какія-нибудь ракообразныя животныя . . . корабль догниваетъ —смоленой канатъ качается себѣ по мутнымъ волнамъ въ темнотѣ, холодъ страшный, звѣри вымираютъ, исторія уже умерла и мѣсто расчищено для новой жизни, наша эпоха зачислится въ четвертую формацію, т. е. если новый міръ дойдетъ до того, что съумѣетъ считать до четырехъ.

Наше историческое призваніе, наше дѣяніе въ томъ и состоитъ, что мы нашимъ разочарованіемъ, нашимъ страданіемъ доходимъ до смиренія и покорности передъ истиной, и избавляемъ отъ этихъ скорбей слѣдующія поколѣнія. Нами человѣчество протрѣзвляется, мы его спохмѣлье, мы его боли родовъ. Если роды кончатся хорошо, все пойдетъ на пользу; но мы не должны забывать, что по дорогѣ можетъ умереть ребенокъ или мать, а можетъ и оба, и тогда—ну тогда исторія съ своимъ мормонизмомъ начнетъ новую беременность . . . E sempre bene, господа!

Мы знаемъ какъ природа распоряжается съ личностями—послѣ, прежде, безъ жертвъ, на грудахъ труповъ — ей все равно, она продолжаетъ свое, или такъ продолжаетъ что попало—десятки тысячъ лѣтъ наноситъ какой-нибудь кораловой рифъ, всякую весну покидая смерти забѣжавшіе ряды. Полипы умираютъ не подозрѣвая что они служили прогрессу рифа.

Чѣму-нибудь послужимъ и мы. Взойти въ будущее какъ элементъ, не значитъ еще, что будущее исполнитъ наши идеалы. Римъ не исполнилъ ни Платонову республику, ни вообще греческой идеалъ. Средніе вѣка не были развитіемъ Рима. Современная мысль западная взойдетъ, воплотится въ исторію, будетъ имѣть свое вліяніе и мѣсто, такъ какъ тѣло наше взойдетъ въ составъ травы, барановъ,

котлетъ, людей. Намъ не нравится это безсмертіе—что-же съ этимъ дѣлать?

Теперь я уже привыкъ къ этимъ мыслямъ, они не пугаютъ меня. Но въ концѣ 1849 года, я былъ ошеломленъ ими, и не смотря на то, что каждое событіе, каждая встрѣча, каждое столкновеніе, лице—на перерывъ обрывали послѣдніе зеленые листы, я еще упрямо и судорожно искалъ выхода.

Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко мужественную мысль Байрона. Онъ видѣлъ что выхода нѣтъ и гордо высказалъ это.

Я былъ несчастенъ и смущенъ когда эти мысли начали посѣщать меня; я всячески хотѣлъ бѣжать отъ нихъ . . . . я стучался какъ путникъ потерявшій дорогу, какъ нищій во всѣ двери, останавливалъ встрѣчныхъ и распрашивалъ о дорогѣ, но каждая встрѣча и каждое событіе вели къ одному результату — къ смиренію передъ истиной, къ самоотверженному принятію ея.

. . . Три года тому назадъ я сидѣлъ у изголовья больной и видѣлъ какъ смерть стягивала ее безжалостно шагъ за шагомъ въ могилу. Эта жизнь была все мое достояніе. Мгла стлалась около меня, я дичалъ въ тупомъ отчаяніи, но не тѣшилъ себя надеждами, не предалъ своей горести ни на минуту, одуряющей мысли о свиданіи за гробомъ.

Такъ ужъ съ общими вопросами и подавно не стану кривить душой!

Прими сей черепъ—онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.

А. Пушкинъ.

На этомъ пока и остановимся. Когда-нибудь напечатаю я выпущенныя главы и напишу другія, безъ которыхъ разсказъ мой останется непонятнымъ, усѣченнымъ, можетъ ненужнымъ, во всякомъ случаѣ будетъ не тѣмъ, что я хотѣлъ,—но все это послѣ, гораздо послѣ . . .

Теперь растанемтесь и на прощанье одно слово къ вамъ, друзья юности.

Когда все было схоронено, когда даже шумъ, долею вызванный мною, долею самъ накликавшійся, улегся около меня и люди разошлись по домамъ, я приподнялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ; живаго, роднаго не было ничего кромѣ дѣтей. Побродивши между постороннихъ, еще присмотрѣвшись къ нимъ, я пересталъ въ нихъ искать своихъ и отъучился—не отъ людей, а отъ близости съ ними.

Правда подъ часъ кажется, что еще есть въ груди чувства, слова, которыхъ жаль не высказать, которыя сдѣлали бы такъ много добра, по-крайней мѣрѣ отрады слушающему и становится жаль зачѣмъ все это должно заглохнуть и пропасть въ душѣ какъ взглядъ разсѣвается и пропадаетъ въ пустой дали . . . но и это скорѣе догорающее зарево, отраженіе прошедшаго.

Къ нему-то я и обернулся. Я оставилъ чужой мнѣ міръ и воротился къ вамъ; и вотъ мы съ вами живемъ второй годъ какъ бывало, видаемся каждый день и ничего не перемѣнилось, никто не отошелъ, не состарѣлся, никто не умеръ

—и мнѣ такъ дома съ вами и такъ ясно, что у меня нѣтъ другой почвы кромѣ нашей, другаго призванія кромѣ того, на которое я себя обрѣкалъ съ дѣтскихъ лѣтъ.

Разсказъ мой о быломъ можетъ скученъ, слабъ—но вы, друзья, примите его радушно; этотъ трудъ помогъ мнѣ пережить страшную эпоху, онъ меня вывелъ изъ праздпаго отчаянія, въ которомъ я погибалъ, онъ меня воротилъ къ вамъ. Съ нимъ я вхожу не весело, но спокойно, (какъ сказалъ поэтъ котораго я безмѣрно люблю) (*) въ мою зиму.

Такъ, безъ вашей воли, безъ вашего вѣдома, вы выручили меня, примите-же сей черепъ—онъ вамъ принадлежитъ по праву.

(*) Lieta no . . . ma sicura! говоритъ Леопарди о Смерти въ своемъ Ruysch e i suoi mommie.

Я знаю, что мое воззрѣніе на Европу, встрѣтитъ у насъ дурной пріемъ. Мы для утѣшенія себя хотимъ другой Европы и вѣримъ въ нее такъ, какъ Христіане вѣрятъ въ рай. Разрушать мечты вообще дѣло непріятное, но меня какая то внутренная сила, которой я не могу побѣдить, заставляетъ высказывать истину —даже въ тѣхъ случаяхъ когда она мнѣ вредна.

Мы вообще знаемъ Европу школьно, литературно, т. е. мы не знаемъ ее, а судимъ à livre ouvert, по книжкамъ и картинкамъ, такъ какъ дѣти судятъ по Orbis pictus о настоящемъ мірѣ и воображаютъ, что всѣ женщины на сандвичевыхъ островахъ держутъ руки надъ головой съ какими-то бубнами, и что гдѣ есть голый негръ, то непремѣнно въ пяти шагахъ отъ него стоитъ левъ съ растрепаной гривой или тигръ съ злыми глазами.

Наше классическое незнаніе западнаго человѣка надѣлаетъ много бѣдъ, изъ него еще разовьются племенныя ненависти и кровавыя столкновенія.

Во-первыхъ, намъ извѣстенъ только одинъ верхній, образованный слой Европы, который накрываетъ собой тяжелый фундаментъ народной жизни, сложившійся вѣками, выведенный инстинктомъ по законамъ мало извѣстнымъ въ самой Европѣ. Западное образованіе не проникаетъ въ эти циклопическія работы, которыми исторія приросла къ землѣ и граничитъ съ геологіей. Европейскіе государства спасены изъ двухъ народовъ, которыхъ особенности поддерживаются совершенно розными воспитаніями. Восточнаго единства, вслѣдствіе котораго Турокъ подающій чубукъ и Турокъ великій визирь похожи другъ на друга, здѣсь нѣтъ. Массы сельскаго населенія послѣ религіозныхъ войнъ и крестьянскихъ возстаній, не принимали никакого дѣйствительнаго участія въ событіяхъ; они ими увлекались на право или на лѣво, такъ какъ нивы — не оставляя ни на минуту своей почвы.

Во-вторыхъ, и тотъ слой который намъ знакомъ, съ которымъ мы входимъ въ соприкосновеніе, мы знаемъ исторически, несовременно. Поживши годъ, другой въ Европѣ, мы съ удивленіемъ видимъ, что вообще западные люди не соотвѣтствуютъ нашему понятію о нихъ, что они гораздо ниже его.

Въ идеалъ составленный нами входятъ элементы вѣрные, но, или не существующіе болѣе или совершенно измѣнившіеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократическихъ правовъ, строгая чинность протестантовъ, гордая независимость Англичанъ, роскошная жизнь итальянскихъ художниковъ, искрящійся умъ энциклопедистовъ и мрачная энергія террористовъ—все это переплавилось и переродилось въ цѣлую совокупность другихъ господствующихъ правовъ, правовъ мѣщанскихъ. Они составляютъ цѣлое, т. е. замкнутое, окончанное въ себѣ

воззрѣніе на жизнь, съ своими преданіями и правилами, съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими пріемами и съ своей нравственностью *низшаго порядка*.

Такъ какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра, господа замѣнились хозяевами. Купецъ самъ по себѣ лице стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ и другимъ который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто въ родѣ дороги, повозки, средства.

Рыцарь былъ больше *онъ самъ*, больше *лице* и берегъ какъ понималъ свое достоинство, отгого-то онъ въ сущности и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его личность была главное; въ мѣщанинѣ личность прячется или не выступаетъ, потому что не она главное, главное товаръ, дѣло, вещь, главное *собственность*.

Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и піэтистъ, но онъ былъ во всемъ открытъ и откровененъ; къ тому-же онъ всегда готовъ былъ лечь костьми за то, что онъ считалъ правымъ; у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень произвольный, но отъ котораго онъ не отступалъ безъ утраты собственнаго уваженія или уваженія ровныхъ.

Купецъ человѣкъ мира, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; расчетливой, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ и такъ какъ рыцарь вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, онъ мѣрится съ нимъ—*хитростью*. Его предки средневѣковые горожане, спасаясь отъ насилій и грабежа, принуждены были лукавить, они покупали покой и свое собственное достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки держа шляпу и кланяясь въ поясъ, общитывали рыцаря; качая головой и вздыхая говорили сосѣдамъ о своей бѣдности, зарывая потихоньку деньги въ землю. Все это естественно перешло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физіологическимъ признакомъ особаго вида людскаго — называемаго *среднимъ состояніемъ*.

Пока оно было въ несчастномъ положеніи и соединялось съ свѣтлой закрапной аристократіи для защиты своей вѣры, для завоеванія своихъ правъ, оно было исполнено величія и поэзіи. Но этаго стало не на долго и Санчо-Панса завладѣвъ мѣстомъ, запросто развалился на просторѣ, далъ себѣ полную волю и потерялъ свой народный юморъ, свой здравый смыслъ; вулгарная сторона его натуры взяла верхъ.

Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось исподволь въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бугалтерской честностью, изящные нравы — правами чинными, вѣжливость—чопорностью, гордость—обидчивостью, парки—огородами, дворцы — гостинницами, открытыми для *всѣхъ* (т. е. для всѣхъ имѣющихъ деньги.)

Прежнія, устарѣлыя, но послѣдовательныя понятія объ отношеніяхъ между людьми были потрясены, но новаго сознанія *настоящихъ* отношеній между людьми не было раскрыто. Хаотическій просторъ этотъ, особенно способствовалъ развить всѣ мелкія и дурныя стороны мѣщанства подъ всемогущимъ вліяніемъ ничѣмъ необузданнаго стяжанія.

Разберите моральныя правила, которыя выходу съполвѣка, чего тутъ нѣтъ?—

Римскія понятія о государствѣ съ готическимъ раздѣленіемъ властей, протестантизмъ и политическая экономія, Salus populi и chacun pour soi, Брутъ и Ѳома Кемпійскій, Евангеліе и Бентамъ, приходорасходное счетоводство и Ж. Ж. Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ вѣчно притягиваемымъ къ золоту въ груди, не трудно было дойти до тѣхъ пелѣпостей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы.

Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвію новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ.

Политическій вопросъ съ 1830 года, дѣлается исключительно вопросомъ мѣщанскимъ и вѣковая борьба высказывается страстями и вліяніями господствующаго состоянія. Жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось въ мѣняльныя лавочки и рынки—редакція журналовъ, избирательныя собранія, камеры. Англичане до того привыкли все приводить къ лавочной номенклатурѣ, что называютъ свою старую Англиканскую церковъ—Old Shop.

Всѣ партіи и оттѣнки мало по малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главные стана, съ одной стороны мѣщане собственники, упорно отказывающіе поступиться своими монополями, съ другой неимущіе м ѣ щ а н е, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, т. е. съ одной стороны с к у п о с т ь, съ другой з а в и с т ь. Такъ какъ дѣйствительно нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна онозиціи за другой достигаетъ побѣды т. е. собственности или мѣста и естественно переходитъ со стороны зависти на сторону скупости. Для этаго перехода ничего не можетъ быть лучше какъ безплодная качка парламентскихъ преній — она даетъ движеніе и предѣлы, даетъ в и д ъ д ѣ л а и форму общихъ интересовъ—для достиженія своихъ личныхъ цѣлей.

Парламентское правленіе, не такъ какъ оно истекаетъ изъ народныхъ основъ англо-саксонскаго Common-law, а такъ какъ оно сложилось въ государственный законъ—самое колосальное бѣличье колесо въ мірѣ. Можно-ли величественнѣе стоять на одномъ и томъ-же мѣстѣ, придавая себѣ видъ торжественнаго марша, какъ оба англійскіе парламенты?

Но въ этомъ-то сохраненіи вида—и главное дѣло.

Во всемъ современно-европейскомъ, глубоко лежатъ двѣ черты, явно идущія изъ-за прилавка, съ одной стороны лицемѣріе и скрытность, съ другой выставка и étalage. Продать товаръ лицемъ, купить за полцѣны, выдать дрянь за дѣло, форму за сущность, умолчать какое-нибудь условіе, воспользоваться буквальнымъ смысломъ, к а з а т ь с я вмѣсто того чтобъ б ы т ь, вести себя п р и л и ч н о вмѣсто того чтобъ х о р о ш о себя вести, хранить внѣшній respectabilitæt вмѣсто внутренняго достоинства.

Въ этомъ мірѣ все до такой степени декорація, что самое грубое невѣжество получило видъ образованія. Кто изъ насъ не останавливался, краснѣя за невѣденіе западнаго общества (я здѣсь не говорю объ ученыхъ, а о людяхъ составляющихъ то —что называется обществомъ.) Образованія теоретическаго, серьезнаго

быть не можетъ; оно требуетъ слишкомъ много времени, слишкомъ отвлекаетъ отъ дѣла. Такъ какъ все лежащее внѣ торговыхъ оборотовъ и "эксплуатаціи" своего общественнаго положенія не существенно въ мѣщанскомъ обществѣ, то ихъ образованіе должно быть ограничено. Оттого происходитъ та нелѣпость и тяжесть ума, которую мы видимъ въ мѣщанахъ всякой разъ, когда имъ приходится съѣхать съ битой и торной дороги. Вообще хитрость и лицемѣріе далеко не такъ умны и дальновидны, какъ воображаютъ; ихъ діаметръ бѣденъ и плаванье мелко.

Англичане это знаютъ и потому не оставляютъ битыя колеи и выносятъ не только тяжелыя, но хуже того, смѣшныя неудобства своего готизма, боясь всякой перемѣны.

Французскіе мѣщане не были такъ осторожны, и со всѣмъ своимъ лукавствомъ и двоедушіемъ—оборвались въ Имперію.

Увѣренные въ своей побѣдѣ, они провозгласили основой новаго государственнаго порядка всеобщую подачу голосовъ. Это ариѳметическое знамя было имъ симпатично, истина опредѣлялась сложеніемъ и вычитаніемъ, ее можно было прикидывать на счетахъ и мѣтить булавками.

И что-же они подвергнули суду всѣхъ голосовъ, при современномъ состояніи общества?—Вопросъ о существованіи республики. Они хотѣли ее убить народомъ, сдѣлать изъ нея пустое слово, потому что они не любили ее. Кто уважаетъ истину пойдетъ-ли тотъ спрашивать мнѣніе встрѣчнаго поперечнаго? Что еслибъ Колумбъ или Коперникъ пустили Америку и движеніе земли на голоса?

Хитро было придумано, а въ послѣдствіяхъ добряки обочлись.

Щель сдѣлавшаяся между партеромъ и актерами, прикрытая сначала восточнымъ ковромъ Ламартиновскаго краснорѣчія, дѣлалась больше и больше, іюньская кровь ее размыла, и тутъ-то раздраженному народу поставили вопросъ о президентѣ, отвѣтомъ на него вышелъ изъ щели протирая заспанные глаза Людовикъ Наполеонъ и забралъ все въ руки, т. е. и мѣщанъ, которые воображали по старой памяти, что онъ будетъ царствовать, а они править.

То что вы видите на большой сценѣ государственныхъ событій, то микроскопически повторяется у каждаго очага. Мѣщанское растлѣніе пробралось во всѣ тайники семейной и частной жизни. Никогда католицизмъ, никогда рыцарство не отпечатлѣвались такъ глубоко, такъ многосторонно на людяхъ—какъ буржуазія.

Дворянство обязывало. Разумѣется такъ какъ его права были долею фантастическія, то и обязанности были фантастическія, но они дѣлали извѣстную круговую поруку между равными. Католицизмъ обязывалъ съ своей стороны еще больше. Рыцари и вѣрующіе часто не исполняли своихъ обязанностей, но сознаніе, что они тѣмъ нарушали ими самими признанный общественной союзъ, не позволяло имъ быть свободными въ отступленіяхъ, ни возводить въ норму своего поведенія. У нихъ была своя праздничная одежда, своя офиціальная постановка, которыя не были ложью, а скорѣй ихъ идеаломъ.

Намъ теперь дѣла нѣтъ до содержанія этаго идеала. Ихъ процессъ рѣшенъ и давно проигранъ. Мы хотимъ только указать, что мѣщанство напротивъ

ни къ чему не обязываетъ, ни даже къ военной службѣ, если только есть охотники, т. е. обязываетъ per fas et nefas имѣть собственность. Его Евангеліе коротко: "Наживайся, умножай свой доходъ какъ песокъ морской, пользуйся и злоупотребляй своимъ денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ не раззоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долголѣтія, женишь твоихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память."

Отрицаніе міра рыцарскаго и католическаго было необходимо и сдѣлалось мѣщанами, а просто свободными людьми, т. е. людьми отрѣшившимися отъ всякихъ гуртовыхъ опредѣленій. Тутъ были рыцари какъ Ульрихъ фонъ Гутенъ и дворяне какъ Аруетъ Вольтеръ, ученики часовщиковъ какъ Руссо, полковые лекаря какъ Шиллеръ и купеческіе дѣти какъ Гете. Мѣщанство воспользовалось ихъ работой и явилось освобожденнымъ не только отъ царей, рабства, но и отъ всѣхъ общественныхъ тягъ, кромѣ складчины для найма охраняющаго ихъ правительства.

Изъ протестантизма они сдѣлали с в о ю религію, религію примирявшую совѣсть христіанина съ занятіемъ ростовщика, религію до того мѣщанскую, что народъ лившій кровь за нее, ее оставилъ. Въ Англіи, ч е р н ь не ходитъ въ церковь.

Изъ революціи они хотѣли сдѣлать с в о ю республику, но она ускользнула изъ подъ ихъ пальца, такъ какъ античная цивилизація ускользнула отъ варваровъ, т. е. безъ мѣста въ настоящемъ, но съ надеждой на Instauration em magnam.

Реформація и революція были сами до того испуганы пустотою міра, въ который они входили, что они искали спасенія въ двухъ монашествахъ: въ холодномъ, скучномъ ханжествѣ пуританизма и въ сухомъ, натянутомъ цинизмѣ республиканскаго формализма. Квекерская и якобинская нетерпимость были основаны на страхѣ, что ихъ почва не тверда; они видѣли что имъ надобны были сильныя средства чтобъ увѣрить однихъ что это церковь, другихъ что это свобода.

Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжеле и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное западное состояніе наибольше развито, тамъ гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, о б р а з о в а н н ѣ е, т. е. промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣ-нибудь въ Италіи или Испаніи не такъ невыносимо удушливо жить какъ въ Англіи и во Франціи . . . И вотъ отчего горная, бѣдная, сельская Швейцарія, единственный клочекъ Европы, въ который можно удалиться съ миромъ.

И—ръ.

1 Октября 1855,
Isle of Wight, Ventnor.

IV.

МѢСТО РОССІИ НА ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

Трудно мыслителю добраться до истины, еще труднѣе сдѣлать ее понятной другимъ; трудно художнику согласить въ своемъ произведеніи идеальныя требованія съ условіями дѣйствительности; трудно человѣку любящему — любить долго съ постоянной искренностью; но изъ всѣхъ трудностей подлунной жизни, самая трудная говорить правду въ политикѣ. Тутъ между истиной и правдой различіе ясное, я разумѣю подъ правдой то, что самъ правдой считаю, а истина бываетъ правдой для всѣхъ. Но рѣчь идетъ о правдѣ и о трудности ея высказывать въ отношеніи къ предметамъ политическимъ, я не говорю о тѣхъ трудностяхъ, которыя всѣмъ извѣстны и очевидны; кто не знаетъ что правду говорить опасно и даже невозможно почти во всѣхъ странахъ Европы? Но это опасность привычная; невозможность, которая преодолѣвается усиліемъ. Есть другія трудности таящіяся въ положеніи и въ личности каждаго подвизающагося за правду. Мы охотно подвергаемся опасностямъ внѣшнимъ, съ рѣшительностью обрекаемъ себя на жертву непріязненной дѣйствительности, но вести борьбу съ собой самими или съ близкими намъ, несравненно для насъ тяжеле. Положимъ что я достигъ до яснаго понятія о предметѣ, но всегда-ли рѣшусь я высказать мое задушевное мнѣніе, когда знаю напередъ что оно идетъ наперекоръ не только общепринятымъ мнѣніямъ людей съ которыми я связанъ, но даже въ нѣкоторой мѣрѣ ихъ интересамъ. Къ

тому-же въ дѣлахъ политики, сознательно или безсознательно даже лучшіе между людьми руководятся не однимъ разумомъ, но и чувствомъ, т. е. привычками, стремленіями и инстинктомъ, тѣмъ что называется вѣрой.

Если разумъ съ инстинктомъ въ разладѣ, что побѣдитъ? Дозволитъ-ли инстинктъ побѣду разума выразить ясно и публично. Инстинктивная сторона человѣка принимающая необходимое и значительное участье въ политикѣ держитъ свободу личной мысли въ тѣсныхъ границахъ. Инстинктъ выражающійся въ привычкахъ и наклонностяхъ, ближе роднитъ людей между собою нежели отвлеченные, безличные выводы разума; инстинктъ требуетъ согласія, опоры, участья другихъ и не допускаетъ человѣка дѣйствовать одиночно, даже для проявленія очевиднѣйшей истины. Отъ всего этаго происходитъ непзбѣжность взаимныхъ уступокъ, перемирій, которыя даютъ мысли выраженной уже, не характеръ искренной правды, а какой-то видъ дипломатическаго договора, заключеннаго послѣ долгихъ преній.

Кто осмѣлится сказать что онъ не подверженъ ни одному изъ указанныхъ вліяній? Я по-крайнѣй мѣрѣ исповѣдаю открыто мою погрѣшительность: говорить о Россіи для меня тѣмъ труднѣе, что я не имѣю притязанія умножить собой ряды блестящихъ критиковъ и сатириковъ, которыми отличается русская литература и русская мыслительность; я думаю что пришло время намъ о себѣ говорить Европѣ другое что-нибудь, нежели постоянныя отрицанія и насмѣшки. Съ готовностью труда и стремленія выступаю я на то поприще, которое А. Герценъ открылъ для вольныхъ Русскихъ въ возрожденной Полярной Звѣздѣ и потому считаю нужнымъ прежде всего оговорится на счетъ трудности высказывать правду, хотя и старался усильно быть ей во всемъ вѣрнымъ. Если слова мои найдутъ въ Россіи сочувственный отголосокъ, я буду смѣлѣе, легче и отраднѣе будетъ мнѣ говорить то, что совѣсть моя считаетъ правдой, но что будетъ истиной дѣйствительной только тогда, когда въ моихъ очеркахъ русская душа сама себя узнаетъ.

Я привыкъ уважать людей въ той мѣрѣ, въ какой обращеніе съ ними развиваетъ мою личную свободу или способствуетъ ей; отъ людей эта привычка перешла на предметы неодушевленные и я цѣню только тѣ страны, тѣ учрежденія, тѣ произведенія искуствъ или промышленности, вліяніе которыхъ прямо-ли посредственно-ли вспомоществуютъ моей свободѣ, или открываютъ ей новый путь. Разумѣется что тутъ подъ именемъ свободы я понимаю не одно только право вольной перемѣны мѣста или тому подобное, но свободу истинную, полную, т. е. возможность развитія всѣхъ свойствъ данныхъ намъ природой и исторіей.

Послѣ нѣсколькихъ годовъ уныніи и, можно сказать тоски, я въ первый разъ свободно вздохнулъ подъ стекляннымъ сводомъ дворца промышленности. По образу мыслей и по направленію я принадлежу къ числу тѣхъ, которые убѣждены что наука и промышленность однѣ только могутъ довести насъ къ завоеванію свободы, что въ послѣдующемъ своемъ развитіи онѣ дадутъ намъ и новыя вѣрованія и новое искуство и гражданское устройство соотвѣтственное требованіямъ и нуждамъ доселѣ непримиримымъ современнаго человѣка. Я ожидалъ многаго отъ всемірной выставки въ Парижѣ, разумѣется мнѣ извѣстно было настоящее положеніе европейской промышленности, я зналъ что дѣятельность ея направлена исключительно къ увеличенію чистой прибыли, т. е. къ барышничеству, что немногіе изъ фабрикантовъ присоединяютъ къ этому тщеславіе, легко удовлетворяемое купленными похвалами или разноцвѣтными лентами придворныхъ орденовъ, что даже тѣ изъ нихъ, которые по личнымъ мнѣніямъ стоятъ на сторонѣ прогреса не умѣютъ и не знаютъ согласить своихъ внутреннихъ убѣжденій съ офиціальными занятіями и что слѣдовательно въ сферѣ промышленности не должно надѣятся на прямое, на торжественное проявленіе совершенныхъ требованій. Но не смотря на то я полагался на науку, которая своими примѣрами и внушеніями обязана оживить матеріальную производительность, полагался на постоянный, необходимый перевесъ высшей промышленности передъ низшей; я думалъ что буду

по-крайней мѣрѣ утѣшенъ совершеннымъ уничтоженіемъ лавочничества, и откровенно признаюсь, что вполнѣ ошибся. Первое впечатлѣніе было отрадно только по сравненію со всѣмъ находящимся внѣ дворца промышленности.

Кромѣ политическаго устройства, Франція въ настоящее время поражаетъ наблюдателя безпрестаннымъ стѣсненіемъ, суженіемъ жизни. Право собственности до такой степени обобщается, не въ отношеніи къ людямъ владѣющимъ, но къ предметамъ обладаемымъ, что скоро можетъ быть Французы будутъ отдавать на откупъ издыхаемый ими азотъ, для утучненія полей и получать каждый pro rata за число кубическихъ футовъ газа имъ произведеннаго и слѣдовательно составляющаго его собственность. Сложная счетность, щепетильная бухгалтерія, которыя становятся необходимы при этомъ распространеніи правъ собственности, дѣлаютъ жизнь во Франціи всякій годъ, всякій мѣсяцъ, всякій день, затруднительнѣе и утомительнѣе. Для заѣзжаго, для иностранца все это можетъ быть предметомъ наблюденій любопытныхъ и часто забавныхъ, но для парижскаго жителя, если самъ онъ не поклоняется златому тельцу чистой прибыли или не можетъ ему покланятся за недостаткомъ капитала, отношенія ко всему окружающему до такой степени хлопотливы, мудрены, натянуты и непріязненны, что онъ часто желалъ бы лучше жить въ степяхъ Монголіи или въ пустыняхъ экваторіальной Африки. Въ этихъ особенностяхъ парижской жизни, даже доведенныхъ до крайности, есть своя хорошая сторона; опредѣленность отношеній, даже строгая и неудобная, всегда лучше разпущенности но если эта опредѣленность имѣетъ единственной цѣлью чистую прибыль, т. е. жизнь на вашъ счетъ безчисленныхъ промышленниковъ, то горе человѣку не имѣющему той-же цѣли, или лишенному средствъ къ ея достиженію. Въ старые годы обирали только большихъ господъ, въ Россіи и по сіе время тоже продолжается, но правила новаго лавочничества несравненно проще и удобоприложимѣе, оно обираетъ всѣхъ вообще, но въ особенности тѣхъ, которые сами не лавочники и обираетъ такъ что приведенный ими въ ни-

щету, долженъ быть благодаренъ если они не выставятъ его въ добавокъ безчестнымъ человѣкомъ. Если вы художникъ, то дѣлаетесь собственностью торговца картинами, продавца красокъ и фабриканта рамъ; если вы писатель, то вы законно принадлежите книгопродавцамъ, типографамъ, хозяевамъ журналовъ и пр.; если вы просто человѣкъ благонамѣренный и дѣятельный, ищущій быть полезнымъ, то вы попадете въ кабалу къ разнымъ феодаламъ, у которыхъ часто нѣтъ другаго права на это превосходство, кромѣ какой-нибудь тысячи франковъ наличными деньгами. Сверхъ того, всѣхъ и каждаго считаютъ своей принадлежностью: мясники, булочники, молочники, угольщики, водоносы и пр., они продаютъ васъ вмѣстѣ съ своимъ fond de commerce,

Наконецъ, та чистая прибыль, которую слуги ваши пріобрѣтаютъ, стакиваясь съ поставщиками и обкрадывая васъ, становится ихъ неотъемлемой, святой собственностью; попытайтесь отнять ее у нихъ! Такъ какъ все это правда, то конечно никто не будетъ спорить, что жизнь въ Парижѣ тяжела и горестна, и что посѣщеніе и расматриваніе всемірной выставки и ея чудесъ, могло представиться мнѣ на первый взглядъ отрадой и утѣшеніемъ.

Дѣйствительно, глаза разбѣгались на многочисленность, на разнообразіе и роскошь произведеній, къ тому-же многія изобрѣтенія чисто научныя возбуждали любопытство, какъ то: усовершенствованный механизмъ круговаго маятника, выдуманнаго докторомъ Фуко для ощутительнаго доказательства обращенія нашей планеты на своей оси; новый способъ приготовленія бронзы посредствомъ гальванизма, найденный извѣстнымъ Рюольцомъ; нѣкоторыя замѣчательныя дополненія къ разнымъ системамъ паровыхъ машинъ; любопытные опыты фотографіи и гальванопластики. Все это привлекало и развлекало, вниманіе было остановлено, но неудовлетворено. Я искалъ все того что предположилъ себѣ найти, т. е. очевиднаго, прямаго вліянія успѣховъ науки на матеріальную производительность въ особенности, рѣшительныхъ доказательствъ развитія высшей сосредоточенной промышленности

и послѣдовательно уничтоженія лавочничества. Вмѣсто того, чѣмъ болѣе я всматривался, тѣмъ болѣе отовсюду пахло лавочнымъ духомъ, такъ называемые трофеи, разставленые по срединѣ огромной залы, представлялись настоящими лавками, но въ размѣрахъ уменьшенныхъ, такъ что роскошныя и блестящія произведенія, наполнявшія эти шкапы, развѣ цѣной только превосходили обыкновенныя выставки въ окнахъ парижскихъ магазиновъ, но въ разнообразіи и въ изящной пестротѣ далеко имъ уступали. И что-же находилось въ этихъ огромныхъ стеклянныхъ шкапахъ: вмѣсто того чтобы выставить рядъ продуктовъ отъ самаго простаго и дешеваго, до самаго сложнаго, изящнаго и дорогаго, промышленники, изъ которыхъ значительная часть даже не имѣетъ права на это названіе, потому что они только перекупщики предпочли избрать такія издѣлія, которыя къ настоящей промышленности относятся такъ, какъ потолокъ къ небу, и составили свою выставку изъ невообразимыхъ браслетовъ и ожерелій, изъ шитыхъ золотомъ мантій дозволительныхъ по придворному этикету только одной императрицѣ; изъ бриллиантовыхъ эполетъ герцога брауншвейгскаго, стоящимъ богъ знаетъ сколько сотъ тысячь, или даже милліоновъ п. т. п.

Я нисколько не утверждаю чтобы въ нынѣшнемъ положеній европейскаго общества, возможно было или даже желательно исключить произведенія роскоши изъ всемірной выставки, напротивъ ихъ обозрѣніе въ многихъ отношеніяхъ должно принести практическую пользу, но однѣ этѣ произведенія отдѣльно отъ серіи къ которой принадлежатъ не имѣютъ никакого положительнаго значенія и могутъ служить только предметомъ любопытства. Я говорю теперь о впечатлѣніи произведеннымъ выставкой съ самаго начала; потомъ когда сдѣлали новую пристройку и выставили драгоцѣнныя каменья и уборы принадлежащіе французской коронѣ, выставка получила еще болѣе характеръ собранія любопытныхъ и занимательныхъ предметовъ. Очевидно въ глазахъ французской администраціи и французскихъ производителей, выставка была нѣчто въ родѣ соревнованія на премію (un concours

pour les primes) въ родѣ экзамена и когда раздавали кресты, медали и почетныя упоминанія, то я дивился почему не раздаютъ также дубовыхъ вѣнковъ какъ школьникамъ въ Сорбонѣ. Я говорю объ общемъ впечатлѣніи выставки, о томъ что бросалось въ глаза каждому не спеціальному человѣку и публикѣ; особливо воскресная весьма хорошо поняла это значеніе всемірнаго базара. Конечно, разсматривая подробно, обстоятельно, многому было можно научиться въ галереяхъ выставки; но общій ея характеръ былъ исключительно любопытный, она походила на то, что въ старину на Руси называлось Кунсткамерой; народъ прогуливался подъ стекляными сводами и по великолѣпнымъ лѣстницамъ такъ-же какъ онъ ходитъ по египетскимъ, этрусскимъ или вавилонскимъ залам Лувра и смотрѣлъ на придворныя мантіи шитыя жемчугомъ и перьями колибри, съ тѣмъ-же удивленнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ, съ какимъ онъ смотритъ на пеленки мумій или на завитыя бороды ассирійскихъ царей-буйволовъ.

Я далеко не технологъ, но знаю достаточно положеніе современной промышленности и понимаю условія ея развитія; на нынѣшней выставѣ кромѣ нѣкоторыхъ спеціальностей научиться было нечему; дѣйствительные успѣхи промышленности или измѣненія въ ходѣ ея развитія совершаются не такъ быстро какъ вообразили нѣкоторые панегиристы механики; со времени послѣдней лондонской выставки собственно не произведено и не произошло ничего новаго, слѣдовательно главная, отличительная черта парижской экспозиціи — ея безполезность. Безполезность полная, совершенная для чести промышленности, для благосостоянія Франціи для успѣховъ науки. Разумѣется что я не обязанъ упоминать о пользѣ для парижскихъ содержателей гостинницъ, для ресторановъ, кафе и пр.; но представляется еще другая, непредвиденная польза отъ этаго шумнаго и пестраго базара, а именно возможность для безпрестаннаго наблюдателя вывести изъ факта, которому Французы и Англичане придаютъ великую важность, заключенія о состояніи и о характерѣ ихъ просвѣщенія.

Впервые на этой выставкѣ два богатѣйшіе и производи-

тельнѣйшіе народы въ Европѣ, такъ соединили и перемѣшали свидѣтельства своей дѣятельности, что весьма трудно и почти невозможно отдѣлить ихъ одного отъ другаго въ оцѣнкѣ ихъ производительной силы. Конечно промышленность обоихъ народовъ носитъ свой особенный характеръ, но они намѣренно и ненамѣренно такъ много заимствовали другъ у друга со времени лондонской выставки и наиболѣе со времени дружескаго союза, что особенности изчезаютъ въ массѣ чертъ одинаковыхъ или подобныхъ. Всякій Французъ и всякій Англичанинъ знаетъ, что вкусъ и отдѣлка принадлежности перваго, количество и дешевизна — промышленныя качества другаго. Но эти послѣднія достоинства принадлежатъ Англичанамъ не какъ націи, а какъ единственнымъ въ мірѣ обладателямъ условій высокой промышленности; между тѣмъ какъ свойства Француза составляютъ его неотъемлемую, личную собственность. Англичанамъ стало очевидно что заморскіе сосѣди, перещеголяли ихъ во всѣхъ дѣлахъ вкуса, и въ послѣдніе четыре года они принялись усвоивать себѣ это качество. Завели школы, выписали модели, но главное, переманили французскихъ артистовъ и мастеровыхъ и, такимъ образомъ въ короткое время достигли если не равенства съ французскими произведеніями, то по-крайнѣй мѣрѣ безобиднаго съ ними сравненія. Теперь мы сталобыть избавлены отъ труда отыскивать отличительныя признаки той или другой народности въ ея индустріальномъ проявленіи и беремъ вообще ихъ промышленность какъ отраженіе такъ называемаго западнаго просвѣщенія.

Я уже сказалъ, что полагаюсь на промышленность и на науку, какъ на тѣ силы которыя въ близкой, можетъ быть, будущности готовятъ міру возможность обновленія. Наука свое дала и постоянно даетъ все что отъ ней можно требовать, но современная промышленность не удовлетворяетъ ни матеріальнымъ, ни нравственнымъ нуждамъ общества. Индустріальный лиризмъ такъ часто проявлющійся въ журналахъ основанныхъ банкирами для прославленія всѣхъ ихъ предпріятій, успѣлъ убѣдить европейскую публику, что промы-

шленность въ нашъ вѣкъ исполнила чудеса и стремится къ достиженію чудесъ еще удивительнѣйшихъ. Это сущая ложь! Говорятъ о желѣзныхъ дорогахъ, о телеграфахъ электрическихъ, но это открытія науки, а что промышленность изъ нихъ сдѣлала, тѣмъ хвастаться нечего. Желѣзныя дороги послужили досель не столько къ сокращенію разстояній и къ умноженію сношеній между производителями, сколько къ вящему порабощенію тружениковъ капиталистами, а между этими меньшихъ и среднихъ—большими. Желѣзныя дороги замѣнили феодальные герцогства и маркизаты, дали осѣдлость индустріальнымъ династіямъ, которыя изобрѣтеніемъ электрическихъ сообщеній воспользовались такъ какъ сильнѣйшіе изъ феодальныхъ владѣтелей умѣли воспользоватся открытіемъ пороха для того чтобы покорить и уничтожить слабѣйшихъ. Одному изъ индустріальныхъ лириковъ, который въ пиѳическомъ восторгѣ восклицалъ что мысль человѣческая не будетъ болѣе находить ни ограниченій, ни препятствій съ той поры какъ ей открыта возможность перелетать отъ однаго конца земли до другаго, г. Велью, отвѣчалъ весьма справедливо, что прежде его мысли, наэлектризованная проволока передаетъ повелѣнія, которымъ онъ принужденъ повиноваться. Что умноженіе и ускореніе сообщеній должно современемъ способствовать развитію свободы, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но вѣдь и порохъ такъ-же есть орудіе освобожденія, а въ продолженіе трехъ вѣковъ, какъ его употребляютъ, насколько въ дѣйствительности подвинулась свобода? Ново-европейская цивилизація, также какъ и всѣ ей предшествовавшія, имѣетъ сторону матеріальную и сторону нравственную. Съ XVI вѣка какъ она начала развиваться и по сіе время нравственная сторона выражена только въ одной наукѣ; общество постоянно находилось и находится подъ гнетомъ рѣшительнаго преобладанія стороны матеріальной. Въ чемъ собственно состоитъ эта сторона? Отличительная черта новѣйшей гражданственности въ этомъ направленіи — централизація и все общественное устройство изъ нея вытекающее, т. е. армія, полиція, бюрократія и пр. Рядомъ со

всемъ этимъ развиваются промышленность и торговля, но при нынѣшнемъ порядкѣ вещей онѣ требуютъ покрова всѣхъ этихъ установленій и безъ централизаціи не могутъ надѣяться на успѣхъ. Еще разъ я долженъ оговориться: индустрія сама по себѣ, по своему происхожденію и по конечной цѣли, отъ правительствъ независима, но при современныхъ условіяхъ и особенно при настоящемъ устройствѣ собственности, она дѣлается невольно и по необходимости подчиненной центральной власти.

Къ матеріальной-же сторонѣ просвѣщенія можно причислить еще распространеніе элементарнаго образованія, потому что оно въ себѣ нравственнаго почти ничего не заключаетъ и только даетъ монополистамъ новый способъ непосредственнаго дѣйствія на массы и слѣдовательно новое орудіе къ ихъ порабощенію. Вотъ сфера матеріальной цивилизаціи со всемъ ея содержаніемъ. Сверху она ограничена наукой, которая часто выходя изъ сферы чистой мысли, становилась слѣпымъ орудіемъ централизаціи или индустріализма, но въ продолженіе времени она можетъ для нихъ быть только орудіемъ разрушительнымъ. Снизу матеріальная цивилизація подперта жизнью народной, которую уничтожить или поглотить она не въ состояніи, но ослабляетъ и развращаетъ постоянно. Все это можно было видѣть на всемірной выставкѣ или лучше сказать заключить изъ ея внимательнаго осмотрѣнія, но что было всего очевиднѣе, это застой обличавшійся во всѣхъ главнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ отрасляхъ промышленности. Наглядная многочисленность изобрѣтеній не должна вводить въ заблужденіе: это все изобрѣтенія мелочныя, такія которыя могутъ быть испробованы съ небольшой издержкой или вовсе безъ издержки; изобрѣтенія важныя, значительныя, могущія произвести индустріальные перевороты, требующія предворительныхъ дорогихъ экспериментовъ, не могутъ болѣе проявляться, потому что капиталы поглащены всѣ безъ исключенія биржевыми спекуляціями. Что-же оставалось промышленникамъ для того чтобы дать своимъ произведеніямъ видъ новости?

Съ одной стороны они придумали колосальность, съ другой принаровленіе стариннаго великолѣпія къ мелочнымъ потребностямъ современной жизни. Изъ этого произошли зеркала которыя будутъ на своемъ мѣстѣ развѣ только въ кельнскомъ соборѣ, люстры, для поддержанія которыхъ нужно нарочно строить потолки и пр. Рядомъ съ этимъ преувеличеніемъ размѣровъ удивляло также странное смѣшеніе веществъ, безобразное накопленіе украшеній въ мебеляхъ, въ одеждѣ, въ экипажахъ, подъ предлогомъ роскоши. На атласѣ бархатъ, на бархатѣ кружева, на кружевахъ золото. Какая-же это роскошь! Это богатство только, истинная роскошь не исключаетъ простоты. Я упоминаю объ этомъ потому что Французы издавна отличавшіеся вкусомъ, кажется теряютъ и это качество подъ вліяніемъ индустріальнаго направленія. И какое-же наконецъ послѣднее заключительное впечатлѣніе всей этой роскоши, всего этаго блеска, всѣхъ этихъ нагромажденныхъ сокровищь. Для труженика и для мыслителя не больше утѣшенія въ этой вѣликолѣпной залѣ, чѣмъ въ погребальныхъ храмикахъ египетскихъ пирамидъ или въ гробницахъ царей Босфора Киммерійскаго. Тамъ также много золота и драгоцѣнностей также все привлекаетъ художественной отдѣлкой и даже можетъ быть во всемъ болѣе смысла и вкуса, болѣе истиннаго великолѣпія, нежели въ произведеніяхъ современной промышленности.

Какъ скоро съ перваго взгляда не очевидно что трудъ ведетъ къ освобожденію, какъ скоро его произведенія выражаютъ ни прогресивное развитіе жизни, а служатъ только украшеніями мертваго застоя, трудъ сановится отвратительнымъ, на немъ тяготѣетъ гнетъ древняго проклятія: "Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой!"

Египтяне работали, работали Римляне, работали и работаютъ безъ устали Китайцы, но была-ли свобода въ Египтѣ и въ Римѣ, есть-ли свобода въ Китаѣ? При нынѣшнемъ направленіи промышленности, зависящемъ отъ правъ и устройства собственности, нѣтъ возможности чтобы трудъ велъ къ освобожденію. Обладаніе капиталомъ, необходимое для того уже чтобы получить воспитаніе, еще болѣе необходимое какъ

условіе всякой дѣятельности въ обществѣ, подчиняетъ человѣка такимъ уступкамъ, ставитъ его въ столь ложное положеніе, что свободы дѣйствительной ему достигнуть почти невозможно. А тѣ которые о капиталѣ даже и бредить не смѣютъ, тѣ для которыхъ трудъ съ развитіемъ роскоши среднихъ классовъ, становится болѣе и болѣе тягостнымъ, какая-же будущность свободы можетъ открыться для нихъ, или даже для ихъ дѣтей. Съ ужасомъ можно предвидѣть близкое устройство европейскаго общества въ такомъ видѣ: Сверху небольшое число людей постоянно обогощающихся, подъ нимъ средній классъ, котораго рѣдкіе члены возносятся случайно до богатства, а большая часть раззорительнымъ дѣйствіемъ рѣскоши ниспровергаются въ тьму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ, т. е. въ рабочую массу изъ которой, какъ изъ ада нѣтъ выхода. Въ этомъ аду впрочемъ все въ порядкѣ, есть и больницы и богадѣльни, пристанища для дѣтей и для стариковъ. Попечительное правительство и великодушные богачи о всемъ позаботились. Только сиди себѣ смирно, не шевелись, не бунтуй, будетъ тебѣ все и съ голоду не умрешь, и женишься пожалуй, и дѣтей народишь чтобы они и потомки ихъ наслаждались во вѣки вѣковъ той-же блаженной жизнію подъ сѣнью отеческаго правительства и добродѣтельныхъ хозяевъ.

Что-же такое просвѣщеніе выраженное всемірной выставкой? Въ чемъ состоитъ просвѣщеніе истинно-человѣческое, какая настоящая цѣль его? Развитіе личности посредствомъ и для отношеній болѣе и болѣе разнообразныхъ, болѣе и болѣе сложныхъ къ другимъ людямъ и къ цѣлому міру. Чѣмъ эти отношенія обширнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательнѣе, правильнѣе, тѣмъ личность чувствуетъ себя возвышеннѣе, опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе достигаетъ истинной свободы, т. е. сознательнаго и ревностнаго исполненія непреложныхъ законовъ природы. Въ настоящій моментъ своего развитія западноевропейское человѣчество идетъ по пути рѣшительно противуположному. Мы уже сказали, что матеріальная сторона въ современномъ просвѣщеніи беретъ незаконный перевесъ (слово матеріальный мы употребляемъ въ обыкновенномъ

ежедневномъ смыслѣ), т. е. на первой взглядъ просвѣщеніе представлено централизаціей, бюрократіей, арміей, полиціей и юриспруденціей. Промышленность беретъ каждый годъ болѣе мѣста, но не можетъ еще спорить по значенію и по вліянію ни съ однимъ изъ поименованыхъ установленій, въ особенности потому, что она пока опирается не на природныя свои опоры, т. е. на науку и на народъ, а на опору ложную и не надежную, на право собственности. Это право въ своихъ видоизмѣненіяхъ обусловливало всегда различныя общественныя устройства и зависящія отъ нихъ формы мышленія и сознанія. Теперь въ новомъ своемъ фазисѣ, въ собственности безотвѣтственной, изобрѣтенной западно-европейской буржуазіей съ 1789 года, право собственности служитъ основаніемъ небывалому порядку вещей, котораго полное выраженіе существуетъ только во Франціи. Наполеоновскій кодексъ опредѣляетъ право собственности, какъ право d'user et d'abuser. Юрисконсульты изобрѣтшіе это опредѣленіе, думали конечно дать личности твердую и вѣрную опору, но вышло напротивъ, собственность стала личностью, а личность сдѣлалась рабыней своего права. Отъ этаго, а не отъ другой какой причины происходитъ невозможность для Франціи учредить въ средѣ своей какой-либо гражданскій порядокъ; безотвѣтственная собственность, это отрицаніе общества, ибо доселѣ въ каждомъ обществѣ, на богатыхъ лежали всякія и тяжкія обязянности. Отрѣшаясь отъ обязанностей, они отрѣшаются и отъ общества, которое становится простымъ полицейскимъ учрежденіемъ, годнымъ для устрашенія и для усмиренія массъ.

Общество, какъ соединеніе усилій и стремленій къ одной цѣли, дѣйствительно не существуетъ во Франціи и потому въ извѣстной мѣрѣ надо признать необходимость полицейскаго устройства. Безотвѣтная собственность не только разрѣшила общественныя связи, но и самую личность, какъ мы сказали поработила и унизила. Какъ скоро этотъ отчаянный парадоксъ перешелъ во всеобщее убѣжденіе, все стали превращать въ собственность. Чиновникъ безъ малѣйшаго угры-

зенія совѣсти присягаетъ десяти различнымъ правительствамъ, должность есть его священная собственность. Офицеръ отправляется на какую угодно войну или экспедицію, хотя бы она была ему совсѣмъ не подушѣ, чинъ-его неотъемлемая собственность, и онъ почтетъ себя обезчещеннымъ выйдя въ отставку добровольно.

Это безумное право доведено наконецъ до того, что по новой французской юриспруденціи, отецъ можетъ заставить малолѣтнихъ дѣтей (въ качествѣ собственности) перемѣнить религію. Съ одной стороны чудовищное развитіе правъ собственности, останавливаетъ всякое благое движеніе и подчиняетъ общество строжайшей и несносиѣйшей неподвижности; съ другой успѣхи промышленности имѣютъ прямымъ слѣдствіемъ шаткость и невѣрность отношеній и положеній. Во всемъ что могло бы служить къ успѣху общественнаго развитія застой; а въ томъ, что должно бы дать личности самоувѣренность и достоинство постоянная измѣнчивость. Общество колеблется и личность унижается. Такіе разительные и ужасающіе недостатки вознаграждены съ одной стороны наружнымъ порядкомъ, съ другой нѣкоторыми случайностями, открывающими отъ времени до времени возможность немногочисленнымъ счастливцамъ проникнуть въ ряды капиталистовъ.

Современное западно-европейское общество можетъ быть характеризовано, какъ деспотизмъ безотвѣтственной собственности ограниченный лотереей. Лотерея бываетъ различная въ разныхъ странахъ, въ Англіи выигрышей мало, но за то они огромны, званіе альдермана или даже лордъ-мера для купцовъ, санъ канцлера для законниковъ, мѣсто представителя въ писшей палатѣ для людей политическихъ, для всѣхъ вообще честолюбцевъ министерство и камера перовъ. Чудная лотерея! Блескъ нѣсколькихъ десятковъ возможныхъ выигрышей удерживаетъ подъ тяжкимъ игомъ милліоны несчастныхъ тружениковъ. Во Франціи выигрыши несравненно менѣе цѣнны, но за то ихъ гораздо болѣе. Выигрыши эти состоятъ изъ должностей зависящихъ отъ правительства и дающихъ право на пожизненные пенсіоны, а отъ части изъ чистой

прибыли пріобрѣтенной торговлею или промышленностью. Англичанинъ считаетъ трудъ чѣмъ-то необходимымъ, даже святымъ, богатѣя, онъ не забываетъ трудиться, если не для вящаго обогащенія, то изъ честолюбія; между тѣмъ какъ Французъ для того только согласенъ трудиться, чтобы отъ всякаго труда избавиться и жить de ses rentes.

Въ сущности, тотъ и другой народъ равно подчинены лотерейному устройству; первый съ большимъ достоинствомъ, но также съ большей глупостью; второй безъ всякаго достоинства, но съ вѣрнѣйшими, хотя весьма умѣренными шансами. Зрѣлище всемірной выставки привело насъ неизбѣжно къ разсмотрѣнію началъ западно-европейской цивилизаціи, и вотъ что наконецъ мы выводимъ изъ этаго разсмотрѣнія. Оставляя съ намѣреніемъ въ сторонѣ Германію, которая въ матеріальномъ отношеніи не представляетъ ничего особеннаго отъ Англіи и Франціи, въ этихъ двухъ странахъ мы нашли рѣшительное преобладаніе наружнаго надъ внутреннымъ, матеріальнаго надъ умственнымъ и нравственнымъ. Этѣ двѣ страны объявивъ Россіи войну въ защиту цивилизаціи, тѣмъ самымъ исключили Россію изъ всемірной выставки и мы слѣдовательно для того, чтобы обозначить мѣсто Россіи, принуждены были заняться изслѣдованіемъ о началахъ цивилизаціи, представленной въ дворцѣ промышленности.

Къ этой характеристикѣ должно прибавить еще одинъ фактъ, именно самодовольствіе, отличающее западную цивилизацію. Въ Англіи и во Франціи черта эта проявляется съ рѣшительной наглостью. Не всегда такъ было, великіе мужи XVIII вѣка и ихъ послѣдователи, не думали скрывать національныхъ недостатковъ, но охотно смѣялись надъ своими соотечественниками. Отъ Вольтера презрѣніе и ненависть къ слабости и невѣжеству современниковъ, наслѣдовалъ Байронъ и никто лучше этихъ двухъ великихъ поэтовъ не описывалъ и не проклиналъ недостатки и пороки французскаго и англійскаго характера; но теперь другое дѣло! Вмѣстѣ съ постепеннымъ и усиленнымъ развитіемъ буржуазіи проявились наружу всѣ ея мелкія качества: самохвальство циническое, неуваженіе ко всѣмъ и ко

всему прямо до ея интересовъ не касающемуся, безстыдная измѣнчивость въ мнѣніяхъ и т. п.

Буржуазія по образу и по подобію своему создала прессу по наружности свободную, но въ самомъ дѣлѣ порабощенную ни сколько не менѣе чѣмъ въ государствахъ деспотическихъ, и наконецъ образовала такъ называемое общественное мнѣніе, которое прямо или не прямо, но вполнѣ зависитъ отъ правительствъ и отъ капиталистовъ. Униженнѣе и подлѣе общественнаго мнѣнія въ буржуазной Европѣ не существовало никогда ничего въ мірѣ. Молчаніе среднихъ вѣковъ, Турковъ передъ Падишахомъ верхъ человѣческаго достоинства въ сравненіи съ рабски-шумнымъ потаканіемъ общественнаго мнѣнія — всѣмъ самымъ неожиданнымъ капризамъ власти полицейской или денежной. Самохвальство дошло до того, что между всѣми умными людьми Франціи и Англіи, между всѣми столь многочисленными періодическими изданіями той и другой страны, не нашлось ни однаго, который осмѣлился бы посмѣяться надъ парижской выставкой хотя она во всемъ почти была смѣшна, и врядъ-ли въ чѣмъ-нибудь, случайно могла подать поводъ къ дѣльному разсужденію. Однакоже изъ Французовъ многіе сознавали несвоевременность и безсмысленность ея устройства, но не смѣли бороться съ общественнымъ мнѣніемъ; Англичане всѣ видѣли нелѣпость и совершенную безполезность выставки, но молчали или говорили противъ своего убѣжденія, потому что слишкомъ нуждались въ союзникахъ. Это самообожаніе представляетъ новую точку смѣжности между цивилизаціями западно-европейской и китайской.

Что касается до права, то мудрено оспоривать у серединнаго государства преимущество древности и непрерывности въ успѣхахъ просвѣщенія. Что-же было бы еслибы Россія представлена была на всемірной выставкѣ, т. е. еслибъ императоръ Николай не началъ войны, которая въ то время для одной Россіи только могла быть невыгодной. Конечно, русскія произведенія не сравнялись бы ни качествомъ, ни количествомъ съ англійскими и съ французскими, но и отстали бы не далеко.

Во-первыхъ, естественныя произведенія, разнообразіемъ и богатствомъ, вѣроятно превзошли бы всѣ другія. Роскошь драгоцѣнныхъ камней всѣхъ цвѣтовъ и видовъ, слитки платины и золота, малахиты и бирюза, образчики всѣхъ извѣстныхъ металовъ, перья золотыхъ фазановъ и шкуры бѣлыхъ медвѣдей, хлопчатая бумага и гагачій пухъ, превосходнѣйшіе и дорожайшіе во всемъ мірѣ мѣха, моржовые зубы изъ каспійскаго моря и мамонтовыя кости съ береговъ ледовитаго океана, строевой лѣсъ всѣхъ сортовъ отъ сибирскаго кедра до мингрельскаго зеленаго дуба и всѣ хлѣбныя растенія какія только земный шаръ производитъ. Все это составило бы выставку конечно не менѣе привлекательную разнообразіемъ нежели выставка Англіи со всѣми ея колоніями и во всякомъ случаѣ болѣе занимательную, потому что она представляла бы производительность сплошнаго материка, населеннаго и обладаемаго однимъ почти племенемъ, а не владѣнія разсѣянныя по всему пространству планеты и обитаемыя неисчисленными племенами.

Что касается до промышленности, извѣстное дѣло, что Россія отъ Англіи и отъ Франціи далека, но въ томъ чѣмъ отличалась послѣдняя выставка, она могла бы безъ труда идти по ихъ слѣдамъ. Чудовищныя зеркала и огромныя фарфоровыя вазы и у насъ умѣютъ дѣлать, оправлять брильянты въ серебро и золото тоже знаютъ и многіе говорятъ будто лучше чѣмъ въ Парижѣ. Парчи наши врядъ-ли не превосходятъ ліонскія и белгійскія, бархаты у насъ дѣлаютъ не хуже чѣмъ въ Піэмонтѣ, въ Швейцаріи или въ Пруссіи. Вотъ въ отношеніи къ роскоши. А что касается до дешевыхъ товаровъ для недостаточныхъ классовъ, то наши затрапезы, выбойки, шелковые кушаки, валенныя шляпы, кожи и готовые сапоги, конечно показались бы болѣе сообразными съ условіями истинной дешевизны, нежели мнимодешевыя одежды для работниковъ, выставленныя въ парижскомъ дворцѣ промышленности. Что-же заключить изъ этаго?

Россія въ цивилизаціи нисколько не разнится отъ западной Евроны и отстала въ промышленности потому только, что

промышленность теперь въ эпохѣ буржуазной, а въ Россіи буржуазіи нѣтъ. Касательно самой цивилизаціи, тѣ которые упрекаютъ Россію въ недостаткѣ ея, врядъ-ли сами знаютъ изъ какихъ элементовъ европейская цивилизація составлена. Въ Россіи есть и сильная централизація и армія содержимая въ строжайшей дисциплинѣ и бюрократія хлопотливая и многочисленная и вездѣсущая полиція, чего-же не достаетъ для полной цивилизаціи? Одного только—юриспруденціи. Эта отрасль западной цивилизаціи никакъ не могла къ намъ привиться. Коренныя условія славянскаго характера и общественнаго устройства никакъ не могли дозволить римскому праву, переиначенному, но сохраненному на Западѣ, приняться на нашей почвѣ. Въ особенности подѣйствовали на это двѣ причины: иное устройство собственности, и другія понятія о справедливости. Собственность, искони у Славянъ была отвѣтственная, до такой степени даже, что она рѣдко бывала личной, а большей частью родовой или общинной. Изъ этой особенности произошло смѣшеніе по сіе время господствующее въ отношеніи къ главной собственности въ Россіи—къ землѣ. Крѣпостный крестьянинъ считаетъ себя владѣтелемъ земли, а помѣщикъ считаетъ крестьянина своей собственностью, хотя ни на то, ни на другое нѣтъ въ дѣйствительности никакаго законнаго подтвержденія.

Запутанность и неопредѣленность отношеній въ этомъ случаѣ, нисколько не должно приписывать одному только варварству и отсталости; неопредѣленность, по-крайней мѣрѣ лежитъ въ самыхъ условіяхъ славянскаго характера, и освобожденіе крестьянъ достигнутое средствами національными, нисколько не поведетъ къ западному обозначенію и ограниченію собственности. Для Славянина правосудіе не есть война а примиреніе, сближеніе и потому западная юриспруденція никогда у насъ не пуститъ корней. Безъ этой юриспруденціи буржуазія нигдѣ существовать не можетъ, потому что буржуазія и права свои и капиталы оттягала мало по малу у привилегированныхъ классовъ, а теперь

посредствомъ той-же юриспруденціи защищается отъ натиска народа. У насъ этаго ничего нѣтъ, да и быть не можетъ, слѣдовательно и промышленность въ современномъ ея развитіи сдѣлается для насъ только тогда доступной, когда выйдетъ изъ буржуазной опеки. То, что Россія заняла у Европы, т. е. централизацію со всѣми ея слѣдствіями, называютъ обыкновенно просвѣщеніемъ и не безъ справедливости. Сравнительно съ средневѣковымъ разъединеніемъ, это обобщеніе, хотя и насильственное, помогаетъ успѣхамъ человѣчности; но помогаетъ не прямо и часто напротивъ замедляетъ ихъ, дѣлаясь лучшимъ и опаснѣйшимъ орудіемъ деспотизма. Ктому-же это механическое просвѣщеніе потерявшее всякую связь съ своимъ источникомъ, ведетъ къ униформированію всѣхъ народовъ, лишая ихъ личности, стирая преданія и насильственно измѣняя національныя учрежденія или отношенія различныхъ классовъ.

Такимъ образомъ въ Россіи крѣпостное состояніе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, обязано существованіемъ введенію западнаго просвѣщенія. Славянская неопредѣленность отношеній и прежде подавала поводъ къ многимъ злоупотребленіямъ, но при Петрѣ попытки водворить у насъ европейскую юриспруденцію и строгую правильность отношеній, повели къ приравненію холоповъ съ крестьянами, т. е. къ порабощенію послѣднихъ. Еслибы г. г. европейскіе публицисты знали хоть сколько-нибудь русскую исторію, о которой такъ много говорятъ, то посовѣстились бы упрекать насъ въ варварствѣ за то, что они-же намъ навязали его съ своимъ просвѣщеніемъ. Мы сказали въ кратцѣ о значеніи, которое имѣла бы Россія на послѣдней парижской выставкѣ, но этимъ цѣль наша далеко еще недостигнута, мы желаемъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобъ показать самой Россіи и Европѣ, какіе элементы жизненности существуютъ въ нашемъ отечествѣ, и какой Россія предстанетъ Европѣ, на будущихъ выставкахъ, однимъ словомъ, мы желаемъ опередить нѣсколько и отгадать тотъ отвѣтъ, котораго Европа требуетъ теперь отъ Россіи съ оружіемъ въ рукахъ.

Изучающіе русскую исторію, должны быть всѣ поражены господствующимъ ея характеромъ—послѣдовательностью. Не той діалектической, отвлеченной послѣдовательностью, ознаменовавшей постепенное образованіе французскаго единства, и приготовленіе единства европейскаго; не той юридической послѣдовательностью которая запечатлѣла развитіе англійскаго эгоизма; но послѣдовательностью живой, разумной и страстной разомъ, въ которой общественный фатализмъ участвовалъ столько-же какъ личная свобода.

До XIII вѣка русская исторія совпадаетъ съ исторіей общеславянской. Племя славянское въ разгулѣ первой молодости, смѣло и беззаботно разсыпалось на огромномъ пространствѣ отъ Урала до Эльбы, отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго. Всѣ отрасли его были тогда смѣшаны и языки не достигнувъ еще строгой опредѣленности, были только нарѣчіями. Нашествіе Татаръ разомъ пересѣкло юность, и приготовило для Россіи тѣ горькія испытанія, которыя воскормляютъ народы мужественные. Храбрые русскіе князья, побѣжденные не врагами обыкновенными, а какими-то чудовищами, которыхъ считали исполнителями гнѣва Божія, спаслись передъ карой небесной въ непроходимые лѣса Сѣвера, унося съ собой воспоминаніе объ Олегѣ, который пригвоздилъ щитъ свой на вратахъ Царяграда, и о Владимірѣ завоевавшемъ крестъ и византійскую царевну. Духовенство послѣдовало за князьями и вмѣстѣ съ греческимъ крестомъ перенесло на Сѣверъ славянскую Библію. Эта книга была залогомъ нашей народности, въ ней находилось ручательство за то что латынщина насъ не поглотитъ, какъ она поглотила племена литовскія и финскія; въ ней-же открылся и сохранился для насъ неизсякаемый источникъ языка чистаго, богатаго, правилнаго, приложеннаго къ выраженію высокихъ идей и поэтическихъ образовъ. (*)

(*) Иностранцы, толкующіе свысока о варварствѣ Россіи, упускаютъ изъ вида два факта необыкновенной важности. То, что у насъ былъ полный переводъ Библіи, тогда какъ подобнаго не существовало еще ни на одномъ изъ новоевропейскихъ языковъ; и то, что церковная служба совершалась въ Россіи на народномъ языкѣ съ II столѣтія, между тѣмъ какъ въ Германіи и въ Англіи народный языкъ введенъ въ употребленіе только со времени реформаціи. Вліяніе

Вотъ, тамъ за лѣсами, среди плоской возвышенности, занимающей мѣсто между четырьмя морями, сосредоточивается жизнь славяно-русская. Бѣдный городокъ съ деревянными стѣнами и башнями, возведенный на холмахъ на подобіе гордаго Рима и великолѣпной Византіи, блюдетъ въ бревенчатыхъ хижинахъ Крестъ и Библію, вѣру народную и языкъ народный. Мало по малу московское княжество, сжатое между Татарами и Литвой, въ спорѣ съ равными или превосходящими его силами—Тверью, Рязанью, Новгородомъ—но въ себѣ самомъ единое, крѣпнетъ, растетъ и мужаетъ, не только властолюбивою волей князей, но и христолюбивымъ умомъ святителей и самымъ участіемъ болѣе и болѣе живымъ народа представленнаго и боярами и духовными и купцами. Постепенное его развитіе представляетъ конечно одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторіи новаго времени. Сначала присоединеніе малыхъ удѣловъ, потомъ покореніе и поглощеніе другихъ великихъ княжествъ и наконецъ по уничтоженіи Новгорода и Пскова, соприкосновеніе и начало побѣдительной борьбы съ Литвой. Когда Кіевъ опять принадлежитъ одному государству съ Москвой, судьба Литвы уже рѣшена.

Я не отрицаю въ исторіи участія совободы. Литва могла въ извѣстную эпоху сдѣлаться славянскимъ центромъ, у ней были для этаго нѣкоторыя условія недостававшія Москвѣ, но моментъ прошелъ и послѣ Уніи, одна Москва съ греческимъ крестомъ и съ славянской Библіей осталась возможнымъ средоточіемъ для Славянъ. Московскіе князья приняли титулъ царей всея Россіи, слѣдовательно достигли своей цѣли. Впервые въ исторіи явился примѣръ народа побѣжденнаго, униженнаго, уничтоженнаго, который собственными силами, безъ помощи какой-либо случайности, постоянствомъ, мужествомъ и вѣрой достигаетъ возстановленія въ видѣ болѣе прежняго блестящемъ, съ новыми условіями силы нравственной и матеріальной. Но въ самомъ этомъ торжествѣ заключалось такъ-же и условіе

такого измѣненія на умственное и нравственное развитіе этихъ двухъ странъ, неоспоримо и слишкомъ очевидно для того чтобы нужно о немъ распространятся. Просимъ приложить то-же разсужденіе и къ Россіи.

упадка; какъ все органическое. т. е. живущее жизнью полной, Москва должна была переродиться.

Прямое соприкосновеніе съ Польшей мѣняло положеніе вопроса, который ставился теперь между Славянствомъ Восточнымъ и Западнымъ. Для того чтобы способствовать къ ихъ соединенію если не къ примиренію, должно было Россіи отказаться отъ самой себя и пойти въ ученье къ Западу, въ глубинѣ сердца спрятавъ вѣру отцовъ и славянскія убѣжденія. Наружно и въ этомъ предпріятіи Россія успѣла. Теперь наступалъ моментъ остановки, но не здѣсь мѣсто распространяться о ея причинахъ.

Здѣсь мы только хотѣли показать въ настоящемъ свѣтѣ, отличительную, характеристическую черту русскаго національнаго характера — упругость, которую можно сравнить съ геройскимъ постоянствомъ европейскаго племени. Въ Жидахъ господствуетъ семетическій идеализмъ, уничтожающій подъ ногами ихъ землю и дѣлающій ихъ гражданами цѣлаго міра; въ Русскихъ преобладаетъ славянская положительность, которая связываетъ ихъ нераздѣльно съ почвой, позволяетъ имъ двигаться только по неразрывному материку и заставляетъ разсѣливаться на огромномъ пространствѣ отъ Чукотскаго Носа до южнаго берега Крыма. Столкновеніе съ Европой въ 1812 году, доказало что это качество принадлежитъ русскому народу не въ однихъ только борьбахъ съ сопленнениками. Послѣдняя война предпринятая, какъ мы уже сказали, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, должна была убѣдить всѣхъ разумныхъ наблюдателей, что и теперь Русскіе не измѣнили добродѣтелямъ предковъ. Миръ, если онъ состоится, докажетъ это вѣроятно еще съ большей очевидностью. Постоянства, твердости и упругости почти чудотворной, ни кто не можетъ отрицать въ русскомъ характерѣ. Какія другія качества къ этому присоединяются?

Рядомъ съ упругостью мы ставимъ разумность. т. е. преобладаніе во всѣхъ важныхъ случаяхъ народной жизни, разсужденія надъ увлеченіемъ, расчета надъ страстью. Прежде принятія христіанской вѣры, Владиміръ разсылаетъ пословъ

чтобы освѣдомиться о достоинствахъ и недостаткахъ различныхъ вѣроисповѣданій. Намъ дѣла нѣтъ до того на сколько это сказаніе истроически достовѣрно, народъ принимающій его на вѣру, отражаетъ въ своемъ довѣріи собственную сущность и мы понимаемъ изъ этой легенды что значило для Русскихъ-Славянъ крещеніе, сопровождаемое низверженіемъ Перуна.

Потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, какая постоянная разумность во всей политикѣ Москвы, разумность доходящая иногда до геройства, иногда напротивъ до цинической разчетливости. Наконецъ когда Москва должна была умереть отъ руки Петра Великаго и возродиться въ лицѣ его, когда Россія должна была пойти въ ученье къ Западу, какого учителя выбрала она себѣ, какую страну поставила себѣ въ примѣръ? Не Францію Людовика XIV, утонченную образованіемъ, но униженную самымъ наглымъ и свирѣпымъ деспотизмомъ, не Англію укоренявшуюся въ обманахъ конституціоннаго равновѣсія—а Голандію, только что вышедшую побѣдительницей изъ гигантской борьбы съ всемощнымъ французскимъ королемъ, Голандію въ которой возстаніе за вѣру, основало свободу политическую и гдѣ строгая простота нравовъ соединилась съ независимостью умственнаго развитія. Тамъ Петръ учился, оттуда вывезъ для Россіи примѣры и уроки образованія.

Послѣ того когда Франція въ продолженіи XVIII вѣка, силой анализа приготовляла разрушеніе устарѣвшаго порядка и основаніе новаго общественнаго устройства, почему всѣ образованные люди въ Россіи, выучились по французски, не смотря на то, что Германія къ намъ была ближе и что литература ея со стороны художественной, была несравенно привлекательнѣе? Я говорю только о фактахъ имѣющихъ значеніе всеобщее; ихъ достаточно, я думаю, для того чтобы доказать въ русской душѣ и въ русской національной жизни эту основу разумности, которая составляетъ одно изъ необходимыхъ условій долговѣчія.

За разумностью слѣдуетъ качество на первый взглядъ ей противуположное, качество въ московской періодъ не суще-

ствовавшее и напоминающее отчасти славянскую удаль и распущенность XI и XII вѣковъ. Качеству этому мудрено дать имя и чтобъ составить о немъ полное понятіе, мы приведемъ слова человѣка необыкновенно умнаго, но считавшаго порокомъ то, что мы считаемъ добродѣтелью. Вотъ что говоритъ П. Я. Чаадаевъ въ знаменитомъ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ въ "Телескопѣ" 1836 года.

"Для души есть діэтетическое содержаніе, точно такъ-же какъ и для тѣла; умѣнье подчинять ее этому содержанію необходимо . . . . Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины давно извѣстныя въ другихъ странахъ и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только-что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другаго. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ . . .

"Вы ищите даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то что цѣлую жизнь. Вамъ не достаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ произшествія дня размѣщаются такъ естественно; условіе столь-же нужное для здоровья нравственнаго какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго . . .

"Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на что добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего чтобы привязывало, чтобы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго; все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни на васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ . . ."

Все это вполнѣ справедливо, справедливо и то, что такое душевное состояніе происходитъ отъ несуществованія живыхъ преданій и отъ недостатка къ нимъ довѣрія. Само по себѣ и для личностей оно безъ сомнѣнія тягостно, но составляетъ ли оно для общества въ которомъ проявляется условіе силы или ослабленія, добродѣтель или порокъ?

По нашему искреннему и глубокому убѣжденію, эта нестойкость въ русскомъ обществѣ есть добродѣтель. Россіи должно было отказаться отъ московскихъ преданій настолько насколько онѣ могли быть обязательными догматами и сохранить только живую силу элементовъ національности въ языкѣ и въ вѣрѣ. Безъ этаго отреченія мы остались бы по сіе время Московитами и ни насколько не подвинули бы вопроса о славянскомъ единствѣ. Съ другой стороны, еслибы мы усвоили себѣ ту или другую систему преданій, изъ существовавшихъ на Западѣ въ XVII столѣтіи, т. е. говоря по просту, подчинились бы католическому единству или присоединились бы къ протестантизму, то необходимо потеряли бы свою оригинальность и слѣдовательно всякую возможность самобытной дѣятельности.

Намъ предстоялъ одинъ раціональный выходъ подчинится сознательно условіямъ нашего положенія; русскій умъ смѣло и безъ оглядки рѣшился на это, и за что-же ставить ему такую рѣшимость въ вину? Всѣ образованные Русскіе въ томъ положеніи въ какомъ находятся западные Европейцы достигшіе философическаго образованія, т. е. въ совершенномъ разрывѣ съ преданіемъ, такимъ образомъ что по обыкновенному процессу логическаго развитія, каждое поколѣніе становится въ непріязненной противуположности къ поколенію предъидущему. Просвѣщенные классы въ Европѣ, подвергающіеся только на поверхности вліянію философическихъ системъ, спасаются отъ нестойкости безсознательнымъ сбереженіемъ преданій, въ видѣ обязательныхъ привычекъ.

Человѣчески говоря, что-же лучше, пустота-ли наполненная ничтожествомъ испепелившимся и недвижимымъ, или пустота отвергающая всякое неистинное наполненіе и по

этому самому алчущая истины, движенія жизни? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ съ одной стороны исторія Россіи, которой содержаніе болѣе и болѣе богатое, доказываетъ несомнѣнно и положительно, что нестойкость русской души не можно отнести къ слабости; съ другой, могучія личности, объемлющія все западное развитіе въ тенетахъ русскаго пониманія и сохраняющія совершенно свѣжими, во льду русской разумности самыя противуположныя системы, нисколько ихъ не смѣшивая и не покоряясь ни одной изъ нихъ.

Пусть никто не говоритъ мнѣ по этому поводу объ исключеніяхъ. Однажды случилось мнѣ разсуждать объ этомъ предметѣ съ Мицкевичемъ, и я раздраженный въ это время какимъ-то происшествіемъ въ отечествѣ, съ запосчивостью юности сказалъ ему:

— Ну, конечно, у насъ было однажды пять человѣкъ, которые любили свободу, за то ихъ и повѣсили.

— Не говорите такъ, отвѣчалъ поэтъ съ упрекомъ, смерть мучениковъ не можетъ быть безплодной. А сами вы что-же?

— Можетъ быть и я случайное исключеніе.

— Да, если ваши убѣжденія имѣютъ корень въ воображаніи а не въ сердцѣ и въ разумѣ, но если они созрѣли на огнѣ чувства и возросли при свѣтѣ мысли, то вы не исключеніе такъ-же какъ я не считаю исключеніемъ зрѣлаго яблока сорваннаго вѣтромъ съ дерева, а указаніемъ на то, что пора собирать плоды.

Это воспоминаніе о незабвенномъ поэтѣ приводитъ мнѣ на память стихи, въ которыхъ онъ не безъ преувеличенія изобразилъ безхарактерность русскихъ физіономій:

". . . Twarz każdego jest jak ich kraina,
Pusta, otwarta i dzika równina;
J z ich serc jako z wulkanów podziemnych
Jeszcze nieprzeszedł ogień aż do twarzy,
Ani się w ustach rozognionych żarzy,
Ani zastyga w czoła zmarszczkach ciemnych;
Jak w twarzach ludzi wschodu i zachodu,
Przez które przeszło tyle po kolei
Podań i zdarzeń, żalów i nadziei,
Że każda Twarz jest pomnikiem narodu,

Tu oczy ludzi, jak miasta tej ziemi,
Wielkie i czyste i nigdy zgiełk duszy
Niezwykłym rzutem zrenic nieporuszy...
... Ale gdy słońce wolności zaświeci,
Jakiż z powłoki tej owad wyleci?
Czy motyl jasny wzniesie się nad ziemię,
Czy ćma wypadnie, brudne nocy plemię?"

Нельзя отрицать въ этомъ описаніи нѣкоторой степени справедливости, но должно замѣтить, что оно относится къ физіономіямъ деревенскимъ, носящимъ вездѣ почти характеръ простоты и, что можетъ быть не рѣдко поэтъ принималъ Чухонцевъ за Русскихъ. Впрочемъ такъ какъ мы по историческому ходу увѣрены, что не злой, а добрый духъ довершитъ очертанія этихъ безхарактерныхъ лицъ, то мы не жалѣмъ о ихъ неопредѣленности, особенно когда сравниваемъ ихъ съ физіономіями западными, на которыхъ духъ унынія, лицемѣрія, раболѣпства и ненависти наложилъ печать неизгладимую.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ неутѣшно смотритъ славянскій человѣкъ на эти лица гдѣ каждая морщина выражаетъ собой цифру и до кончика носа все условлено готовыми формами и привычными формулами. Всякая физіономія представляетъ собой уравненіе, но безъ x и y, ихъ величины опредѣлены давно уже окончанными выкладками.

Изъ этой движимости русскаго характера, въ новое время вытекаетъ другое свойсво съ ней сродное, именно возможность, желаніе и талантъ надъ собой самими смѣятся, которымъ Русскіе отличались и отличаются въ продолженіи цѣлаго почти столѣтія. Вмѣсто западнаго самодовольсва, о которомъ мы говорили, въ Россіи господствуетъ самоосмѣяніе. Русскіе предаютъ самихъ себя бичу комической музы, съ той-же геройской рѣшимостью, съ которой они поперемѣнно принимаютъ и отвергаютъ всѣ современныя философскія системы. Для того чтобы послѣ всѣхъ этихъ ядовъ оставаться невредимыми, противуядіе должно быть силы необыкновенной у новыхъ Митридатовъ. Противуядіе состоитъ именно въ самоосмѣяніи, основанномъ не на той или другой системѣ, не на томъ или другомъ перенятомъ мнѣніи, а почерпающемъ жизнь

изъ глубины народнаго духа неудовлетворенпаго заимствованными формами и непрестанно стремящагося достигнуть самосознанія въ формѣ своеобразной.

"Недоросль" Фонъ Визина, "Ябеда" Капниста, "Горе отъ ума" Грибоѣдова, "Ревизоръ" Гоголя, "Свои люди сочтемся" Островскаго—всѣ эти комедіи, представляющія только одну общую черту, въ неподдѣльной искренности выражаютъ своей послѣдовательностью различныя фазисы русскаго общества. Отъ одной комедіи до другой, разстояніе времени не велико, пятнадцать, много что двадцать лѣтъ, но развитіе народнаго духа въ новой формѣ имъ принятой, обозначается всякой разъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Между "Недорослемъ" и "Горемъ отъ ума" разстояніе нравственное и художественное такъ-же велико какъ между "Фарсой адвоката Пателена" (l'avocat Patelin) и Мизантропомъ Мольера, изъ которыхъ первая отражаетъ средневѣковое общество, а второй олицетворяетъ характеристическія типы новѣйшаго времени.

Послѣ "Горя отъ ума" прогрессъ идетъ вширь, а не вглубь. Ближайшее, болѣе непосредственное сліяніе искуства съ жизнью народной, но необогащеніе содержанія. Впрочемъ если мысль прямо не выигрываетъ, то талантъ комическій достигаетъ особенно въ Гоголѣ, значенія уже не исключительно національнаго.

Гдѣ-же, въ какомъ обществѣ, древнемъ или новомъ, была сатира такъ плодовита, такъ талантлива и такъ непосредственно вліятельна? Мы такъ привыкли надъ всѣмъ своимъ смѣяться, что мнѣ какъ будто совѣстно напомнить здѣсь объ аѳинскомъ народѣ, который одинъ былъ въ этой-же мѣрѣ охотникъ до комедіи и чувствителенъ къ ея жалу.

И вотъ этотъ русскій народъ, представляемый пошлыми, невѣжественными западными журналистами, какъ обреченный на вѣчное варварство, какъ сгнившій прежде зрѣлости, какъ лишенный равно ума, таланта и характера.

Люди смыслящіе и благонамѣренные, которыхъ въ Европѣ благодаря Бога, не мало, согласятся что я ничего не преувеличилъ въ изложенномъ мной доселѣ, но эти самые люди имѣ-

ютъ право спросить меня, отчего-же соединеніе такихъ основательныхъ и блестящихъ свойствъ не произвело логически необходимаго слѣдствія, не породило оригинальныхъ, дѣятельныхъ личностей, и вслѣдствіе того умственной производительности, которая бы могла завоевать себѣ мѣсто въ исторіи развитія европейскаго человѣчества?

На этотъ вопросъ я постараюсь отвѣчать со всевозможной искренностью.

Въ замѣчательныхъ личностяхъ недостатка въ Россіи нѣтъ, но личности эти или находятся въ сферѣ оффиціальной и поглощены тамъ огромностью однообразія и нѣмотой правительственнаго механизма, или проявляютъ духъ непріязненный правительству и гибнутъ неразвившись, потому что до сего времени не имѣли никакой твердой опоры ни въ преданіи, ни въ современности.

Остаются однѣ только литературныя личности, которыя могутъ въ извѣстной степени достигать и дѣйствительно достигали иногда полнаго цвѣта. Но литература находится въ неразрывной и живой связи со всѣми другими проявленіями народнаго духа, съ политикой, съ философіей, съ промышленностью, съ соціальной организаціей. Въ странѣ гдѣ вся дѣятельность была доселѣ направлена почти исключительно и съ возрастающимъ насиліемъ къ матеріальному расширенію и къ установленію механическаго порядка, литература должна была большей частію принять форму прямаго или непрямаго протеста, вслѣдствіе этаго литераторы подвергались той-же опалѣ, тѣмъ-же гоненіямъ и той-же гибели, какъ и всѣ другіе бунтовщики.

Не смотря на то, голоса Пушкина, Лермонтова, Гоголя, которые всѣ трое умерли молоды, пробились сквозь тьму двойнаго невѣжества опоясывающаго Россію изнутри и извнѣ; сочиненія ихъ получили право гражданства въ европейской литературной республикѣ, на ряду съ нѣкоторыми новѣйшими произведеніями авторовъ еще доселѣ не убитыхъ ни горемъ, ни преслѣдованіями.

Все это мы разбираемъ, излагаемъ и обсуживаемъ, но уже

не жалуемся по прежнему: мы знаемъ, что это не дѣло рукъ человѣческихъ, а на исторію жалобы неумѣстны.

Что касается до личностей, то онѣ въ Россіи не проявляются кромѣ указанныхъ причинъ, проистекающихъ отъ недостатка свободы, еще по другимъ причинамъ противуположнымъ. Отрѣшаясь отъ своего народнаго преданія, не для того чтобы принять другое готовое, но съ цѣлью изученія и обсужденія результатовъ жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, русскій духъ обрекалъ себя на труженичество, съ одной стороны матеріально-скучное и тягостное, съ другой опасное, стольже какъ увлекательное, требующее разомъ — глубокой вѣры и сильной воли. Не всѣмъ, даже между лучшими людьми, суждено и возможно было идти съ рѣшительностью по тому или другому направленію.

Души чувствительныя, одаренныя стремленіями и способностями многосторонними, но не рѣшавшіяся подчиниться ни произвольной дисциплинѣ матеріальнаго деспотизма, ни раціональному порядку свободы, погружались и погружаются въ испытанія и въ наслажденія жизни непосредственной.

Одно изъ главныхъ различій западной Европы съ славянскимъ Востокомъ состоитъ въ понятіи о любви и въ устройствѣ отношеній между обоими полами. Система безотвѣтственной собственности имѣла свое вліяніе и на супружество. Уже по праву римскому, женщина даже въ лучшихъ условіяхъ, была почти собственностью мужа; въ правѣ буржуазномъ она объявленная навсегда несовершеннолѣтней, становится прикованной къ собственности и получаетъ свободу только подъ условіемъ потери всякаго достоянія.

Насъ упрекаютъ, и по справодливости, въ излишне-долгомъ сохраненіи крѣпостнаго права; но что-же такое законодательство о женщинахъ, въ Англіи и во Франціи, какъ не то-же самое крѣпостное право? Въ извѣстныхъ случаяхъ французскій кодексъ оправдываетъ мужа убившаго законную свою жену, подобнаго права помѣщики никогда не имѣли въ Россіи надъ своими крѣпостными людьми,

У насъ женщины по закону во всемъ равны съ мущинами

и только по предписанію церкви должны мужьямъ повиноваться; гражданскій законъ отдаетъ въ полное ихъ распоряженіе имущество наслѣдственное и благопріобрѣтенное, слѣдовательно признаетъ гражданское ихъ равенство съ мужьями. Такое положеніе женщинъ совершенно мѣняетъ половыя отношенія; у насъ чаще любовь господствуетъ надъ собственностью, нежели собственность покоряетъ любовь, между тѣмъ какъ на Западѣ первенство собственности всѣми признано и никому не приходитъ въ голову его оспоривать иначе какъ въ романахъ.

Любовь занимаетъ въ жизни русскихъ людей мѣсто несравненно важнѣйшее и обширнѣйшее нежели на Западѣ. Тамъ въ слѣдствіе долгаго и многообразнаго историческаго развитія, она принимаетъ вообще ходъ правильный, напередъ предвидимый и какъ будто размѣренный, ограничиваетъ свое вліяніе одной молодостью и превращается потомъ въ любезную болтовню. У насъ, силы души не поглощенныя ни страстной дѣятельностью партій, ни даже чувствомъ долга и необходимостью труда, предаются съ полнымъ самозабвеніемъ любви, увлекаясь потокомъ того что называютъ русской праздностью и русской лѣнью.

Сколько прекрасныхъ, сколько замѣчательныхъ личностей гибнутъ въ буряхъ страсти, навсегда теряя силу участія къ какой бы то ни было дѣятельности, проводя жизнь въ безвыходномъ унынiи или предаваясь безпрестанно новой и вѣчно обманутой надеждѣ, отыскать однажды пригрезившійся имъ идеалъ.

Наконецъ есть еще причина, по которой личности, даже сильныя, замѣчательныя и оригинальныя, не проявляются къ Россіи публично. По сіе время русской человѣкъ, крестьянинъ-ли, помѣщикъ-ли, просвѣщенный, равно какъ невѣжда, не сознаетъ необходимости труда. Трудъ для насъ—работа, т. е. внѣшнее принужденіе, а не сознательное употребленіе своихъ силъ, (*) намъ бы хотѣлось чтобы всѣ желанія наши

(*) Мы все какъ-то живемъ въ сказочномъ мірѣ, вѣримъ живой водѣ и мертвой водѣ, Жаръ-Птицѣ и Бабѣ-Ягѣ.

совершались по чужому велѣнью, по нашему прошенью. Въ этомъ я по совѣсти не вижу коренного, противучеловѣческаго порока, какимъ онъ долженъ представиться всякому западному человѣку.

Англичанинъ работаетъ съ охотой просто за деньги; Французъ трудится припѣвая, въ надеждѣ наслажденій, которыя купитъ временнымъ трудомъ; Нѣмецъ отчетливо исполняетъ свое дѣло, по той или другой причинѣ, прибавляя ко всему глубокое чувство долга. Одинъ Сѣверо-Американецъ можетъ, безъ хвастовства и безъ лжи, сказать что онъ трудится для свободы собственной и общественной. Когда русскому человѣку можно будетъ указать эту-же цѣль, и онъ станетъ трудиться ревностно, живо и постоянно. Указать эту цѣль и вести къ ней дѣло тѣхъ, которые сами ее видятъ, знаютъ къ ней путь и любятъ свободу всей душой и всемъ сердцемъ. Горе! если любятъ только для самихъ себя.

Я отвѣчалъ на вопросъ почему въ Россіи мало личностей замѣчательныхъ, прямо и отчетливо; теперь долженъ прибавить, что по моему убѣжденію, личностей сильныхъ и оригинальныхъ въ Россіи найдется довольно. Чья-же вина если иностранцы о нихъ не имѣютъ понятія? Здѣсь я стою на почвѣ не твердой. О лицахъ живущихъ въ Россіи говорить мудрено, однакоже попытаюсь исполнить этотъ долгъ не слишкомъ опасаясь слѣдствій.

Какая страна, на примѣръ, можетъ представить личность болѣе самобытную, благородную, смѣлую и всегда себѣ самой вѣрную, какъ П. Я. Чаадаевъ, слова котораго мы недавно повторили съ уваженіемъ, должнымъ мнѣнію такаго человѣка.

Петръ Яковлевичъ по воспитанію принадлежитъ къ второй эпохѣ царствованія Александра. Молодое поколѣніе развивалось тогда въ Петербургѣ подъ вліяніемъ Жозефа де Местра, Шатобріана и нѣмецкихъ романтиковъ. Содержаніе въ этомъ направленіи было не совсемъ дѣйствительное, но пока оно не превращалось въ мистицизмъ, давало опору независимости характерамъ. Чаадаевъ отъ природы слишкомъ былъ здравомыслящъ для того чтобы предаться мистицизму; мнѣнія его

юности обозначаются тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина. Преданный свѣсткой жизни, какъ прилично было его положенію и той дѣятельности ума и характера, которая всегда его отличала, онъ съ молоду пользовался уваженіемъ сверстникомъ и цѣлаго общества, за умъ, за таланты, за любезность, но особенно за достоинство характера. Это качество готовило ему вскорѣ испытанія. Царствованіе Александра омрачалось болѣе и болѣе, свирѣпый Аракчеевъ забралъ всю власть въ свои руки; трудно становилось человѣку съ нѣжнымъ чувствомъ чести и съ высокимъ понятіемъ о правахъ личности, дышать въ этомъ воздухѣ; не смотря на молодость и неважный чинъ, онъ былъ на примѣтѣ какъ одинъ изъ безпокойныхъ, и скоро принужденнымъ нашелся оставить службу, отказаться отъ оффиціальной будущности и уѣхать за границу.

Что онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлалъ въ Европѣ мнѣ извѣстно только отчасти, всего болѣе я слыхалъ объ немъ отъ покойнаго Ламенне, который питалъ къ нему высокое уваженіе и называлъ его русскимъ де Местромъ. Послѣ этихъ годовъ странствія, Чаадаевъ возвратясь въ Россію, поселился въ Москвѣ и жилъ тамъ постоянно безъ выѣзда.

Вотъ человѣкъ, одаренный конечно способностями необыкновенными, умомъ геніальнымъ, рѣчью свободной и увлекательной, но не проявившій своихъ великихъ и блестящихъ качествъ нигдѣ кромѣ свѣтской жизни; и этотъ человѣкъ, лишенный богатства, неимѣющій чина, непринадлежащій даже къ знатному семейству, дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ Москвѣ и потомъ мало по малу въ цѣлой Россіи.

Скромный домикъ его посѣщаемъ постоянно сенаторами, членами государственнаго совѣта, генералъ-адъютантами, обер-церемонимейстерами и даже министрами. Всѣхъ онъ принимаетъ съ равной любезностью, но и съ равнымъ достоинствомъ, передъ всѣми неизмѣнно онъ остается самимъ собой и въ этомъ-то тайна его всѣми признаннаго превосходства.

Обладующій обширными свѣденіями, слѣдившій за нравственнымъ и политическимъ развитіемъ Европы и Россіи,

въ продолженіи четверти столѣтія, Чаадаевъ знакомъ и съ идеями и съ людьми. Самъ онъ неучаствующій и нежелающій участвовать въ непосредственной дѣятельности, сохраняетъ полное безпристрастіе; а по достоинству и прямотѣ характера говоритъ всегда правду или то, что правдой считаетъ, о системахъ, о происшествіяхъ, о лицахъ.

Въ Россіи, въ царствованіе Николая, когда правду нельзя было ни печатать, ни писать, ни говорить, ни даже думать, когда за правду ссылали въ Сибирь, отправляли на Кавказъ, сажали въ Шлисельбургъ, Чаадаевъ говорилъ всегда и о всемъ правду. Можно прибавить безнаказанно, потому что медвѣжья шутка Николая, объявившаго его сумашедшимъ, не имѣла и не могла имѣть никакихъ для него послѣдствій. Послѣ, какъ и прежде, русское общество равно его уважало, а самъ онъ равно говорилъ правду послѣ какъ и прежде.

Явленіе это и самое существованіе такой личности, оправдываетъ Россію въ многихъ обвиненіяхъ. Чаадаевъ принадлежитъ къ породѣ героевъ: въ Римѣ, при Діоклеціанѣ онъ былъ бы мученикомъ, при Иванѣ Грозномъ онъ назывался бы Адашевымъ, при Петрѣ великомъ Яковымъ Долгорукимъ, теперь онъ Чаадаевъ.

Придетъ время, Россія напишетъ дѣйствительно имя его на тѣхъ обломкахъ, о которыхъ пророчилъ Пушкинъ.....

.....Обозрѣніе мое окончено и я считаю нужнымъ прибавить только одно краткое объясненіе.

Все что я говорю о Россіи и о Русскихъ, можно назвать панегирикомъ или, по-крайней мѣрѣ апологіей—правда. Но я сначала объявилъ что не имѣю сатирическаго расположенія. Дѣло не въ названіи. Есть-ли въ моей апологіи истина? Вотъ вопросъ; а въ томъ что я отъ истины не отступилъ, убѣждаетъ меня моя научная совѣсть.

Мнѣ также было бы непріятно, еслибы приняли за намѣренную сатиру описанія нѣкоторыхъ частностей западнаго развитія, которыми статья моя начинается. Я нисколько не принадлежу къ ненавистникамъ европейскаго Запада. Живши долго въ разныхъ странахъ его, я свыкся съ его нравами,

уважаю и люблю великія національности его составляющія, особенно Францію, которую считаю вторымъ отечествомъ.

Франціи я повторилъ въ новомъ видѣ тѣ укоры, которые она слыхала отъ любимыхъ сыновъ своихъ; но отъ укоровъ далеко до проклятія или до приговора. Приговора я не произнесу не только Франціи, матери революціи, въ будущности которой я увѣренъ; но даже ни Англіи эгоистической, но трудолюбивой, ни Германіи тяжелой на подъемъ, но глубокой и рѣшительной въ убѣжденіяхъ.

Западу предстоитъ обновленіе, такъ-же какъ и намъ самимъ. Перерожденная Россія займетъ свое мѣсто въ Европѣ преобразованной, и тогда примиренныя народныя массы не будутъ упрекать одна другую, такъ какъ упрекаютъ теперь другъ друга привилегированные классы различныхъ націй. Западные Европейцы перестанутъ считать освобожденныхъ Русскихъ варварами, а мы не будемъ болѣе мечтать о скорой гибели гніющаго Запада и о всемірномъ господствѣ славянскаго племени.

Для всѣхъ племенъ, для всѣхъ идей и для всякаго труда есть на землѣ мѣсто. Соединимъ наши усилія для того, чтобы не было нигдѣ притона, ни пристанища для рабства, для невѣжества и для лжи.

Н. САЗОНОВЪ.

V.

ПИСЬМА.

I.

Милостивый государь,

Ваша Полярная Звѣзда показалась на петербуржскомъ горизонтѣ, и мы привѣтствуемъ ее, какъ нѣкогда Виѳлеемскіе пастыри привѣтствовали ту свѣтлую звѣзду которая загорѣлась надъ колыбелью рождающейся свободы. Еслибы вы видѣли съ какимъ энтузіазмомъ читаютъ ее, переписываютъ статьи, пересказываютъ ихъ содержанія, повторяютъ самыя выраженія ваши, это доставило бы вамъ не одну сладкую минуту въ печальномъ изгнаніи, вдали отъ любимой вашей Россіи. Всѣ благородные сердца молодаго поколѣнія, жадно чувствующіе потребность свободнаго слова, вамъ сочувствуютъ.

Необходимость въ свободномъ журналѣ въ послѣднее время сдѣлалась очевидною. Воздухъ на Руси съ сорокъ девятаго года сталъ нестерпимо-удушливымъ. Мыслящему человѣку труднѣе было дышать у насъ, чѣмъ въ аду, не только Дантовомъ, но даже и православномъ, потому что съ заклепаннымъ на-глухо ртомъ, мы не могли даже стонать. Ежедневно совершались передъ нами позорные подвиги безсмысленнаго деспотизма. Угнетѣніе достигло крайнихъ предѣловъ. Въ университетахъ открыто гнали науку, вводили казарменное право. Въ гимназіяхъ древніе языки замѣнили маршировкой, въ

корпусахъ учатъ по славянски, въ университетахъ попы подъ именемъ философіи разбираютъ бредни Василія Великаго и другихъ византійскихъ растлителей ума.

Николай въ послѣдніе годы былъ одержимъ книгобоязнію, онъ не позволялъ ни одного новаго журнала, и всю литературу отдалъ подъ надзоръ тайной полиціи. Цензура достигла до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости. Запрещали романъ въ которомъ молодая дѣвушка признавалась въ любви безъ позволенія родителей; въ кухонной книгѣ не позволяли сказать, что пирогъ нужно печь въ вольномъ духу. Изъ кандитерскихъ брали въ духовную цензуру сахарныя яица, заготовляемыя къ свѣтлому Воскресенію; носовые платки, съ самыми невинными рисунками не смѣли безъ цензорскаго дозволенія показываться въ гостинномъ дворѣ; подъ транспарантами для каллиграфіи, гдѣ нѣту никакаго текста, видна надпись: печатать позволяется, цензоръ Елагинъ.

Война и смерть Николая обѣщаютъ провѣтрить нѣсколько эту нравственную духоту. Въ послѣдній годъ у многихъ открылись глаза. Мнимая сила и мудрость, которою почти тридцать лѣтъ драпировался Николай, начинаетъ являться въ настоящемъ свѣтѣ. Мысль о причинахъ униженія Россіи и нравственной порчи нашего общества закрадывается въ самые спокойные умы. Многіе уже сомнѣваются, дѣйствительно-ли нужно было обратить всѣ силы великаго народа на маневры и парады, въ то время когда Европа строила желѣзныя дороги, проводила электрическіе телеграфы, работала для просвѣщенія. Тотлебенъ постройкою севастопольскихъ укрѣпленій, показалъ всей Россіи преимущество науки передъ николаевской догматической шагистикой. Геройскіе подвиги русскихъ солдатъ въ Крыму подрываютъ религіозное уваженіе къ маршировкѣ даже въ глазахъ генераловъ. Николай это чувствовалъ, и не перенесъ, онъ контуженъ въ сердце первымъ севастопольскимъ ядромъ.

Новый царь вступилъ на тронъ посреди веселыхъ лицъ. Въ первые дни царствованія его ходили уже въ публикѣ утѣшительные слухи. Когда Александръ желая разстегнуть у

русскаго войска воротникъ, тридцать лѣтъ застегнутый на всѣ кручки, перемѣнилъ форму, какой-то молодой офицеръ сказалъ, кажется въ кандитерской: "Время-ли думать теперь о генеральскихъ штанахъ!" Дуббельтъ доложилъ объ этомъ царю. "Сколько лѣтъ офицеру?" спросилъ Александръ, и узнавъ что онъ человѣкъ молодой, прибавилъ: "Отпустите его и скажите когда онъ больше поживетъ, то узнаетъ, что я думаю не объ однихъ штанахъ". Въ послѣднее время появилось множество рукописныхъ сочиненій, за которыя при Николаѣ Павловичѣ по-крайней мѣрѣ засадили бы въ сумашедшій домъ или послали въ Вятку. Нѣкоторыя изъ нихъ были представлены государю и онъ не велѣлъ дѣлать никакихъ розысковъ. Хотя цензура свирѣпствуетъ еще, но Александръ не боится книгъ. На 1856 годъ разрѣшено пять новыхъ журналовъ. Разумѣется это мелочи и увлекаться тутъ нечѣмъ, но послѣ николаевскихъ инквизиціонныхъ ужасовъ—и мелочь одобряетъ.

Вы сомнѣваетесь, будутъ-ли вамъ присылать статьи изъ Россіи, кажется можете быть спокойны, у васъ не будетъ недостатка въ сотрудникахъ. Мусинъ-Пушкинъ и его татарская цензура, затушая мысль въ Петербургѣ, помогутъ вамъ въ этомъ. Возможность писать къ вамъ застала меня такъ неожиданно, что въ настоящую минуту я не могу послать ничего, кромѣ вашей-же статьи "Москва и Петербургъ." Мнѣ пріятно убѣдить васъ и въ томъ, какъ свято сберегаются у насъ ваши рукописи. Но участіе къ вашему журналу я намѣренъ доказать не однимъ этимъ.

Теперь позвольте обратиться къ вамъ съ сердечнымъ желаніемъ. Вы избрали роль, которая обращаетъ на васъ глаза всѣхъ свободномыслящихъ людей. Будьте-же разборчивы въ статьяхъ своего журнала, не допускайте въ него строкъ подобныхъ прокламаціи къ русскимъ солдатамъ. Поставьте въ возможность насъ, искренно уважающихъ вашъ талантъ и патріотизмъ, защитить васъ передъ глазами общихъ враговъ нашихъ. Типографскій станокъ Искандера долженъ быть достоинъ Россіи. Мы съ гордостью видимъ въ васъ представителя соціальныхъ идей нашей эпохи, мыслителя идущаго въ

уровенъ съ Европой и своимъ отечествомъ; но я не нахожу въ васъ умѣнья говорить съ простымъ народомъ и съ солдатами. Извините за это откровенное мнѣніе, оно высказано однимъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей вашего дарованія и васъ самихъ, человѣкомъ который любитъ васъ больше чѣмъ кого-либо изъ современныхъ писателей. Примите увѣреніе въ сочуствіи глубоко уважающаго васъ. (*)

* * *

(*) въ припискѣ предоставлено мнѣ право напечатать это письмо.

ОТВѢТЪ.

Лондонъ, 1 Января 1856 года.

Я разсказывалъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ станціонный смотритель между Вяткой и Нижнимъ, котораго я угощалъ особымъ half-and-half, прощаясь со мной повторялъ: "Вотъ вы и меня сдѣлали съ новымъ годомъ!" Позвольте мнѣ дружески, искренно, отъ всей души сказать вамъ эти слова.

Письмо ваше пришло вчера вечеромъ. Грустно сидѣлъ я у камина, ожидая двухъ-трехъ пріятелей изгнанниковъ. Всѣ особенно отмѣчанные дни, эти вѣхи поставленныя въ безконечной степи чтобъ не потерятся, эти "станціи", какъ говоритъ Байронъ, въ которыхъ время пріостановливается, переводитъ духъ, мѣняетъ лошадей и опять скачетъ—тяжелы для людей много утратившихъ; они будятъ такъ много воспоминаній и такъ мало надеждъ . . . я перебиралъ наши прежнія встрѣчи новаго года и душевно желалъ чтобъ скорѣе пробило двѣнадцать часовъ.

Въ это время мой сотрудникъ Чернецкій принесъ ваше письмо. Прочитавши его, я не могъ сказать ни слова — но многое прошло по душѣ. Я васъ благодарю, я васъ обнимаю братски, васъ и вашихъ друзей. "Вы меня сдѣлали съ новымъ годомъ!"

Какъ для меня важенъ такой голосъ, вы сейчасъ увидите.

Увлеченный событіями 1848 года, я жилъ съ западными людьми, дѣлилъ ихъ судьбу и невзгоды, и для нихъ говорилъ о Россіи.

Вы знаете en gros что было въ Европѣ въ послѣдніе пять лѣтъ, я знаю по мелочи, по рубцамъ; дорого мнѣ стало знаніе Запада; насколько могъ я его узналъ и — растался съ нимъ. Я сочувствую его мыслямъ, но не сочувствую ни его людямъ, ни его дѣламъ.

Вѣра въ будущее Россіи, одна пережила всѣ другія. Но связь моя съ вами ослабла въ продолженіи этихъ бурныхъ лѣтъ; для того чтобы оживить ее, я завелъ русскую типографію и приглашалъ, просилъ, звалъ всѣхъ; но въ продолженіи двухъ лѣтъ никто не откликнулся. Я не унылъ отъ этаго и былъ готовъ продолжать мой трудъ,—но мнѣ было больно это молчаніе.

Съ половины прошлаго года все перемѣнилось, слова горячей симпатіи, живаго участія, дружескаго ободренія, стали доходить до меня. Ваше письмо занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ, оно торжественно заключило для меня годъ, и я вдвое бодрѣе стою у моего станка.

— Что касается до летучихъ листовъ, (изъ которыхъ только одно писано мною, "Къ солдатамъ въ Польшѣ", и которое я готовъ повторить слово отъ слова) не оттого-ли они возбудили ваше негодованіе, что мы мало привыкли къ свободной рѣчи?

Дайте каждому говорить свое мнѣніе, вы не обязаны съ нимъ соглашаться. Вспомните что я сказалъ въ програмѣ къ Полярной Звѣздѣ. "Мы равно приглашаемъ нашихъ Европейцовъ и нашихъ Панславистовъ, умѣренныхъ и неумѣренныхъ, осторожныхъ и неосторожныхъ. Мы исключаемъ одно то, что будетъ писано съ цѣлью упрочить современный порядокъ дѣлъ въ Россіи, ибо всѣ усилія наши только къ тому и устремлѣны, чтобы его замѣнить свободными и народными учрежденіями. Что-же касается до средствъ, мы открываемъ всѣ двери, вызываемъ на всѣ споры. Мы не отвѣчаемъ за мнѣнія изложенныя не нами, намъ уже случалось печатать вещи прямо противуположныя нашему убѣжденію, но сходныя въ цѣли. Роль цензора намъ еще противна со временъ русской жизни." Не заставляйте меня

быть Мусинымъ-Пушкинымъ и лучше возражайте прямо на статьи; возраженія ваши будутъ напечатаны. Любите свободу даже съ ея неудобствами.

Съ другой стороны не желая себѣ присвоивать ни похвалы, ни осужденія принадлежащія другимъ, я васъ попрошу не забывать, что я подписываю мои статьи, и притомъ всѣ безъ исключенія.

Прощайте — и на прощаніе позвольте мнѣ надѣятся, что вы и ваши друзья исполните обѣщаніе и пришлете что-нибудь въ Полярную Звѣзду.

П—ръ.

II.

Г. ИЗДАТЕЛЮ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ.(*)

Ваша Полярная Звѣзда показалась и въ нашемъ уголкѣ.

Эта книжка подаетъ поводъ къ мпожеству замѣчаній, какъ на то, что въ ней находится, такъ равно и на то, чего въ ней нѣтъ. Ограничусь нѣсколькими:

I. Въ заглавіи читается между прочимъ: третное Обозрѣніе. Это слово "третное" едва-ли будетъ понятно; во всякомъ случаѣ оно не выражаетъ того что вы разумѣть хотѣли.

2. Эпиграфъ могъ бы быть пріисканъ удачнѣе и выразительнѣе.

3. "Полярныя Звѣзды" Бестужева и Рылѣева (1823, 1824 и 1825 годовъ), которымъ вы вашу "Звѣзду" назначаете какъ бы продолженіемъ, начинались, каждая, Обозрѣніемъ Русской Словесности. Такой статьи не находится въ вашей первой книжкѣ, и по всему видно, что вы совершенно чужды нынѣшнему движенію русской литературы. Странно, что вы не получасте или не читаете русскихъ журналовъ, не слѣдите за ходомъ нашей Словесности и не обращаете вниманія на статьи о ней, появляющіяся въ Сѣверной Пчелѣ, Русскомъ Инвалидѣ, Петерб. Вѣдомостяхъ, Современникѣ, Отечест. Запискахъ, Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, и другихъ.

4. На страницѣ 11, вы напечатали только десять стиховъ

(*) Мы позволили себѣ выпустить нѣсколько строкъ, неназначенныхъ вѣроятно для публики.

изъ Оды Рылѣева (1823) Великому князью Александру Николаевичу. Почему не перепечатали вы вполнѣ это прекрасное стихотвореніе?

5. Статью о Государствѣ (стр. 15—62) вы называете "превосходною" (ср. IX); вы перечитывали ее "десять" разъ. У насъ въ Россіи, думаю, едва-ли будетъ она понятна; едва-ли дочтутъ до конца такую темную, безплодную метафизику.

6. Отрывки изъ вашихъ "Записокъ" (стр. 79—195) прочтутъ въ Россіи съ большимъ любопытствомъ и съ пользою.

7. Уѣхавши изъ Россіи въ 1847 г. и не возвращавшись—какъ могли вы очутиться "въ началѣ 1849 г." во Владимірѣ (стр. 82)? Такія опечатки сбиваютъ читателя.

8. Почему Клязьма рѣка "бѣдная" (стр. 82) и что значитъ "вѣнчальный" городокъ? (стр. 82.)

9. Число "21 Января 1725 г." (стр. 105) взято произвольно. Не въ этотъ день скончался Петръ I. (*)

10. Число 6 Августа (или 25 Іюля) не напоминаетъ никакой замѣчательной годовщины. Странно находить такую значительную хронологическую ошибку въ книжкѣ, въ которой имѣлось предметомъ указать на $\frac{13}{25}$ Іюля 1826 г.

11. Другой анахронизмъ на стр. 165. Вы относите къ 1835 году (десять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ императора Николая) появленіе посланія Пушкина къ Чаадаеву:

"Чаадаевъ, помнишь-ли былое?"

Это посланіе написано Пушкинымъ вскорѣ послѣ ссылки его изъ Петербурга, т. е. въ 1820 году "на берегу Тавриды," и напечатано въ 1821 г. въ "Сынѣ Отечества," слѣдовательно не десять лѣтъ послѣ, а четыре года прежде воцаренія императора Николая.

12. "Русской Богъ" тиснутъ вами на летучемъ листкѣ,

(*) По несчастію мы опять проглядѣли эти числовыя опечатки и онѣ остались во второмъ изданіи Полярной звѣзды за 1855 г.; вкрались и другія ошибки. Досадно—но мы просимъ подумать о затрудненіи новаго изданія въ Типографіи въ которой ни одинъ человѣкъ не знаетъ по Русски.

П—ръ.

который пройдетъ безъ вниманія или затеряется, не лучше-ли было напечатать это стихотвореніе въПолярной Звѣздѣ? Тогда оно сохранилось бы для современниковъ и для потомства. — Авторъ напечаталъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ длинное стихотвореніе на кончину императора Николая, подъ заглавіемъ "Плачъ и Утѣшеніе." По возвращеніи его въ Петербургъ, онъ назначенъ (въ Іюлѣ 1855) исправляющимъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія. Если бы вы обращали вниманіе на русскія газеты и журналы, то нашли бы въ нихъ пре-замѣчательную оду Михаила Дмитріева на вступленіе Александра II на престолъ, и конечно съ удовольствіемъ напечатали бы въ Полярной Звѣздѣ послѣднія, прекрасныя строфы изъ этой оды.

13. Неужели только лѣтомъ 1836 г. (стр. 158) получили вы въ Вяткѣ 15ю. книжку "Телескопа", въ которой появилось письмо Чаадаева? Эта книжка, надѣлавшая столько шума, и потрясшая какъ сильная, внезапная буря весь читающій русскій міръ, появилась въ Москвѣ осенью 1835 г. Такія эпохи слѣдовало бы указывать съ строгою хронологическою точностію. Замѣчу здѣсь кстати, что "Телескопъ" (какъ ошибочно означено у васъ въ книжкѣ du développement) . . . вовсе не замѣщалъ и не замѣнялъ "Телеграфа". "Телескопъ" появился въ 1831 г. и былъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ современенъ "Телеграфу", который запрещенъ въ Мартѣ 1834 года.

14. Вы сулите намъ (стр. 232) отрывки изъ "неизданной" о Россіи книги Gallet de Kulture. Но какъ-же не замѣтили вы, что въ книгѣ изданной имъ, оклеветанъ императоръ Александръ I, и позорно очерненъ величайшій изъ поэтовъ русскихъ! Вы знали Пушкина, и его знала вся Россія. Допустилъ-ли бы себя Пушкинъ до такого позора, или пережилъ ли бы его? . . .

15. Вы говорите (стр. 238), что получили "наконецъ-то", тетрадь стихотвореній Пушкина, Лермонтова и Полежаева. Но неужели не знаете вы наизусть неизданныя ихъ стихотворенія, повторенныя и повторяемыя въ цѣлой Россіи? и не лучше-ли было занять ими, или чѣмъ другимъ русскимъ, тѣ

страницы вашей книжки, которыя поглощены пустыми, совершенно для Русскихъ не занимательными и ничего не значущими письмами Прудона, Маццини и др.

16. Вы такъ рѣшительны, рѣзки и строги въ вашихъ мнѣніяхъ, сужденіяхъ и приговорахъ, что примите конечно съ благорасположеніемъ и вниманіемъ эти чистосердечныя замѣчанія одного изъ отдаленныхъ читателей вашихъ.

*

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь,

Вы не ошиблись, я ваше письмо прочелъ съ благодарностью и принимаюсь за перо не для того чтобъ возражать, а чтобъ объяснить нѣкоторыя обстоятельства, привести облегчающія причины въ другихъ и повинную голову въ третьихъ.

Русская типографія, которую я завелъ въ 1853 году въ Лондонѣ, была съ моей стороны запросомъ, сондированіемъ; безуміе петербургской цензуры послѣ 1848 г. перешло всѣ границы—я предложилъ матеріальное средство избѣгнуть ее. Имъ никто не воспользовался.

На другой или третій день послѣ смерти Николая, мнѣ пришло въ голову, что періодическое обозрѣніе можетъ будетъ имѣть больше средствъ притяженія, нежели одна типографическая возможность. Я ставилъ новое предпріятіе подъ знакомое и дорогое намъ знамя; при словѣ "Полярная Звѣзда," я былъ увѣренъ сердца многихъ вздрогнутъ.

Ничего въ свѣтѣ не можетъ быть печальнѣе, какъ говорить не зная слушаютъ-ли рѣчь, и вообще хотятъ-ли ее слушать.

Въ маѣ мѣсяцѣ я получилъ первую русскую статью "Что такое Государство?" къ которой вы такъ строги и которую я принялъ съ тѣмъ чувствомъ надежды, съ которымъ въ ковчегѣ была принята вѣтвь принесенная голубемъ.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Если я не получилъ русскихъ статей (кромѣ статьи Н. Сазонова), то получилъ такіе полные, горячіе знаки сочувствія, что всякое сомнѣніе устраняется. Самое письмо ваше, при всей строгости своей,

есть доказательство, что "Полярная Звѣзда" не прошла безслѣдно.

Но тѣмъ не менѣе и вторую книжку я не могу сдѣлать тѣмъ, чѣмъ бы я хотѣлъ чтобъ была "Полярная Звѣзда."

Вы совершенно правы, требуя "Обозрѣнія Русской Словесности," но вы слишкомъ легкимъ считаете выписываніе русскихъ книгъ и журналовъ въ Англіи. Оно было всегда затруднительно, но со времени балтійской блокады, совсѣмъ нѣтъ книгопродавческихъ сношеній съ Петербургомъ. Одинъ ящикъ книгъ я жду съ Октября; новое изданіе Пушкина заказанное мною 1 Декабря прошлаго года у Трюбнера & Со., было получено 12 Апрѣля.

Впрочемъ наша литература отъ 1848 до 1855, походила на то лице въ Моцартовой "Волшебной флейтѣ", которое поетъ съ замкомъ на губахъ.

Изрѣдка правда попадались вещи обличавшія большой талантъ, широкую кисть и ту свѣжесть и простоту, которой вовсе нѣтъ въ западныхъ литературахъ, но я и въ нихъ не видалъ нового направленія. Развѣ превосходные разказы Охотника не продолженіе по духу и формѣ прежнихъ разсказовъ И. Тургенева, развѣ удивительный романъ Григоровича "Рыбаки" не въ прямомъ родствѣ съ "Антономъ Горемыкой", котораго я читалъ со слезами на глазахъ у подножія Везувія, передъ февральской революціей. Комедіи Островскаго принадлежатъ къ тому-же сознательно-гоголевскому направленію.

Изъ новыхъ произведеній меня поразила своей пластической искренностью повѣсть графа Толстаго "Мое дѣтство", но и она не составляетъ-же новаго направленія. Сверхъ того не должно забывать, что намъ не настолько извѣстны новые порядки, чтобъ слишкомъ откровенно говорить о современныхъ писателяхъ и книгахъ; — пожалуй Мусинъ-Пушкинъ за это представитъ меня къ Анненскому кресту. Тѣмъ не менѣе ваше замѣчаніе справедливо и я взялъ нужныя мѣры для полученія книгъ и журналовъ изъ Россіи. Жаль что во всемъ этомъ никто не хочетъ мнѣ помочь; укажите мнѣ книги, замѣчательныя

статьи, пришлите мнѣ обозрѣніе литературы, о которомъ вы говорите. Я дѣлаю что могу, справедливо-ли не помогая ничѣмъ моему труду, требовать чтобъ я дѣлалъ и то чего не могу.

Перехожу къ нѣкоторымъ изъ частныхъ замѣчаній вашихъ.

1. Слово третное мнѣ кажется понятно, такъ-же какъ и слово обозрѣніе, которымъ необходимо замѣнить слово "Журналъ". Я очень плохой этимологъ и знаю языки больше инстинктомъ, нежели наукой, но мнѣ кажется, что "третное обозрѣніе" выражаетъ время выхода, такъ какъ и quarterly review. Одинъ изъ моихъ друзей шутя, предлагалъ назвать предполагаемое нѣкогда нами обозрѣніе "квартальный надзиратель." Выборъ между ошибкой еслибъ она и была, и квартальнымъ, долженъ былъ рѣшиться въ пользу ошибки. Вы можетъ хотите сказать вашимъ замѣчаніемъ, что именно "обозрѣнія" то и нѣтъ; но я уже на это вамъ отвѣчалъ. Примите двѣ первыя книжки за опыты.

2. Вамъ не нравится эпиграфъ "Да здравствуетъ разумъ!" А мнѣ кажется, что это единственный возгласъ, который остался непзношеннымъ послѣ воззваній красныхъ, трехцвѣтныхъ, синихъ, бѣлыхъ. Во имя разума, во имя свѣта и только во имя ихъ побѣдится тьма. Оттого-то и не удались всѣ революціи, что онѣ шли не подъ хоругвію разума, а чувствъ, вѣрованій.

3. Я никакъ не могу согласится съ вами, чтобъ это былъ безразличный фактъ для Русскихъ, что передовые люди европейской мысли, поэзіи, революціи, часто несогласные между собой, единогласно и горячо привѣтствовали первое русское обозрѣніе, печатающееся безъ цензуры, въ Европѣ. Во-первыхъ это показываетъ насколько эти люди далеки отъ оффиціальной и мѣщанской Европы, которая во имя просвѣщенія смотритъ со скрежетомъ зубовъ на все русское и готова остановить всякой успѣхъ перехватить у насъ всякое развитіе, такъ какъ ливонскіе рыцари задерживали докторовъ отправлявшихся въ Россію во время повальныхъ болѣзней. Во-вторыхъ тотъ-же фактъ показываетъ, что и "Полярная Звѣзда" равно далека отъ правительственной Европы и отъ казенной

Россіи. Нѣтъ, вы не хотѣли понять поэзію и смыслъ этихъ именъ, именъ Прудона, Маццини, Гюго, Луи-Блана, Мишле, Лелевеля пришедшихъ на закладку свободнаго русскаго дѣла.

4. Князьму я назвалъ "бѣдной," такъ точно какъ могъ бы назвать "скромной" Москву рѣку; этому смиренному названію подвергается всякая рѣка въ которой мало воды. Эпитетъ данный Владиміру объясняется во второй (еще ненапечатанной) части Записокъ.

5. Я никогда не думалъ, что Телескопъ издавался "въ замѣну" Телеграфа. Онъ его замѣнялъ для читателей, просто потому что былъ ближе къ направленію Телеграфа, нежели московской Вѣстникъ или Атеней.

6. По вашему желанію стихотвореніе Рылѣева и Русскій Богъ напечатаны. Если у васъ подъ рукой Ода Дмитріева, пришлите ее намъ. Что касается до того, что я не вытвердилъ на память стихи Пушкина, ходившіе въ рукописи — то это конечно дурно; но что-же съ этимъ дѣлать? Я особенно настаиваю теперь, чтобъ мои дѣти твердили на память стихи— чтобъ не заслужить лѣтъ черезъ тридцать выговора за дурную память.

7. Мнѣ очень досадно, что не смотря на наши старанія, типографскихъ ошибокъ у насъ не меньше какъ въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ. Разумѣется, не наше дѣло мѣрить строгость, когда она обращена на насъ; но позвольте замѣтить что вы насъ не щадите. Попадались-ли вамъ въ руки французскія или нѣмецкія книги, печатанныя въ Лондонѣ? По нихъ вы можете судить легко-ли здѣсь печатать по русски. Къ тому-же доля ошибокъ отмѣченныхъ вами, не введетъ въ заблужденіе просто читателя. Не ясное-ли дѣло что оставивъ Россію въ 1847 году, я не могъ быть во Владимірѣ въ 1848; и что 1848 напечатанъ вмѣсто 1838 годъ?

8. Въ другомъ мѣстѣ, перечисляя число съ новаго стиля на старый, я вмѣсто вычета, прибавилъ двѣнадцать дней. Эта путаница только доказываетъ, что пора бросить благочестивую, но астрономически нелѣпую ошибку юліанскаго лѣтосчисленія.

9. Времени когда Пушкинъ писалъ второе посланіе къ Чаадаеву, я не зналъ, и это чисто моя ошибка.

10. Гале де Кюльтюръ дурно поступилъ повторивъ ложный анекдотъ о Пушкинѣ, но вина не его. Распространеніе этаго анекдота по несчастію принадлежитъ нашимъ русскимъ жиденькамъ либераламъ, которые воображаютъ много выиграть передъ иностранцами подобнаго рода небылицами. У Кюльтюра прибавлено противъ двухъ печатныхъ текстовъ одно лице Милорадовича. Я такъ привыкъ къ невѣжественной клеветѣ на Россію, что не сержусь за нее и не отвѣчаю. Развѣ Таймсъ не разсказывалъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, что въ Петербургѣ лакеи раздѣваютъ дамъ, когда онѣ идутъ спать, или развѣ годъ тому назадъ не было полемики въ здѣшнихъ журналахъ о томъ, что въ Россіи зимой мерзлую водку рубятъ-ли топоромъ или нѣтъ; и что правда или нѣтъ, что зимой иногда снимаютъ ноги вмѣстѣ съ сапогами? .. Я съ радостью встрѣтилъ въ книгѣ Кюльтюра надежду на наше будущее и за одно доброе, теплое слово, забылъ анекдотъ принятый имъ на вѣру отъ Русскихъ.

Позвольте мнѣ заключить мое письмо искренной благодарностью за ваше вниманіе къ моему труду. Передъ вами вторая книжка Полярной Звѣзды, не щадите и ее, она какъ Ѳемистоклъ говоритъ вамъ "бейте—только читайте."

И—ръ.

10 Апрѣля 1856, Лондонъ.

РУССКІЕ ВОПРОСЫ (*)

Недавно мы встрѣтили въ "Times" (23 Апрѣля) нѣсколько словъ о Россіи, на которыя спѣшимъ сказать нѣкоторыя замѣчанія.

"Times" сообщаетъ слухъ — будто бы императоръ Александръ II высказалъ свое рѣшеніе, что всѣ дѣти, рожденныя отъ родителей крѣпостнаго сословія со дня коронаціи, будутъ объявлены свободными.

Мы увѣрены, что императоръ Александръ освободитъ крѣпостныхъ людей въ Россіи. Ихъ нельзя не освободить, не подвергнувъ государство финансовому раззоренію, или дикой пугачевщинѣ, или тому и другому разомъ. Но мы не вѣримъ извѣстію "Times'а". Мы знаемъ, что правительство будетъ искать при освобожденіи крѣпостнаго сословія нѣкоторой постепенности для предотвращенія потрясеній никому не полезныхъ; но искать постепенности на томъ пути, гдѣ одно поколѣніе было бы свободно, а другое оставалось бы крѣпостнымъ, это невѣроятно! Это только можетъ ввести новую неопредѣленность отношеній, между тѣмъ какъ Россія уже и безъ того страдаетъ неопредѣленностями всякаго рода въ законодательствѣ, въ границахъ власти административной и судебной, въ взиманіи налоговъ, и т. д.

Кромѣ неопредѣленности отношеній между помѣщиками и крестьянами, такое рѣшеніе вопроса освобожденія крестьянъ грозитъ искаженіемъ всѣхъ понятій русскаго народа о собст-

(*) Мы получили эту статью изъ Парижа два дня тому назадъ и спѣшимъ помѣстить ее, благодаря неизвѣстнаго автора.

венности. Русской народъ не можетъ отдѣлить себя отъ земли, землю отъ общины. Община убѣждена, что извѣстное количество земли принадлежитъ ей. Даже крестьяне, которые переселяются съ прежняго мѣста жительства, идутъ не ins Blaue hinaus, а идутъ вступить во владѣніе новой землей, образовать новую деревню, новую общину. Ни одному помѣщику не приходило въ голову выселить крестьянъ, хотя бы изъ видовъ фабричной дѣятельности, не давая имъ новой земли для хлѣбопашества; нѣтъ ни однаго крестьянина, который, идя на промыслъ въ какой-нибудъ дальній уголъ имперіи, не зналъ бы, что у него дома на его долю остается клочекъ земли, выдѣляемый ему изъ общиннаго владѣнія. Эта нераздѣльность человѣка и земли, общины и почвы — фактъ. Есть-ли онъ результатъ глубокой древности, сложился-ли онъ во время петровскаго періода—все равно; дѣло въ томъ, что въ понятіи русскаго народа иное устройство невозможно. Между тѣмъ рѣшеніе вопроса освобожденія такъ, какъ говоритъ "Times" по слухамъ, заставляетъ насъ предполагать, что крестьяне будутъ освобождены безъ земли, ибо нельзя дать землю людямъ родящимся съ 30 Августа 1856 г. и не дать ея нынѣ живущимъ и работающимъ людямъ.

И такъ освобожденіе крѣпостныхъ людей безъ земли! .... въ противность духу русскаго народа . . . и тогда, когда ихъ можно легко освободить съ землею. То есть введеніе въ Россіи пролетаріата, который до сихъ поръ у насъ неизвѣстенъ, тогда какъ легко можно избѣгнуть его и всѣхъ его послѣдствій — смутъ и страданій! . . . Нѣтъ, это невѣроятно! Неужели изъ всѣхъ средствъ постепенно привести въ исполненіе освобожденіе крѣпостныхъ людей, юное русское правительство выберетъ самое нелѣпое? .... Невѣроятно! И почему-же не спросить мнѣнія лучшихъ русскихъ людей объ этомъ вопросѣ? Почему правительству не приказать подавать себѣ проэкты освобожденія крѣпостныхъ людей? Эти проэкты посыплются со всѣхъ концовъ Россіи, со всѣми весьма важными оттѣнками мѣстностей. Тогда легко выбрать способы освобожденія. Наконецъ спеціальная коммиссія (а у насъ такъ любятъ специ-

альная коммиссія!) могла бы заняться разборомъ проэктовъ и добросовѣстно опредѣлить способы освобожденія, согласные съ здравымъ смысломъ, съ духомъ и потребностями народа и мѣстными условіями жизни.

Страшно мнѣ за тебя моя Россія! Юное правительство, какъ бы ни было благонамѣренно, окружено людьми старыми, для которыхъ личныя выгоды значатъ государственный порядокъ; людьми старыми, которые неохотно возьмутся за вопросъ освобожденія, или рѣшатъ его съ точки зрѣнія узкихъ политико-экономическихъ понятій, или лучше сказать безпонятій. Да, если за вопросъ освобожденія возьмутся люди николаевскаго періода, они рѣшатъ его скверно, не безпокоясь о послѣдствіяхъ, рѣшатъ его съ свойственнымъ имъ корыстолюбіемъ, лицемѣріемъ и ловкостью квартальнаго надзирателя, въ пользу государственныхъ воровъ—и только! Для новаго вина надо мѣхи новые: страшная истина! Горе если императоръ Александръ не пойметъ ее.

И что-же мѣшаетъ людямъ съ свѣжимъ умомъ и чистыми намѣреніями стать добросовѣстными помощниками около молодаго царя? Что мѣшаетъ? — Чинъ, Чинъ — и только!

И такъ чинъ, эта нѣмецко-китайская язва въ Россіи можетъ помѣшать ея будущему развитію и благоденствію и всякому благому намѣренію молодаго государя, который всенародно говоритъ, что его цѣлъ внутреннее благоустройство государства!

О моя Россія! Дорого бы я далъ, чтобы ты была избавлена отъ всѣхъ страданій западнаго развитія, безплодныхъ кровопролитій, раздробленія собственности, нищенства, пролетаріата, формально законныхъ и человѣчески несправедливыхъ судовъ, притѣсненій, позорнаго мѣщанскаго тиранства, лицемѣрія, и развивалась бы ты мирно путемъ вѣчно-юной реформы. Но какъ будетъ, что будетъ, не знаю.

Если крестьянъ отпустятъ безъ земли, дворянство вмѣсто роли образованнаго класса въ государствѣ, разыграетъ роль западнаго мѣщанства, разовьетъ право собственности до варварства какъ въ Англіи, разовьетъ угнѣтеніе и нищенство

крестьянъ и дастъ поводъ къ смутамъ, которыхъ жестокость будетъ страшная!

Если крестьянъ отпустятъ безъ земли, эти свободно-бездомные люди станутъ нанимать землю. Кто-же установитъ цѣну этихъ наймовъ; буржуа-помѣщикъ. Изъ-за чего-же трудиться измѣнять крѣпостное состояніе русское въ крѣпостное состояніе западное, можетъ еще болѣе тяжелое? Изъ чего трудиться чтобы перейти отъ рабства къ рабству? А вѣдь можно перейти отъ рабства къ дѣйствительной свободѣ. Дайте крестьянамъ ту землю, которой они теперь de facto пользуются. Вознагражденіе помѣщиковъ посредствомъ банковыхъ или иныхъ операцій можно-же придумать, заставивъ надъ этимъ вопросомъ потрудиться свѣжихъ образованныхъ людей.

Дѣйствительная свобода предполагаетъ раціональное вознагражденіе труда. Раціональнаго вознагражденія труда можетъ требовать только человѣкъ, не рискующій умереть съ голода, человѣкъ, который увѣренъ, что имѣетъ minimum для пропитанія себя и семейства. Этаго-то свободнаго человѣка мы и найдемъ въ русскомъ крестьянинѣ, которому община выдѣляетъ необходимый для пропитанія клочекъ земли. Не надо намъ мнимой своды европейского нищаго. Дайте крестьянамъ ту землю, которой они теперь пользуются! (*)

У помѣщиковъ еще останется довольно земли. Благоразумныя финансовыя мѣры могутъ при самомъ освобожденіи крѣпостныхъ людей, облегчить помѣщикамъ способы обработыванія остающихъ у нихъ земель. Благоразумныя финансовыя мѣры могутъ создать капиталы. Надо объ этомъ подумать. Освобожденіе крѣпостнаго сословія, какъ и всякая реформа, не есть раззореніе, а спасеніе отъ раззоренія.

Мимоходомъ замѣчу, что у насъ на недостатокъ капиталовъ и на обычай общины дѣлить ежегодно пашню по тяглямъ сваливаютъ вину неразвитія земледѣлія, statu quo трехпольнаго хозяйства и пр. Пора бы забыть эти призраки. Плодопеременное хозяйство не примется въ Россіи, пока на рын-

(*) Не беспокойтесь о дворовыхъ людяхъ. Приписка ихъ къ общинѣ не обременитъ крестьянъ. Они составляютъ едва одну двадцать четвертую долю крѣпостнаго населенія.

кахъ будетъ требоваться не разнообразіе плодовъ земныхъ, а массы извѣстнаго рода хлѣбовъ. Посмотрите какъ наши крестьяне охотно воздѣлываютъ свекловицу вблизи большихъ свеклосахарныхъ заводовъ. Заключеніе очевидно: устройте пути сообщенія, устройте желѣзныя дороги, и вы увидите, что развитіе сельскаго хозяйства пойдетъ объ руку съ требованіями земледѣльческихъ произведеній на разныхъ рынкахъ имперіи.

Да! освобожденіе крѣпостнаго сословія, какъ и всякая реформа не есть раззореніе, а спасеніе отъ раззоренія. Вѣдь эта реформа необходима, неизбѣжна. Не стану говорить о грязи мелкихъ помѣщичьихъ притѣсненій, въ которой душно жить кѣрпостному человѣку; реформа необходима по самымъ простымъ экономическимъ условіямъ.

Положимте въ сложности крѣпостные крестьяне пользуются на тягло по одной десятинѣ въ полѣ, т. е. по три дѣсятины во всѣхъ поляхъ. Maximum цѣны пашенной земли 30 р. с. за десятину въ покупкѣ. Слѣдственно помѣщикъ даетъ тяглу въ пользованіе капиталъ въ 90 р. с. Естественно онъ могъ бы требовать съ тягла maximum 10% т. е. 9 р. с. въ годъ. Тягло работающее по найму, обычно можетъ заработать около 50 р. с. въ годъ. На помѣщика оно работаетъ три дня въ недѣлю, т. е. половину года (не говоря о злоупотребленіяхъ, когда заставляютъ работать болѣе трехъ дней). Слѣдственно тягло платитъ по-крайней мѣрѣ 25 руб. ср. за наемъ капитала, съ котораго нельзя болѣе платить какъ девять рублей. Слѣдственно тягло платитъ не 10%, а 27% помѣщику за пользованіе землею. Не говорю объ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ условія произвольны и иногда сходны, иногда совершенно раззорительны для крестьянъ. Ну! можетъ-ли такое экономическое отношеніе держаться? Можетъ-ли оно не лопнуть? Не необходима-ли реформа, если Россіи суждено избѣгнуть бунтовъ и рѣзни?

Съ другой стороны помѣщикъ отъ этихъ жидовскихъ процентовъ не получаетъ ни малѣйшей выгоды. Онъ привыкъ пользоватся даровымъ трудомъ и никогда не раечитываетъ сколько что ему самому стоитъ. Между тѣмъ на рынкахъ, помѣщикъ находится въ конкурренціи съ крестьяниномъ,

который продаетъ дешево по нуждѣ, и помѣщикъ принужденъ продавать хлѣбъ безъ всякой пользы. Я видѣлъ только тѣхъ помѣщиковъ въ выгодѣ, которые копятъ хлѣбъ и потомъ продаютъ его въ голодные года по невѣроятнымъ цѣнамъ.

Да развѣ тутъ есть хоть тѣнь какого-нибудь нормальнаго хозяйства? Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что съ освобожденіемъ крѣпостнаго сословія цѣны на хлѣбъ повысятся, это не бѣда! Опѣ повысятся и съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ. Повышеніе цѣнъ на хлѣбъ не убьетъ страну, гдѣ нѣтъ пролетаріата. До сихъ-же поръ низкостью цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи пользуются только хлѣбные торговцы, жирѣя и крестясь на православный и неправославный манеръ и замаливая грѣхъ мошенническаго способа торговли. Да взгляните вы на отчеты опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ: вѣдь со временъ ихъ учрежденія почти ни одно дворянское имѣнье не выкуплено и почти всѣ по нѣсколько разъ перезаложены! Развѣ вамъ не очевидна будетъ необходимость реформы, т. е. освобожденія крѣпостнаго сословія?

Я не думаю, чтобъ раззореніе дворянскихъ имѣній происходило отъ мотовства помѣщиковъ какъ предполагаютъ многіе. Странно заподозрѣть гуртомъ цѣлое сословіе въ мотовствѣ! Ложное положеніе отношеній помѣщиковъ и крестьянъ болѣе вѣроятная, коренная причина упадка дворянскихъ имѣній. А упадокъ страшный! Опекунскіе совѣты не знаютъ что дѣлать съ огромнымъ количествомъ имѣній, поступающихъ къ описи и отсрочиваютъ платежи, не имѣя въ виду возможности продать съ публичнаго торга просроченныя имѣнья. Но если бы упадокъ и происходилъ отъ мотовства помѣщиковъ и ихъ непривычки къ труду, то освобожденіе крѣпостныхъ людей было бы нравственнымъ очищеніемъ дворянскаго сословія, ибо заставило бы дворянъ раціонально трудиться и умѣть жить не на чужой счетъ.

Да! Реформа необходима! Правительство это чувствуетъ, дворянство это чувствуетъ, народъ это чувствуетъ! Но къ кому же дѣйствительно правительство обратится за совѣтомъ? Кого

возметъ въ помощники въ великомъ дѣлѣ преобразованія, освобожденія крѣпостныхъ людей?

Народъ плохо можетъ высказать понятіе, находящееся у него скорѣе въ степени инстинкта, чутья, а не ясной мысли.

Большіе баре? Люди, у которыхъ по пяти, по двадцати, по тридцати, полутораста, тысячь душъ? Но это люди, которые воспитаны въ какой-то заоблачной сферѣ, никогда несоприкасавшіеся съ народомъ и его потребностями, никогда не мыслившіе, привыкшіе только тратить огромныя съ неба валящіяся имъ суммы, не стѣсняясь ни на волосъ въ самыхъ необузданныхъ капризахъ. Нѣтъ, это плохіе совѣтники, плохіе помощники на благое дѣло.

Мѣлкопомѣстное дворянство? Но это люди лишенные воспитанія, люди выжимающіе изъ мужика всѣ здоровые соки, только что неубивающіе мужика, а иногда и убивающіе подъ милостивымъ прикрытіемъ губернскихъ властей. Плохіе совѣтники!

Купечество? Но это каста, которая рада своей замкнутости и себя считаетъ паукомъ, а все остальное мухами, и которая слѣдственно мѣритъ благоденствіе государства своею прибылью, достигаемую всѣми путями неправды. Плохіе совѣтники!

Чиновники?... Но это члены одной огромной организаціи повсемѣстнаго грабежа, гдѣ окопечности пользуются копѣйками и постепенно къ центрамъ скопляются рубли. Плохіе совѣтники! Лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые достаточно глупы, чтобъ не грабить и не довольно благородны, чтобъ не служить — бюрократы. Они думаютъ спасти незнаемую ими Россію циркулярчиками! ... Да и попробуйте затронуть ихъ циркулярчики, увидите что значитъ бюрократическое самолюбіе. Плохіе совѣтники!

Остается тотъ отдѣлъ дворянства средней руки, который съ одной стороны образовался въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и привыкъ мыслить, а съ другой стороны жилъ въ деревняхъ и знаетъ народъ и его потребности, и между тѣмъ не продавалъ своей совѣсти за мѣста по службѣ. Да! юному правительству слѣдуетъ обратиться къ образованнымъ русскимъ

людямъ не по мѣрѣ долговременности ихъ службы, а по мѣрѣ ихъ независимости отъ службы; не по мѣрѣ значительности, а по мѣрѣ незначительности ихъ чина. Эти люди остались самобытны и независимы, слѣдственно добросовѣстны. Въ этихъ людяхъ въ настоящую эпоху выражается высшее развитіе русской мысли; они могутъ быть совѣтниками и помощниками.

Да! еще разъ: реформа необходима! Отпустите крестьянъ съ землею.

Но это еще не все! Административный грабежъ переходитъ всякую мѣру. Мѣста продажны и люди продажны. Все, что служитъ грабитъ и тѣснитъ все то, что не служитъ. Окружные, вооруженные безпощадными розгами, ѣздятъ собирать подать именно въ то время года, когда у мужика хлѣбъ не проданъ и денегъ нѣтъ; мужикъ откупается, чиновникъ богатѣетъ, а недоимка растетъ. По мѣрѣ богатѣнья чиновника, бѣднѣетъ мужикъ. Это своего рода крѣпостное состояніе казенныхъ крестьянъ, не лучше состоянія помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей. Земская полиція покровительствуетъ окружнымъ (а гдѣ удѣлы удѣльнымъ управляющимъ) и грабитъ сама сколько можетъ. Судебныя мѣста покровительствуютъ грабежу и грабятъ сами. Губернаторы покровительствуютъ грабежу и грабятъ; каждый разумѣется грабитъ по чину. Губернаторы вмѣшиваются въ дѣйствія судебныхъ мѣстъ тѣмъ болѣе, что разграниченіе судебной и административной власти весьма неопредѣленно; судебныя мѣста, если какъ-нибудь нечаянно вздумаютъ поступить справедливо, трепещутъ передъ губернаторами; но по большей части всѣ власти дѣйствуютъ за одно. Дѣйствія судебныхъ мѣстъ и явныхъ полицій сводятся на прямой грабежъ; дѣйствія тайныхъ полицій состоятъ въ томъ, чтобы зажимать рты честнымъ людямъ, которые смѣютъ находить, что грабежъ есть не государственный порядокъ, а грязная, безнравственная анархія. Честныхъ людей называютъ либералами, бунтовщиками и тому подобными названіями, какъ будто виноваты честные люди, а не анархія административнаго грабежа, которая прежде всего подаетъ

поводъ къ народнымъ волненіямъ, ибо выносить эту анархію невозможно; терпѣнія народнаго не хватитъ.

Не бойтесь этой картины Россіи! Она непреувеличена, я свидѣтельствую о томъ что видѣлъ. Но не бойтесь, а искорените зло! Позвольте наконецъ честнымъ людямъ, безъ опасенія заточенія и ссылки, изобличать изустно и печатно всѣ административныя и судебныя мошенничества и всѣхъ административныхъ и судебныхъ мошенниковъ.

Винный откупъ грабитъ народъ. Это ясно. Мужикъ вырабатываетъ хлѣбъ и продаетъ четверть ржи за два цѣловыхъ. Изъ этой четверти сдѣлаютъ семь ведръ вина и продадутъ мужику въ розничной продажи каждое ведро по семи цѣловыхъ (*) т. е. четверть ржи передѣланная въ вино, 2. р. с. переходитъ въ 49 руб. ср. Налогъ невѣроятный! Говорятъ, что это для общей нравственности, чтобъ народъ не спился съ кругу. Да развѣ народъ былъ спившимся съ кругу до учрежденія откуповъ? Возьмите статистику опившихся изъ медицинскихъ отчетовъ и вы увидите, что это ложь. Но этаго мало: откупъ разбавляетъ вино или портитъ, подсвѣчивая вредными средствами. Губернаторы всему покровительствуютъ, потому, что откупъ имъ платитъ.

Губернаторы грабятъ и посылаютъ донесенія министерствамъ. Министерства остаются довольными и Россія благоденствуетъ!

Страшное положеніе!

Правительствующій сенатъ, эта высшая судебная инстанція —cour de cassation для всѣхъ дѣлъ отъ Камчатки до Одессы и отъ Архангельска до Астрахани, не поспѣваетъ рѣшать всѣхъ дѣлъ являющихся къ нему въ видѣ искаженномъ пристрастными слѣдствіями и пристрастнымъ судопроизводствомъ, и самъ беретъ взятки.

Позвольте наконецъ честнымъ людямъ гласно обсуживать ходъ судебныхъ дѣлъ.

Взгляните: вѣдь русскій народъ привыкъ къ гласности.

(*) Въ бедерной продажѣ вино стоитъ 4 р. с. и тутъ 28 р. за 2 рубли!

Крестьяне разбираютъ споры между собою на мірской сходкѣ. Тутъ мірская сходка значитъ гласность. При большемъ развитіи образованности, шумная, говорливая мірская сходка, замѣняется болѣе обширной и обдуманной гласностью, гласностью печатной, въ которой участвуютъ уже не одни иногда пристрастные — члены какой - нибудь отдѣльной общины, а участвуетъ каждое лицо цѣлаго государства по мѣрѣ силъ и способностей. Тутъ только можетъ образоваться честное общее мнѣніе, казнящее неправду, отъ которой иначе не спасутъ никакіе указы и наказанія.

Взгляните : въ русскомъ духѣ третейскіе суды, съ понятіемъ которыхъ невольно связывается понятіе гласности.

Разработывайте народные элементы судопроизводства. Право, они болѣе способны основать и развить въ Россіи правосудіе, чѣмъ всѣ эти германо - латинскія учрежденія, сводящіяся на пустой и обременительный формализмъ, вдобавокъ загрязненный лихоимствомъ безопасно опирающимся на безгласности.

Въ заключеніе замѣчу. Россія раздѣлена на губерніи; это раздѣленіе было нѣкогда правительственной мѣрою для облегченія дѣйствій администраціи. Но раздѣленіе до такой степени произвольно, что правительство само было принуждено группировать нѣсколько губерній въ генералъ - губернаторства. Спрашиваю : можетъ-ли держаться это произвольное раздѣленіе на 53 губерніи, гдѣ часто раздѣлены одинакіе интересы и сгруппированы разнородные? на 53 центра административнаго грабежа? Между тѣмъ какъ высшій апелляціонный судъ торчитъ одиноко на двухъ маленькихъ точкахъ неизмѣримой имперіи.

Этотъ вопросъ меня приводитъ къ мысли, что Россіи не естественно группироваться въ германо-турецкіе пашалыки, отдаваемые на съѣденіе какимъ-нибудь гегеймратъ-сатрапамъ.

Будущность Россіи сгруппироваться въ конфедеративную имперію.

Но прежде всего отпустите крестьянъ съ землею.

Многое еще пропущено мною въ этихъ наскоро набросан-

ныхъ страницахъ; но искренная цѣль моя была поднять всѣ животрепещущіе русскіе вопросы: да рѣшатъ ихъ юное правительство и вновь оживающая Россія

Р. Ч.

Въ то время какъ русскіе вопросы вѣроятно печатаются въ Полярной Звѣздѣ, газеты поразили меня прискорбно-забавнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 Апрѣля, и я спѣшу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ теплой и благородной рѣчи императора Александра, послѣ извѣстія о прекращеніи рекрутскихъ наборовъ на шесть лѣтъ, этотъ циркуляръ написанный темно и смѣшно, съ самой правительственной точки зрѣнія совершенная неловкость; онъ вдругъ вмѣсто какой-нибудь программы дѣйствій, которой всѣ ожидали съ довѣріемъ, показываетъ, что высшая администрація, министерство внутреннихъ дѣлъ, само не знаетъ что ему дѣлать и пустотой громкихъ словъ старается прикрыть пустоту своего содержанія. Лучше было бы молчать. Къ чему министру внутреннихъ дѣлъ захотѣлось говорить, не зная о чемъ ему говорить? Какъ юное русское правительство могло дозволить старому министру повторять старую туманную болтовню, въ которой никто ничего не пойметъ? Большая ошибка! Большая неловкость!

Чего хочетъ г. министръ? Развитія производительныхъ силъ Россіи посредствомъ г-дъ губернаторовъ. Гм!... Производительныхъ силъ! Это что-то изъ Тенгоборскаго! Г. министръ, кажется вашъ циркуляръ имѣетъ единственною цѣлью окончательно убить книгу Тенгоборскаго, сдѣлавъ ея заглавіе смѣшнымъ. До такой степени эти производитетьныя силы неизвѣстны г. министру, что онъ спѣшитъ сказать, что не входитъ ни въ какія подробности дѣла, спѣшитъ спрятать

свое незнаніе подъ напыщенность заглавія книги Тенгоборскаго.

Ну-съ! прекрасно! г. г. губернаторы! извольте развивать производительныя силы всѣхъ сословій ввѣреннаго вамъ народонаселенія. Какъ то вы за это примитесь? . . . Ну-съ! Развивайте!

Знаете что? Перестаньте сами грабить и не позволяйте вашимъ чиновникамъ грабить всѣ сословія ввѣренныхъ вамъ народонаселеній, и, повѣрьте, тогда эти производительныя силы разовьются сами, безъ вашего пособія. Вамъ надо уничтожиться, г. г. губернаторы, или переродиться, это единственное средство съ вашей стороны помочь развитію промышленной Россіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, не смотря на всю туманность своего циркуляра, такъ невольно это почувствовалъ, что предписываетъ вамъ наблюдать за безпристрастіемъ вашихъ чиновниковъ, т. е. инымъ словами проситъ васъ не позволять имъ грабить. Да и какъ-же вы иначе станете развивать производительныя силы Россіи? Эти силы не въ вашихъ рукахъ, а въ рукахъ народа. Вы, г. г. губернаторы—губернская полицейская власть. Ваше дѣло, чисто отрицательное, всѣ ваши дѣйствія должны сопровождаться частичкой не: не допускать противузаконнаго насилія и безчеловѣчья, не допускать чиновничьяго грабежа. Смыслъ всякой полицейской власти отрицательный. А если вамъ позволятъ положительно, дѣятельно вступаться въ развитіе производительныхъ силъ народа, о тогда—знаю я васъ, мечь обоюдоострый,—тогда вы употребите всѣ пособія правительства и все богатство народное въ пользу собственныхъ кармановъ. Тридцать лѣтъ прошлаго царствованія развивали вашу власть; само правительство знаетъ до какихъ это довело плачевныхъ результатовъ.

Далѣе г. министръ внутреннихъ дѣлъ обращается къ г. г. губернаторамъ, уѣзднымъ предводителямъ дворянства и дворянству, прося позаботиться о безсрочно-отпускныхъ и возвращающихся ратникахъ, упоминая даже, что безсрочно-отпускные должны служить примѣромъ для крестьянъ. При-

мѣромъ чего? Верховой ѣзды, если они кавалеристы? или выкидыванія ружья на плечо, если они пѣхотинцы? Полноте пожалуста! Пора перестать думать, что народъ мушкатеры, а Россія казарма. Какое-же такое отличное воспитаніе получаетъ солдатъ, чтобъ ему можно было учить мирныхъ трудящихся поселянъ общественнымъ, гражданскимъ добродѣлямъ?

Дайте безсрочно-отпускнымъ чистую отставку и припишите ихъ и ратниковъ опять къ тѣмъ-же деревнямъ, откуда они пошли на службу. Мужики охотно опять примутъ своихъ въ свою среду и община охотно выдѣлитъ имъ участки. Вамъ не хочется чтобъ солдаты поступили опять въ помѣщичье владѣніе? Да вы отпустите крѣпостныхъ крестьянъ на волю съ землею и припишите отставныхъ солдатъ къ ихъ роднымъ общинамъ. Вопросъ рѣшается просто и тогда никого не нужно просить заботиться о безсрочно-отпускныхъ; они естественно пристроятся.

Безсрочно-отпускные хороши въ Пруссіи, гдѣ солдатъ служитъ три года и гдѣ безсрочно-отпускной знаетъ, что его не потребуютъ снова на службу безъ крайней необходимости; а нашъ безсрочно-отпускной, пробывъ пятнадцать лѣтъ внѣ дома, возвратясь на родину, привыкъ боятся, что его не сегодня завтра потребуютъ изъ какой-нибудь курской губерніи куда-нибудь въ петербургскую губернію для смотра или маневра и не способенъ снова сдѣлаться хозяиномъ. Успокоить его можно только чистой отставкой, обеспечить его можно только припиской къ общинѣ, освобожденной отъ помѣщичьей власти и чиновничьяго грабежа.

Наконецъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ предписываетъ подъ опасеніемъ гнѣва монарха строго держать крѣпостныхъ людей въ повиновеніи у помѣщиковъ. Да развѣ кто ослушается? Спокойный, сметливый, благоразумный крестьянинъ терпѣливо ждетъ отъ правительства утѣшительнаго слова освобожденія рѣшительныхъ мѣръ къ этому благому дѣлу; а вы вдругъ ни съ того ни съ сего грозите ему строгимъ наказаніемъ за какія-то будущія преступленія! Да вѣдь это вы

дѣлаете вызовъ на непослушаніе, потому что отнимаете надежду на будущее, сулите строгость тамъ, гдѣ ожидаютъ милости.

Нужна-ли была эта выходка съ административной точки зрѣнія для того, чтобы поддержать общее спокойствіе, предовратить какія-нибудь частныя преждевременныя смуты? —Едва-ли. Какъ можно съ административной точки зрѣнія, сказать народу, который ни чуть не волнуется: "А! Я предчувствую, что ты станешь волноваться!" Ужасная неловкость! Одно обѣщаніе освобожденія со стороны правительства, одно изъявленіе желанія, чтобъ все мирно ожидало рѣшенія великой задачи, произвели бы болѣе успокоенія умовъ, чѣмъ всѣ угрозы за волненія, которыхъ еще не существовало.

Съ грустной улыбкой прочитавъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, я подумалъ: "Оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ!"

Я увѣренъ, что самое юное русское правительство, дозволило появленіе циркуляра только, чтобъ сдѣлать удовольствіе старику Ланскому, который придумывалъ его вѣроятно съ удивительной бюрократической важностью—какъ будто дѣло дѣлалъ; а само станетъ дѣйствовать своимъ путемъ совершенно по мимо циркуляра, оставляя его какъ примѣръ смѣшнаго краснорѣчія изъ обвѣтшалаго курса обвѣтшалой риторики.

Р. Ч.

